

ПЛЕННИК

Тюрин Борис и Коротаева Ольга

Пленник. Борис Тюрин и Ольга Коротаяева

***

Роман ПЛЕННИК

авторы: Тюрин Борис, Коротаева Ольга

Пролог

В последнее время ему стала отказывать память. Ещё недавно, лет сто назад, он помнил своё детство, а сейчас воспоминания упорно не желали возвращаться в прошлое, более отдалённое, чем появление здесь. Как ни старался, он не мог вспомнить ничего, до того момента, как за спиной бесшумно сомкнулись каменные створки ворот, и голос ниоткуда произнёс: «Теперь ты навеки наш кошчи, пленник. Это твоё обиталище до самой смерти. Ты здесь, чтобы охранять наше сокровище. Жители ближайшего селения приневолены кормить тебя, а ты не должен пускать сюда никого. Всякого, пытающегося постичь тайну подземелья, убей»

На противоположной стене вспыхнул неяркий факел. А голос затих, и немало воды утекло, прежде чем пленник услышал его снова. Сколько именно — непостижимо, в подземелье время не имело какого-либо мерил. Факел у входа всегда горел так, будто только минуту назад на него упала искра от огнива. Ничем от него не отличались факелы в высоком сводчатом коридоре, который вёл от входа в большой каменный зал, где на каменном полу, в беспорядке свален целый арсенал разнообразного оружия. Нехитрую еду, появляющуюся в неглубокой нише рядом с воротами, пленник относил в этот зал, где у него было устроено подобие человеческого жилья.

Сколько лет его жизнь состояла только из еды и сна, он не знал. Но день за днем он переставал быть человеком. Жизнь подчинилась распорядку: пробуждение, несколько шагов до ниши, обратный путь с узелком, однообразная еда, вкуса которой он уже не ощущал и снова сон.

Потом ушел сон. Пленник сидел на месте, не желая вставать, не желая ни есть, ни пить. Он звал смерть и не находил её. Рвал на голове отросшие волосы, бился головой о камни, оставляя кровавые узоры на стенах. Потом сдавался и снова совершал опостылевшие шаги до ниши. И очередной крестьянин облегченно вздыхал, вытирая пот со лба, увидев, что узелок наконец исчез. Проклиная себя за слабость, он шел к груде ржавого оружия, что валялась посередине пещеры, но не мог найти в себе силы покончить одним взмахом с опостылевшей жизнью. Неясно поблескивающие мечи валились из его дрожащих рук, со звоном погребальных колоколов.

Потеряв память, попросившись со своим прошлым, он перестал быть тем, кем считал себя. И одновременно он обрел себя. Жизнь бессловесной скотины ушла в прошлое. После очередной ночи без сна, в течение которой безумство владело его телом, пленник словно очнулся от тяжелой болезни. И понял, что все, что было раньше — было страшным сном, было не с ним. И тот человек, что вначале пришел сюда, что деградировал в животное, что выл ночами, пугая полуночную нежить, умер. А тот, что выжил в нем, достоин лучшей жизни.

Сначала он придумал себе имя. «Кошчи», как называли его неведомые существа, показалось ему правильным. Это тот, кто должен жить, кто должен здесь обитать в качестве стража этих пещер. А раз он здесь хозяин, так должен и вести себя, как таковой.

Он встал и пошел к нише. Но не так, как делал это вот уже столько лет. Нет, сегодня он делал свои первые шаги. Кошчи обошел весь двор, по-хозяйски рассматривая каждую веточку, занесенную сюда лихим ветром, каждый камень под ногами. словно впервые увидев свой дом, он поразился его величии. И принял это величие в свое сердце: высокие стены высечены прямо в скале, уходящей в небо, без единого намека на неровность, на ошибку каменщика. Идеально гладкий камень покорял его чувства.

Кошчи вдруг понял, что в это мгновение стал единым целым со своим домом. И что будет его защищать не потому, что это велели те, кто привел его сюда. А потому, что это его собственность, кусочек его самого. А свой дом мало любить, его надо знать и ухаживать за ним. Осознав это, пленник решил исследовать все уголки, все коридоры и пещерки.

Сегодня он завтракал у стены и это противоречие его старой, скотской, жизни вселяло в него надежду. Каждый кусочек пищи, каждый глоток жидкости радовал его чувства забытыми доселе ощущениями. Он, словно ребенок, радовался этому, испытывая вновь обретенную остроту рецепторов, которые говорили: это соленое, а это сладкое... Насладившись пищей, Кошчи вошел в пещеру с твердым намерением увидеть новое.

Круглая пещера с гладкими стенами и небольшими выступами для факелов была неярко, но приятно для глаза, освещена. Неровный пол с высеченными длинными ступенями покрывал толстый слой пыли. соломенная подстилка в дальнем углу источала омерзительный запах гнили и застарелой мочи. Это был символ его животной жизни. Кошчи презрительно поморщился. Он вышел обратно и собрал множество веток, стянув их своим поясом, соорудив свой первый веник. С остервенением и злобной радостью, он принялся за первую уборку в своей новой жизни. Вместе с пылью он убирал из своей души остатки безумства, выбросив гнилую одежду и подстилку, он обновил свой дух. Соорудив подобие одежды из чистых платков, в которые завертывали еду селяне, пленник положил свой путь к возрождению в нем человека.

Когда в пещере стало чисто, он с трепетом подошел к груде оружия. Теперь, вместо ржавых железок, он видел произведения искусства древних мастеров. Дрожащими, от восторга, руками он гладил совершенные изгибы. Подавшись импульсу, Кошчи метнулся из пещеры и упал на колени, шаря по земле в поисках нужного камня. Много одинаковых гольшей летело в стороны, сопровождаемые криками разочарования, как попался нужный. Он внес его на вытянутых руках, словно священный дар богам, в пещеру и с благоговением опустился на пол перед великой коллекцией, оставленной ему неведомым благодетелем.

Камень оправдал надежды пленника, ржавчина легко сходила с лезвий под его действием, не причиняя им вреда. День за днем, ночь за ночью, он работал не покладая рук, словно мстя себе за бездействие и леность, стирая пальцы в кровь, зарабатывая мозоли и безудержно радуясь каждой новой. И очередной клинок ложился на каменный пол: сверкающий, чистый, готовый к бою. А если случалось, что время слишком потрудилось над предметом, Кошчи рыдал, как ребенок, хороня его в камнях на дворе...

Настал день, когда потянувшись сине-багровой рукой к куче, Кошчи обнаружил, что не осталось ничего. Он выпрямился, явственно слыша скрип и треск во всем своем теле, боль в каждой мышце и связке. Благословляя эту муку, которая подтверждала ему, что он жив, пленник обвел гордым взглядом свой дом: по всему полу было разложено в четком порядке

блестящее, словно новое, оружие. Свет померк в его глазах. Но это не факелы утратили свой вечный свет, это пришел к нему сон: такой долгожданный в безумстве и такой сладкий после хорошо выполненной работы.

Следуя данному себе обещанию: каждый день видеть новое, Кошчи начал исследовать глубины своего дома. Первая же прогулка привела его в узкий и низкий коридор, не освещённый ничем. Но он не мог даже находиться около входа, так как испытывал необъяснимый ужас.

Слегка отправившись от сильного потрясения, страж решил не отступать, просто чуть изменить порядок освоения своего владения: другой коридор привел его в другую пещеру, как две капли воды похожую на первую, за тем лишь исключением, что здесь не было ни факелов, ни даже выступов для их установки. Других коридоров из залы не выходило. Вернувшись, пленник порадовался хорошей прогулке и снова забылся здоровым сном.

День за днем он обходил коридоры, осваивал другие пещеры. Теперь ближайшие служили ему полигоном для упражнений во владении оружием. Одну, самую близкую, он определил для занятий с мечами. Каждый день выбирая другой клинок, чтобы его железным друзьям не было обидно, пленник учился владеть им. Не имея возможности учиться или вспомнить, как это должно быть правильно, Кошчи сам выдумывал движения, представляя множество противников, и сам же определял, какую атаку как нужно отражать. Он учился у случайно залетевшей к нему стрекозы вращать меч, у бабочки — как работать с двумя клинками одновременно. Каждая его тренировка походила на запредельный танец, а трудолюбие и одержимость не позволяли остановиться в развитии.

Самый освещенный зал, в своде которого было множество отверстий, пленник определил для упражнений с арбалетами. Для этих целей сюда было перетащено старое бревно, что подпирало намертво закрытые ворота. Своей кровью Кошчи нарисовал мишень и не оставлял занятий, пока не добивался поставленной цели. Даже если на это требовалось несколько суток.

Самая темная пещера служила для медитаций: когда пленник чувствовал, что безумие снова подстерегает его, он отправлялся туда и освобождал свои мысли от любого вмешательства, не отлучаясь ни на сон, ни на еду. И лишь когда безумие отступало, он позволял себе короткий сон и легкий перекус и вновь отправлялся в зал к своим друзьям — мечам. Он страж, и никто не смеет осквернять его дом — даже он сам!

В какой-то момент, его необъяснимый страх перед маленьким тёмным коридором, ослаб, и он подумал, что негоже такому знатному стражу не знать, что же он охраняет. Сняв со стены один из негасимых факелов, пленник впервые в своей жизни, ступил туда, где ещё ни разу не был. Коридор вёл в гораздо более глубокое подземелье, нежели то, где до сих пор жил Кошчи. Пропетляв в разные стороны, он, в конце концов, привёл в маленький зал, даже не зал, а так, каменный мешок. Посередине стояли две большие плетёные корзины. В каждой покоились по четыре пузатых глиняных кувшина. Все они были запечатаны, и каждая печать внушала стражу первобытный ужас, он ни за что на свете не рискнул бы её коснуться. А вот сами кувшины пленника не пугали, даже, скорее, наоборот — привлекали, особенно тот, который вывалился из полусгнившего угла корзины и заработал трещину. Неглубокую, но капли просочившейся изнутри жидкости поблёскивали в неясном свете факела. Кошчи стёр одну пальцем, и, прежде чем в нём заговорили осторожность или здравый смысл, слизнул её. В мозгу вспыхнул яркий свет, и, не успев ничего осознать, пленник замертво рухнул на каменный пол.

В себя он пришёл внезапно, как проснулся. Правда, сколько времени он валялся без памяти, нельзя было даже предположить. Вокруг было то же самое подземелье, в стороне валялся негасимый факел, рядом стояли корзины с кувшинами, на языке таял вкус неведомой влаги. Вместе с вернувшимися чувствами, к нему пришли совершенно новые, незнакомые до сих пор ощущения. Пленник, страж — он вдруг осознал, что больше не является ни тем, ни другим. Теперь он твёрдо был уверен, что именно он здесь — Хозяин. И в первую очередь — хозяин положения. Он поднялся, подобрал факел и двинулся в обратный путь, чувствуя, что походка его изменилась, что свет факела больше ему не нужен, и что самое главное произойдёт сейчас там, наверху, у входа, где когда-то началось его заточение.

Предчувствия не соврали. Там, где много лет тому назад начиналось его служение, стоял молодой парень, почти мальчишка. Со страхом и растерянностью на лице он слушал Голос, тот самый, что когда-то обрёк Кошчи на вечное заточение. Пленник-страж-хозяин слышал те же самые слова, что Голос когда-то адресовал ему, и возмущение, неведомое ранее, поднималось в нём. Голос предал его, посчитал несуществующим более... Он усмехнулся, неслышно ступая, подошёл к мальчишке и одним движением ножа рассёк ему горло.

— Убей всякого, кто попытается постичь тайну подземелья, — Кошчи впервые услышал свой собственный голос. — Но тайна уже моя. И подземелье — тоже. Теперь я не пленник, я — Хозяин.

И негасимый факел — погас.

I

Впрочем, Хозяину это было безразлично. Тьма перестала быть ему преградой. Перестали быть препятствием массивные каменные ворота, столько лет ограждавшие его от мира. И впервые он подумал, что аскетическое убранство его обиталища не соответствует статусу Хозяина. Поэтому, когда раздалось шуршание в нише, куда снаружи подавали еду, он дождался появления корзинки, отодвинул её в сторону и крепко сжал руку бедного селянина, не в лучшее для себя время пришедшего покормить несчастного пленника. Рука дёрнулась, похолодела, покрылась крупными каплями пота, снаружи раздался вопль ужаса.

— Хочешь ли ты жить, человек? — негромко спросил Хозяин. Невнятное блеянье было ему ответом.

— Значит, хочешь! — Кошчи удовлетворённо кивнул сам себе. — Тогда запоминай хорошо, и выполняй в точности. Первое — не смей убирать свою руку, пока я не позволю. Понял?

— Ва-ва-ва...

— Прекрасно! Здесь появился труп — ты его заберёшь, оттащишь в селение и скажешь, что я велел его похоронить. Это ясно?

— М-м-м...

— Затем, ты скажешь старейшине, что завтра он должен быть у меня и выслушать мою волю. Если старейшина не послушает тебя — завтра у вас в деревне будет новый старейшина. Запомнил?

— Ап-ап-ап...

— Вижу — запомнил. Я отпускаю твою руку, тыходишь к воротам и забираешь этого несчастного.

Бывший пленник отпустил мокрую ладонь селянина, которую к тому времени уже колотило вовсю! Чувствовалось, что больше всего он хочет сейчас бежать как можно

быстрее и дальше, но страх перед неведомым Хозяином сковал его ноги и приказывал, против собственной воли, выполнять его приказы.

Трясущийся, наполовину поседевший селянин, еле волоча ноги, подошёл к огромным каменным воротам, которые, на его памяти, всегда были закрыты. Он не слышал ни скрипа, ни шороха, но одна створка оказалась приотворена. К его счастью, не пришлось идти во тьму. Труп молодого парнишки с перерезанным горлом валялся почти на пороге. Селянин взвалил его на плечи и, подвывая от ужаса, потащил его в деревню.

— Что случилось, папа? — девчушка лет десяти смотрела огромными синими глазами на седого селянина, подходившего к дому. На спине тот тащил худого юношу в красных одеждах. — Что с этим человеком? Почему он так стонет?

— Маська, ступай сюда, негодница, — загрохотал бабий голос из окна избы. — О, воротился таки, ирод... Чего приволок?

Девчушка и не думала слушаться мать. Она осторожно по полшажочку шла навстречу отцу, вглядываясь в его ношу...

— Мама, — вдруг взвизгнула она, — он мертв! Папа убил человека!

— Кого убил, дуреха? — ворчливо поинтересовалась женщина, не выходя из избы. — Только что говорила, что стонет, значит жив.

Но девочка уже со всех ног бежала в сторону двери. Женщина удивленно проводила взглядом дочь. Ну и что? Они живут в горах, мало ли чудных людей, ищущих новых впечатлений, а может и старинных сокровищ. Они не раз уже спасали от гибели городских неженков, оступившихся на острых скалах. Шикнув на забившуюся под скамью дочь, женщина вышла во двор.

Селянин остановился перед калиткой и сбросил свою кровавую ношу. Женщина заметила, что голова мертвого юноши неестественно откинута. Приблизившись, она разглядела страшный разрез. Женщина побледнела и, охнув, тяжело осела на землю.

А муж её стоял, раскачиваясь и подвывая. Остекленелые глаза смотрели в никуда и ветер трепал его белые волосы.

— Хозяин? Что за хозяин? — Новость в деревне распространилась быстро, словно пожар при сильном ветре. Селянина увели в избу к старейшине. Мертвого мальчишку пока оставили лежать у его дома, из-за чего с девочкой Маськой случился припадок. Они с матерью закрыли все ставни и заперлись в доме, не отвечая на зов и стук сердобольных соседак.

Стайка деревенских баб, которых не пустили в избу к старейшине, сгрудилась у дверей, обсуждая происшествие.

— Да Голомей просто свихнулся, — шепталась бабка Варья с соседками. — Свихнулся и прирезал кого-то бедного путника.

— Откстись, Варья, — замахала на неё молодая женщина с низким лбом и глубоко посаженными глазами, — Голомей в жизни и муху не обидел...

— Муху не обидел, — согласилась Варья, — а человека порешил!

— А поседел-то как, вы видели? — задыхаясь от восторга, почти пропела маленькая сухонькая старушка. — А ведь еще и трех десятков не минуло...

— Утихните, сороки, — вышедший на крыльцо старейшина был стар и сед, но та властность и живой ум позволяли соблюдать порядок в деревне, за что люди его уважали и

каждый раз вновь переизбирали на должность старейшины. — Не убивал Голомей. Он сам пострадал... умом тронулся.

— Я же говорила, — с присвистом зашипела неугомонная Варья.

— Разойдитесь, бабоньки, — старик устало отер пот со лба. — Сурьезное нынче дело, не след бабе лезть...

Вздыхнув вслед переругивающимся женщинам, старейшина направился в гору по утоптанной столетиями тропинке. Ни разу еще он сам не ходил по ней.

От него лишь требовалось назначить дежурство, людей, которые будут ежедневно относить наверх, к огромным каменным воротам еду, которой было бы достаточно для одного человека.

Откуда пришла эта традиция, он не знал. Но нарушить её не отваживался никто, ибо страшные легенды рассказывали отцы и деды жителей деревни. А им рассказывали их деды...

И вновь по затылку жуком-древонем пробежал страх, как каждый раз при воспоминании об этих сказках и пустых глазах его деда, который передавал ему свое знание о каменных воротах.

И вот сейчас, впервые увидев их, старик почувствовал, что теперь их спокойная размеренная жизнь, кончилась. Что будет дальше? Ответ даст появившийся Хозяин...

Кошчи удовлетворённо кивнул. Осталось немного подождать, а уж это он умел лучше всего. Не торопясь, он обошёл свои владения, прислушиваясь к новым ощущениям и привыкая к тому, что он, вчерашний раб, нынче переполнен Знанием и Силой. Неведомое ранее Знание позволяло получить ответ на любой, даже невысказанный вопрос, а с могуществом Силы ещё только предстояло разобраться. Пока что он выяснил, что его желания достаточно, чтобы открыть каменные ворота и передвинуть на любое расстояние труп человека. Уже безо всякого опасения Хозяин посетил каменный мешок, в котором хранились корзины с таинственными кувшинами. Презрительно покосившись на поврежденный кувшин, даровавший ему проблеск во тьме обыденности, он бесстрашно сломал печать и нацедил из кувшина полную кружку неведомого питья. На этот раз, он лишь взбодрил свой дух, не потеряв сознания и вообще, не получив никакого вреда. Лишь почувствовал, что Знание расширилось, да Сила возросла. Что ж, он сумел достойно себя вознаградить за долгое время заключения.

А снаружи, перед глухими каменными воротами, уже томился старейшина деревни. Он был мудр, поэтому новость, принесённая ополоумевшим от страха мужичком, которому и нужно-то было всего лишь относить ежедневную корзинку с нехитрой снедью таинственному пленнику под горой, заставила его не мешкать. Чутьём мудреца старик понимал, что встречу откладывать не стоит. Его ожидание длилось уже несколько часов, но он всё равно оказался не готов к тому, что из-за приоткрывшейся створки ворот прозвучало насмешливое:

— Заходи, гость.

Старик вошёл. За воротами его окружила полная темнота, даже своего собеседника он не мог разглядеть. Пришлось кланяться наугад и слушать во все стороны.

— А ты неглуп, старейшина, — продолжал тот же голос. — Ты догадался, что меня нельзя заставлять долго ждать. Слушай, что изменится теперь в твоей жизни: неведомого пленника, которого кормила твоя деревня, больше нет. Теперь вам оказана высочайшая честь

— вы будете служить Хозяину. Постарайтесь не огорчать меня.

Старейшина поклонился ещё раз, рассудив про себя, что, хотя пока ничего не понятно, с тем, кто смеет именовать себя хозяином, лучше не спорить. Во всяком случае пока... А тот продолжал:

— Старейшина, моё подземелье не обустроено. Привези мне завтра всё, что нужно, чтобы сделать эти стены достойными меня. Ты, разумеется, не сможешь обустроить мне королевские покои, но я не буду на тебя в обиде. Кстати, в твоих объедках я больше не нуждаюсь, но человек пусть приходит каждый день — вдруг я захочу чем-нибудь тебя обрадовать? Ладно, проваливай, ты мне надоел.

Старик ещё раз поклонился темноте и вышел за ворота. Створка бесшумно затворилась. Старейшина поспешил домой, гадая по дороге, к добру или к худу приведут эти изменения, однако ответа не находил. И мудро решил подождать...

Вся деревня волновалась, словно огромный растревоженный муравейник. Люди бегали от дома к дому, тщательно избегая дома Голомея и нелепо-распростертого тела у его порога.

Показался старейшина, и люди замерли. Старик проходил мимо оцепеневших людей, опустив седую голову, никого не замечая и не отвечая ни на какие вопросы. Следом за ним начали подтягиваться жители деревни, и к своему дому он подошел, сопровождаемый почти всем населением.

Остановившись, он глубоко вздохнул и развернулся лицом к молчаливой толпе:

— Люди, — скрипучий голос выдавал сильное волнение старика, — Хозяин сказал, — он осекся и тихо добавил. — Похороните мальчика...

***

Кошчи ходил по своей пещере и наблюдал за работающими селянами. При приближении Хозяина, каждый начинал нервничать, работать в несколько раз быстрее и суетливее. Вот опять, проломили стену, увлекшись под его взглядом. Все так стараются услужить... и не навлечь гнев. Кошчи вздохнул и движением руки установил на место вывалившиеся камни. Примятый ими работник тихо пискнул слово благодарности и поспешно уполз в сторону выхода.

Хозяин опять вздохнул: в его пещере стало дымно от многочисленных факелов. Его работники не могли видеть в темноте. А что еще хуже, стало откровенно смердить. Пора бы уже приучить селян к чистоплотности. Хотя, он подозревал, что так усиленно потеют они не от усердия, а от страха. Сначала это льстило, потом начало раздражать.

— Все вон! — усиленный им голос разлетелся по всем закоулочкам его огромной пещеры, заставляя дрожать стены. Люди попадали ниц и не подавали признаков жизни. С трудом подавив желание вымести всех одним движением, Кошчи выбежал на свежий воздух.

— Чем мы не угодили тебе, Хозяин? — дрожащий голос старейшины чуть уменьшил раздражение Кошчи.

Он усмехнулся: если бы не этот мудрый старик, он бы давно зверски расправился со всей деревней в одну из таких всепоглощающих вспышек гнева.

— Не бойся, — Хозяин посмотрел на мелкотрясущуюся бородку старика. — Просто вы мне не нужны. Все равно понять, чего хочу я, вы не способны, а мешали мне и так уже изрядно.

— Не гневайся на нас, Хозяин! — взвыл старейшина, падая к ногам Кошчи. Тот презрительно стряхнул сухие ладони старика с сапог.

— Я сказал — вон, — повторил он более спокойно. — Я сам все сделаю.

— А позволит ли твоя милость поглядеть на это чудо? — с тенью надежды спросил старик.

Кошчи улыбнулся: в такие моменты он был способен смириться с придурью селян, с подобострастностью старейшины. Страсть к чуду, желание хоть одним глазком посмотреть на необыденное, способна развивать. И если бы эти скучные мелкие людишки отдались бы этой страсти, без оглядки, без возврата, они бы стали подобными ему. Он хотел и боялся этого.

Хотел, поскольку испытывал недостаток общения, поскольку душа его просила чувств, которые сердце не способно было испытывать. А боялся... поэтому же. Эти никчемные селяне способны любить, способны сочувствовать, способны бояться. Это их слабость. Кошчи понял, чем он заплатил за свою силу. Своей слабостью. Но эта слабость имела над ним даже сейчас необъяснимую силу.

— Позволю, — наконец ответил он сгорающему от нетерпения старику. Тот метнулся в сторону пещеры, криками и пинками заставляя обездвиженных от ужаса людей выйти наружу. Кошчи спокойно ждал, пока его подопечные покинут результат неудавшегося эксперимента, размышляя над конечным итогом того, что бы он хотел видеть в качестве своего жилья.

Высокое. Это первое. Хозяин должен возвышаться над всем остальным миром не только фигурально. Сколько будет уровней, не важно. Главное высокое. Пусть это будет два этажа с потолками чуть ниже, чем небо. Но пещеры свои он оставит. Особенно маленький каменный мешок с его тайной...

Наполовину оглохшие селяне, подталкиваемые бодрым старичком, столпились перед каменными воротами. Кошчи стоял чуть ближе, тщательно осматривая свое жилище.

Люди ждали. Запорошенные каменной пылью, с сияющими белками глаз, они были похожи на чужестранцев, каких показывают в бродячих цирках.

Хозяин глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Медленно поднял руки над головой и обратил ладони к небу. Селяне в страхе съежились, ожидая грома и молний на свои растрепанные головы. Но не поднялся даже ветер. В полной тишине ворота начали плавиться, словно воск, теряя каменные слезы. Среди толпы пронесся вздох.

Кошчи открыл глаза и с недовольством оглянулся:

— Молчать!

У ближайшего селянина по штанам поплыли грязные разводы. Хозяин поморщился:

— Отойдите дальше...

Пока толпящиеся селяне пятились вниз по склону, Кошчи неудовлетворенно разглядывал оплавленные стены. Он делает совсем не то! Владеть силой ему придется учиться гораздо дольше, чем он предполагал.

Вновь глубоко вздохнув и расслабившись, Кошчи устремил руки вперед, словно с силой протыкая пальцами невидимую стену перед собой.

Камни, с грохотом, взметая горы пыли, рванулись вверх, складываясь один на другой. Так и застыли, бесконечной каменной полосой, протянутой от земли к небу.

— Кхе, — смутился Кошчи. — То ли камней нужно больше, то ли небо еще выше, чем я думал...

Он оглянулся на селян, ожидая смешков, но увидел отвисшие челюсти и задранные головы. Огорчившись, что шутку никто не оценил и, подавив острое желание передавить этих баранов, Хозяин устало опустил руки. Камни полетели вниз, складываясь в живописный замок, с рельефами и арками, с покатыми крышами и провалами окон...

Толпа позади восхищенно ахнула.

— Сам король не имеет такого красивого замка, — пораженно прошептал под нос старейшина.

Кошчи усмехнулся: король не Хозяин. Он всего лишь человек.

— Ну на сегодня достаточно, — отмахнулся он от людишек. Те исчезли.

Довольно улыбаясь и представляя глупые выражения на лицах селян, когда они окажутся у себя в домах, Кошчи прошел в свое новое старое жилище.

Управлять силой становится все легче.

II

Старейшина тихонько постучал в ворота. Ворота не открылись, но это ничего не значило — Хозяин знает, что к нему пришли, значит, появится, когда захочет. Старейшина присел на холодный камень и приготовился к долгому ожиданию. Над его головой возвышались молчаливые громады Замка. Он вспомнил время, когда Замка еще не было. Была пещера, куда заточили пленника, обязанного до последнего дня своей жизни стеречь тайное сокровище. Что произошло — неведомо никому, но пленник постепенно стал Стражем, а в скором времени и Хозяином. Пещера преобразилась в Замок, Хозяин демонстративно вышел из подчинения короля. Казалось, Кошчи доставляет удовольствие дразнить всех знатных аристократов в округе. Король обиделся, но до сих пор никаких действий не предпринимал.

— Эй, старейшина! — голос Хозяина вывел его из раздумья. Он торопливо встал и поклонился.

— Что ты хотел от меня? — спросил Хозяин, сидя на подоконнике, локтях в двадцати над землёй.

— Я пришёл просить тебя о помощи, Хозяин! — старик склонился в низком поклоне.

Хозяин спрыгнул вниз. Старейшина в ужасе зажмурился, но Кошчи даже не завалился, а мягко присев, устоял на ногах.

— Помощь, говоришь? — он, прищурившись, прошёлся перед стариком, — Любопытно... И что же у тебя стряслось?

— Разбойники, — коротко ответил тот, боясь поднять взгляд на Хозяина.

— А что же король? — поинтересовался Хозяин, останавливаясь напротив старейшины. — Его стража?

— Мы посылали гонца к королю, — ответ звучал глухо, еле слышно. — Его величество изволил дать ответ, что если человек, считающий себя хозяином, действительно является таковым, то пусть сам заботится о своём добре.

— Хитёр! — Хозяин покачал головой в восхищении. — Пусть, значит, заботится?.. Ладно, я позабочусь! Только пусть потом не жалуется. А ты, старик, придумал, чем будешь расплачиваться за защиту?

— Ты — Хозяин, — смиренно произнёс Старейшина. — Мы в твоей власти.

— Это правильно, — Хозяин одобрительно хлопнул старика по спине, чуть не сбив его с ног, — мне нужна женщина.

Старейшина впервые поднял глаза. В них затеплилась надежда.

— Мы сделаем такой праздник из твоей свадьбы... — неуверенно начал он, но Кошчи перебил его.

— Старик, ты, похоже, глухой! Я разве сказал, что мне нужна свадьба? Мне нужна женщина. Молодая. Сегодня. Если мне будет хорошо — у вас не будет проблем с разбойниками. Нет — вините себя.

Старейшина возвращался в посёлок. Казалось, он стал ниже ростом и постарел. Не зря он занимал свой пост. Он понимал, во что выльется требование хозяина.

Вечером того же дня он сам провожал к Замку девушку. Понимая, что это его последний вечер в должности старейшины, он не посмел созывать сход. Девушка была его внучкой, в младенчестве потерявшей родителей. Ей он тоже ничего не сказал, и стук ворот, захлопнувшихся за её спиной, был для него стуком по крышке гроба.

Никто не заметил, как старейшина вернулся домой. Никто не слышал криков из-за стен Замка.

Старейшину вынули из петли утром следующего дня. Его, висящего под навесом на заднем дворе, случайно заметил соседский мальчонка, перелезший через плетень в поисках убежавшего котёнка.

Внучку старейшины обнаружил купец, приехавший из города. Истерзанное тело девушки, облачённое в богатый наряд знати, лежало на обочине дороги, проходящий через разбойничий лес.

Через неделю охотники случайно набрали на тайное становище разбойников. Птицы и звери уже изрядно потрудились над трупами, но того, что осталось, было достаточно, чтобы понять — беспокоить жителей округи больше некому. Хозяин сдержал обещание, данное старейшине.

Когда тело девушки принесли на погребение в деревню, сбежалась вся округа.

— Вы только посмотрите на платье, — шептались девчата, — такой красоты сроду не видывала.

— Это наверное, разбойники, — заявил Шкот, самый красивый жених в селении. — Увезли глупышку, соблазнили нарядами а потом убили.

Девчата побледнели и заахали, не забывая впрочем строить глазки Шкоту.

— Поэтому старейшина и повесился, — продолжил Шкот, ободренный вниманием. — Как узнал, так и повесился!

— Он ходил к Замку, — тихо сказала тощая девица по имени Маська. Все притихли. Маська до сих пор ухаживала за отцом, который потерял рассудок при встрече с Хозяином.

— Хозяин, — оглядываясь, зашептала толстая прыщавая девица, — разорвал разбойников в клочья. Я слышала, как купец рассказывал отцу про то, что он увидел в лесу...

— Как видимо, — придвинулся Шкот к девице, — твой отец будет следующим старейшиной?

Девица густо покраснела, от чего прыщи стали еще заметнее и глупо захихикала.

— Да вы посмотрите на раны! — требовательно оттащила парня Маська. — Такие не оставить ни стрелой, ни копьем, ни мечом! Это Хозяин убил её!

— Ну раз Хозяин, значит имеет право, — Шкот отодрал цепкие пальчики Маськи от своей одежды и шутливо ущипнул прыщавую девицу. Та захохотала и, подняв юбку, понеслась в сторону амбара. Шкот чуть отставая побежал следом, а остальная молодежь неторопливо двинулась за ними.

Маська, оставшись одна с телом растерзанной девушки, погладила её по руке.

— Ты третья жертва...

Тут, заметив, что из кулачка выглядывает какой-то предмет, Маська пробормотала:

— Но может, я узнаю, почему он поступил и с тобой так жестоко.

Маська попыталась разжать пальцы мертвой девушки, но та настолько сильно вцепилась в свою добычу, что даже после смерти не хотела с ней расставаться.

— Маська-ласька, — раздалось хихиканье позади девушки. Она резко повернулась, но это был лишь её несчастный отец. Видимо ему наскучило слоняться по дому, и он пошел искать её. Мать не хотела возиться с больным мужчиной, найдя утешение на стороне. Но Маська не могла забыть, каким был отец до того страшного дня, когда он принес в селение труп мальчика.

— Папа, — ласково сказал она, — помоги мне забрать то, что держит эта девушка.

— А что? — хихикнул седой мужчина, из уголка его губ на подбородок сползла струйка слюны.

— Это моё, — девушка решительно подталкивала отца к трупу.

— Отдай, отдай, — приговаривал тот, разжимая кулачек мертвой девушки.

Раздался хруст, от которого по спине Маськи побежали мурашки.

Чуть поморщившись, она забрала предмету отца и повлекла его с собой:

— Пошли.

— Пошли, — легко согласился мужчина, приплясывая на месте.

Они тяжело поднялись по тропинке на холм, с частыми перерывами, так как приходилось уговаривать отца идти дальше в гору. Перед Заком на голых камнях выросли кусты с большими пушистыми цветками. Маська никогда не видела такой красоты. Они вгрызались корнями прямо в камень, заполняя все пространство перед замком.

— Интересно, зачем так много кустов, — раздраженно спросила Маська, продираясь сквозь оказавшийся очень колючим, кустарник.

— Сам не знаю, — грустно ответил ей голос. Девушка вздрогнула, но упрямо встряхнув головой, продолжила продираться сквозь кусты, таща за собой хныкающего отца. Прямо на голос.

— А вот зачем так упорно продираться ко мне в гости, — Хозяин встретил её с той стороны живой изгороди. Мужчина неопределенных лет стоял, скрестив руки на груди и насмешливо улыбаясь, осматривал ей разодранное платье.

Девушка смутилась и попыталась закрыть самые большие прорехи. Выражение глаз мужчины стало еще более ироничным.

— Я пришла узнать, что мы тебе такого сделали, — с вызовом произнесла Маська, пытаясь придать лохмотьям более приличный вид.

— А, — поскущел Хозяин. Он скользнул взглядом по скорченному лицу седого селянина, не упустил стекающую слюну и пожал плечами. — Насколько я помню, ничего.

— Тогда зачем все это? — выкрикнула Маська и, разревевшись, бросила Хозяину в лицо предмет, который её отец выковырял из окостеневших рук погибшей девушки.

Хозяин поймал его на лету и задумчиво рассмотрел вещицу. Это оказался осколок сосуда из самого потайного подвала в Замке.

— Ты правда хочешь знать? — грустно улыбнулся он рыдающей девушке. Та кивнула, не в силах говорить.

— Так хочешь, что расстанешься с жизнью за это знание? — серьезно спросил Хозяин.

— Да, — очень тихо ответила Маська.

— Пошли, — Кошчи резко развернулся и быстро отправился к воротам. Маська потащила было за собой отца...

— Это, — Хозяин презрительно скривился, — оставь здесь.

Девушка послушно опустила руки, порывисто обняла седого селянина, поцеловала и последовала за Кошчи.

Зная, что идет на смерть, она все равно смотрела по сторонам во все глаза. После внушки повесившегося старейшины, она была второй, кто вступает в это страшное и очень притягательное место.

Пустые длинные коридоры с потолками такими высокими, что они терялись во тьме, были хорошо освещены, но Маська не видела ни факелов, ни окон. Было прохладно, но её босые ноги, прикасаясь к каменному полу, ощущали приятное тепло. Дверей в коридоре не было, ни разу коридор не свернул в сторону. Девушка уже смирилась с каменной пустотой, с исключительно прямой спиной, указывающей ей путь, к мертвой тишине...

— Стой, — короткий приказ разорвал мягкую тишину словно шмель паутину.

Маська вздрогнула и замерла, прижавшись к стене. В прорехе на платье мелькнула маленькая девичья грудь. Хозяин усмехнулся и щелкнул пальцами.

Маська в испуге зажмурилась, но ничего не почувствовала. Тогда она приоткрыла глаза и ахнула.

Они находились в небольшой зале, абсолютно круглой и ярко освещенной, но опять девушка не обнаружила окон. Да что там, и дверей то не было. Повсюду стояли красивые кувшины различных форм, многие украшены сверкающими камнями. Были и маленькие изящные кувшинчики с узкими горлышками из редких металлов, а были огромные, в человеческий рост, темные, с затейливым орнаментом.

И посреди всего этого великолепия стояли полусгнившие плетеные корзины с обычными крынками, один глиняный кувшин был разбит.

— Ты уверена, что и правда готова заплатить жизнью за знание? — тихо спросил Хозяин. — Это не угроза, я обязан буду тебя убить.

— Я знаю, — девушку трясло, но голос был тверд. — Я готова...

Мужчина вздохнул, потер глаза. Достал длинную тонкую палочку из прозрачного искристого металла. Обмакнув её в жидкость из разбитого кувшина, поднес к губам девушки.

— Открой рот.

Маська послушно приняла каплю тягучей жидкости и умерла... Открыв глаза, она поняла, что еще жива. Она лежит на каменном полу, а над ней возвышается фигура Хозяина с холодным выражением лица. Он смотрел на неё так, как они с друзьями в детстве смотрели на лягушку, которой засунули в зад соломинку и надули... Маську передернуло от омерзения.

— Что ты еще хочешь знать? — зло спросил Кошчи.

— Как она умерла, — слабо ответила девушка.

Хозяин кивнул и Маську закрутил белесый вихрь.

Девушка испуганно ступает по каменному полу. Коридор её пугает. Она не понимает, почему дед привел её сюда, и почему прощался, будто навсегда.

— Здравствуй, — приятный мужской голос эхом прокатился по длинному коридору.

— Зд-здравствуй, — чуть заикаясь от страха, ответила девушка.

Щелчок и она стоит посреди великолепной залы, украшенной нежными тканями и огромными коврами невиданной красоты. На ней великолепное платье, немного похожее на

платье заезжей купчихи, только лучше и богаче.

Хозяин сидит на широкой сверкающей скамье и смотрит на неё почти с теплотой.

— Хозяин, — задыхаясь от благодарности, девушка упала к его коленям.

Кошчи поморщился — волшебство момента было разрушено, и королева превратилась в селянку в богатом платье.

— Ладно, ладно, — отстранил он девушку, — ты будешь здесь жить и не будешь ни в чем нуждаться.

— Спасибо, Хозяин, — восхищенно пробормотала девушка, ловя его руку и прижимая её к губам. Мужчина погладил её по растрепанной голове.

Ободренная девушка порывисто обняла Кошчи, покрывая его лицо поцелуями. Получив в одночасье все то, о чем она могла мечтать, девушка хотела отблагодарить Хозяина, как могла. И показать, что она не такая простушка, как может он считать и знает, как удовлетворить мужчину. Удивленный прыткостью девушки, Кошчи отстранил её от себя.

— Я тебе не нравлюсь? — с обидой спросила внучка старейшины.

— Не в этом дело, — холодно ответил Кошчи, — мне не доступна эта сторона жизни.

— Так я открою её для тебя, — промурлыкала девушка, взъерошивая волосы на голове Хозяина.

— Ты не понимаешь.

— Так объясни мне, — надула губки девушка.

Кошчи криво ухмыльнулся и щелкнул пальцами. Они оказались в маленьком круглом зале, уставленном различными кувшинами. Слушая рассказ мужчины, она бродила между рядами красивых сосудов.

— Так я стану, как ты и мы будем жить счастливо! — воскликнула девушка и прежде, чем Кошчи успел ей помешать, схватила разбитый кувшин и начала жадно поглощать жидкость. По подбородку стекали тягучие капли, соскальзывая на богато расшитое платье, меняли цвет на бордовый...

— Стой! Нельзя, — Кошчи отнял у девушки сосуд, но было уже поздно.

Девушка упала на пол, задергалась в судорогах...

— Слишком много, — прошептал мужчина.

Кожа девушки окрасилась в бордовый цвет, тело выгнулось, глаза казалось сейчас вылезут из орбит. Конвульсии нарастали, девушка страшно закричала, раздирая кожу на груди. Кошчи одеревенело смотрел за мучениями девушки, зная, что ничем не сможет ей помочь.

Ногти девушки рвали грудную клетку, словно стремясь добраться до сердца. Крик нарастал. Казалось, эти звуки проникают сквозь стены замка и разлетаются по всей округе, насыщая воздух животным ужасом. Вскоре все затихло.

Кошчи поднял девушку на руки, щелчок. Свежий лесной ветерок пошевелил богатое платье на растерзанном теле девушки. Мужчина просто опустил руки и внучка старейшины осела на землю кучей окровавленного тряпья...

Маська, почувствовав влагу на своем лице, начала остервенело оттирать его остатками платья, но это оказались только слезы.

— Я... я тоже так умру? — тихо спросила она.

— Нет, доза очень маленькая, — покачал головой Хозяин.

— Но умру? — упрямо настаивала девушка.

— Да, — спокойно согласился Кошчи. — Это твоя цена за знание. Любой, кто коснется этого кувшина — умрет в мучениях. Не бойся, я тебя убью, ты избежнешь участи несчастной.

— Почему тогда ты выжил? — потерянно спросила девушка, стараясь не думать о его словах.

— Я — Хозяин, — ответил тот, вынимая короткий меч и четким движением перерезая горло девушке. На гладком лице Маськи смерть запечатлела выражение спокойной задумчивости.

Хозяин завернул тело девушки в дорогой ковер и вынес из Замка. Под его тяжелым взглядом цветущие кусты пожухли, скукожились и рассыпались черным пеплом.

Он положил сверток под ноги седого селянина. Тот, хихикая, стал играть с бахромой на уголке ковра.

Кошчи покачал головой и щелкнул мужчину по лбу. Дебильная ухмылка исчезла с лица селянина. Он оттер слюни с подбородка и осмысленно посмотрел на Хозяина.

— Это тело твоей дочери. Похорони её с почестями. Она заплатила за твой разум.

Не сказав ни слова, мужчина подхватил ковер и пошел к селению.

Кошчи долго смотрел ему вслед. Когда мужчина скрылся, Хозяин потянулся:

— Заботиться о своем добре? Ладно, позабочусь, — и, расхохотавшись, отправился в замок.

Ш

— Ох уж мне эти любители легкой наживы, — раздраженно пробормотал Кошчи себе под нос. Он только что разобрался с очередной бандой разбойников, все еще не верящих, что на его земли лучше не соваться и пребывал в крайне дурном расположении духа.

На широкой площадке, выступающей из горы, что он сделал в качестве террасы, стоял стол, несколько комфортабельных кресел. Хозяин сидел на самом краю, прямо на камне, покачивая босыми ногами в пустоте. В руке он держал бокал со старым заморским вином. Бутылка парила чуть правее прямо в воздухе.

Отхлебнув рубиновую жидкость, он сморщился еще сильнее и с силой сжал бокал. Стекло разлетелось на мелкие осколки, не причинив вреда коже. Хозяин мрачно посмотрел на бутылку, и та взорвалась, оросив все вокруг кровавыми каплями.

— Ну и кислятина, — фыркнул Кошчи, пытаясь отряхнуться, но вино уже велось в ткань, расплзаясь неаккуратными пятнами по дороговому наряду. — «Сам король пьет!», ну и лгун... А даже если не лгун, пусть его марионеточное величество и правда давится сам этой кислятиной, восхищаясь возрастом и букетом вкуса. И вообще... Алори!

— Да, Хозяин, — в воздухе возник жизнерадостный толстячок в подштанниках, сверкая на солнце круглым пузиком. Толстяк не удивился и не испугался такому странному положению своего тела. А чего ему было бояться? Хозяин не убьет... во всяком случае сразу, а потом можно договориться. Придворный он или простой зазывала?

— Я зачем тебя возвысил? Я зачем дал тебе силу и власть? Чтобы ты себе пузо набивал? Так бы и прозябал на том базаре простым зазывалой, пока бы тебя какой воришка со страху бы не прирезал!

Алори спокойно ждал, пока у хозяина пройдет приступ бешенства. Ну как же, все великие этим страдают. Главное для придворного — научиться ждать.

— Ну зачем ты привез мне эту кислятину? Отравить меня вздумал?..

— Что? — побледнел толстяк. Насчет отравления во дворце разговор короткий. В общем-то вообще одно слово-виселица. — Отравить?! Чем, Хозяин?

— Винцом своим дрянным, — Кошчи с отвращением сорвал рубашку и бросил Алори в лицо.

— Хозяин, — сникший толстяк жалобно крутил в руках испорченную рубашку. — Что-то я ничего не понимаю. Может, ты поставишь меня на землю?

Кошчи хмуро кивнул и толстяк полетел на террасу, кубарем прокатился по каменистому полу и затих в углу. Хозяин раздраженно пожал плечами, подошел поближе и сел на одно из кресел. Алори постанывая, выбрался из закутка, выпутался из хозяйской рубахи и плюхнулся в соседнее.

— У тебя еще остались другие бутылки? — отдуваясь, спросил толстяк.

— Ты что же, думаешь, я буду пить эту бурду? — опять завелся Кошчи. Алори беспомощно развел руками. Хозяин сплюнул и щелкнул пальцами. На столике перед ними появился бокал и непочатая бутылка.

— Ну давай, попробуй только не выпить! — с угрозой произнес Хозяин.

Алори сглотнул, жалобно покосился на мужчину. По сухим щекам Кошчи гуляли желваки. В таком состоянии ему лучше не перечить, а то никогда не знаешь, зайчиком домой поскачешь, аль соколом полетишь...

Алори на одном дыхании откупорил бутылку и отпил большой глоток прямо из горлышка. И прыснул вином в лицо Хозяину.

— Вот орва, чистый уксус! — еле отдышался он.

Кошчи сидел с каменным и оплеванным уксусом лицом.

— Хозяин... — Алори осторожно отставил бутылку на стол и начал потихоньку пятиться назад. — Хозяин, я все объясню! Хозяин!

Кошчи с силой ударил кулаком по столу. Стол разломился надвое, гора затряслась...

— Хозяин, пощади! Хозяин! — голосил толстяк.

Мужчина встал, смахнул с лица алые капли, и стряхнул ладони. Терраса затряслась еще ощутимее, по полу пробежала трещина, кроша край над обрывом. Полетели камни, поднялась пыль.

Алори в ужасе карабкался вверх, пытаясь ухватиться короткими пальчиками за выступы на скалах, но его дородное тело не хотело лезть вверх. Под ногами крошилась в пыль терраса, Кошчи уже просто висел в воздухе, раскинув руки, словно крылья.

Твердь под левой ногой толстяка обратилась в ничто. Алори взвизгнул и, с трудом сохранив равновесие, заорал что есть мочи:

— Хозяин! Я все исправлю, Хозяин! Все будет в лучшем виде! Такого вина ты никогда не пробовал!

— Да? — заинтересовался Кошчи, мановением руки возвращая террасу на место и усаживаясь в кресло. Пыли и падающих камней как не бывало. Алори осторожно отцепился от скалы и, не обращая внимания на поломанные ногти на холеных пальцах, с опаской подошел к Хозяину.

— Садись, — кивнул Кошчи на соседнее кресло. — Смотри, какой красивый закат.

Некоторое время мужчины смотрели, как красный круг солнца медленно тает за горизонтом, оставляя на память о себе кровавые всполохи.

— Почти как то вино, что я тебе привезу, — твердо пообещал Алори. — Ты прости за уксус. Я взял у знакомого купца, не пробуя... Но Ар уже много лет исправно поставлял мне хороший товар.

— Что было, былшем поросло, — задумчиво пробормотал Кошчи. — Ты лучше

расскажи, что за вино. Когда привезешь? Сейчас или утром?

Алори поперхнулся. Немного прокашлявшись, он попытался возразить:

— Но Хозяин, путь из Садпа займет несколько дней...

— Ты споришь? — хищно ухмыльнулся Кошчи. Толстяка передернуло.

— Ладно, ладно, — поспешил он с ответом. — Будет завтра утром. Но ты мне поможешь отговориться у короля. Это привезли по его личному заказу...

— Скажи, я забрал, — перебил Кошчи. — Давай быстрее вези.

Он хлопнул в ладоши. С террасы исчез толстяк, Хозяин, кресла, стол... потом растаяла и сама терраса.

***

По лесу двигалась кавалькада. Рыцари в полном боевом облачении, чуть поодаль — стайка оруженосцев. Чувствовалось, что все вышли не на прогулку — не было слышно ни разговоров, ни смеха, только бряцанье металла да храп коней.

Путь отряда, возглавляемого благородным Ландольфом, лежал к замку. Молодой рыцарь, друг и советник юного короля, на торжественном пиру в честь коронации, заказанное вино для которого так и не привезли, поклялся положить конец властвованию Хозяина.

— В стране может быть только один хозяин — его величество король! — провозгласил он и полтора десятка таких же молодых и отчаянных с восторгом его поддержали. Дальше было просто — Ландольф, мгновенно прозванный Справедливым, организовал из них отряд. Утром они тронулись в путь. Провожали их с почестями, но кое-кто озабоченно хмурился, не ожидая ничего хорошего от этой затеи.

Благородный Ландольф поднял руку. Рыцари остановились.

— Приближаемся, — молвил он.

— К чему? — послышался насмешливый голос.

Перед отрядом стоял незнакомец в синем плаще и с непокрытой головой. Всадники могли поклясться, что секунду назад его там не было. Ландольф двинул коня вперед.

— Я — благородный Ландольф, прозванный Справедливым. Вместе с моими сподвижниками мы собираемся во имя короля вызвать на бой самозванца, дерзающего именовать себя хозяином. Похоже, ты местный? Покажи нам дорогу к его замку, и тебя ждёт достойная награда.

— Его сейчас нет в замке, — чуть заметно усмехнулся незнакомец.

— А где же он? — вступил в разговор благородный Архад, правая рука Ландольфа.

— Беседует с королевским шутком, пытающимся вызвать его на бой, — нахал презрительно глянул в его сторону.

— Ах, вот ты кто?! — Ландольф не обратил внимания на явное оскорбление, перехватил поудобнее тяжёлое копьё и направил его в грудь незнакомцу, — Принимай бой, презренный, королевские рыцари оказывают тебе честь погибнуть от их благородного оружия!

— Хозяин не воюет с шутами, — Кошчи пренебрежительно отмахнулся.

Рыцари, молча наблюдавшие за вызовом, остолбенели. Там, где только что их предводитель гордо восседал на боевом коне, появился кривоногий карлик в пёстрых одеждах, в колпаке с бубенчиками, тыкающий в сторону Хозяина палкой, на конце которой

была примотана хлопушка из бычьего пузыря. Под стать всаднику оказался и конь — он обернулся паршивым ослом.

Благородный Архад издал боевой клич и дал шпоры своему скакуну, намереваясь втоптать Кошчи в землю. Хозяин пошевелил пальцами, и конь Архада резко свернул в сторону, галопом проскакал по опушке, как вкопанный встал перед толстым раздвоенным деревом. Рыцаря вынесло из седла, и, пролетев несколько саженей, он намертво вклинился в развилку ствола. Судя по тому, как глубоко при этом вмялись доспехи — роду Архадов не суждено было продлиться...

Среди оруженосцев, беспорядочно сбившихся в кучу поодаль, пронёсся шепоток. Им задумка господ рыцарей уже не казалась славной и безопасной. Опасений своих товарищей не разделял только Пьер, верный спутник почившего Архада. Он находился в стороне от остальных оруженосцев и, горя праведным желанием отомстить за своего господина, вскинул тяжёлый арбалет. Болт свистнул в воздухе, устремляясь к виску Хозяина. Кошчи небрежно поднял руку и неуловимым движением перехватил летучую смерть. В его руках тяжёлый болт обернулся алой розой. Хозяин понюхал цветок и почти ласково посмотрел на Пьера. Тот оторопело глядел на странного человека, которому надлежало уже лежать на земле с разможжённым черепом.

— Дурачок, — с грустной улыбкой констатировал Хозяин, — Не любишь ты меня... Ну, да ладно, возвращайся к своим друзьям, они тебя точно полюбят.

Глаза оруженосца остекленели, он, выронив арбалет, спотыкаясь и волоча ноги, побрёл в сторону своих товарищей.

Последовавшая за тем гнусная сцена, заставила благородных рыцарей вздрогнуть от отвращения. Оруженосцы, с такими же остекленевшими взглядами, сорвали с Пьера штаны и стали по очереди совокупляться с ним самым противоестественным образом!

— Мы выполним своё обещание королю! — срывающимся голосом крикнул юный рыцарь Орверо, покрываясь пунцовым румянцем. Подняв над головой копьё, он поскакал прямо на Хозяина. Тот стоял, не двигаясь с места. Лёгкая улыбка не сходила с его губ. Доспехи юного Орверо вдруг раскались докрасна. Рыцарь свалился с коня и с диким визгом стал кататься по траве, пытаясь избавиться хотя бы от части пылающего железа. Но через минуту он затих, навечно. По поляне разнёсся тошнотворный запах горелой плоти.

Рыцари оправились от шока и, наплевав на условности и обещания честного поединка, ринулись на Кошчи всем отрядом. Бой... Нет, не бой, а избиение младенцев, продолжалось несколько минут. Благородные воины, горевшие праведным желанием отомстить за боевых товарищей, рвались в бой. Их кони спотыкались на полном скаку, роняя седоков, рыцари кубарем катились по земле, превращаясь в неприглядные комья из мятого металла вперемешку с кровавой плотью. Других Хозяин поразил огненными шарами, и их доспехи взрывались изнутри, осыпая поляну осколками железа и каплями крови. Последнего из нападавших Кошчи, одним движением пальца, перевернул вниз головой и вбил в землю по пояс. Некоторое время ноги в латных сапогах нелепо дёргались в воздухе, но скоро замерли...

Покончив с рыцарями, Хозяин обратил оруженосцев в груды трухлявых пней, проявив своеобразное милосердие к несчастному Пьеру, уже потерявшему сознание. После этого он обратился к карлику, всё ещё сидевшему на своём осле посередине поляны. Бывший благородный Ландольф, несмотря на все попытки, так и не смог ни сдвинуться с места за время расправы с его спутниками, ни покинуть седло.

— Как я уже сказал, — произнёс Хозяин, глядя сверху вниз и сплёвывая под ноги, — Я не веду боя с шутами. Поэтому ты останешься жив. Беги к своему королю и скажи: пьянство в столь юном возрасте плохо влияет на развитие мозгов. Кстати, такому благородному не пристал столь убогий скакун.

Осёл съёжился, обернулся мышкой и исчез в траве. Карлик не удержался на ногах и, звеня бубенчиками, покатился кубарем. Кошчи соизволил указать ему нужное направление, дав хорошего пинка под зад. Благородный Ландольф, пронзительно вереща, скрылся в кустах. Хозяин вздохнул, повернулся на каблуках и растворился в воздухе. Деревья сомкнулись, словно никакой поляны — места кровавой бойни, тут никогда и не было.

***

Девушка шла по узкой тропинке. Шла впервые. Про эту тропинку знали все, но даже близко подходить к ней боялись. По привычке её именовали Тропой Старейшин, хотя в городе уже много лет всем управлял бургомистр. Именно бургомистр — нынешний и его предшественники — не давали зарости тропинке. Зачем они ходили к Замку — никто не знал, все привыкли к этой древней традиции, такой же, как праздник урожая, проводы зимы.

Девушка знала, куда и зачем шла. Наверное, она единственная из всего города знала это. Собственно, кроме неё это никого и не интересовало. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы, потому что даже птицы предпочитали здесь не селиться. Лес кончился неожиданно. На опушке девушка замедлила шаг — невдалеке возвышалась мрачная громада Замка. Здесь никто не бывал по собственной воле. Девушка вздохнула и решительно направилась к воротам.

Массивная створка почему-то была приоткрыта. Девушка остановилась в нерешительности — так быть не должно. Ворота всегда были закрыты.

— Хозяин, — произнесла она, — я пришла к вам...

— Тогда что стоишь? Там открыто, — отозвался голос ниоткуда. Девушка вздрогнула от неожиданности, но, собравшись с духом, ступила за ворота. Перед ней раскинулся огромный пустой двор. Узкая дверь башни также была открыта.

Девушка поднялась по каменной лестнице и вошла в зал. После залитого солнцем двора и лестницы, освещённой яркими факелами, помещение показалось ей сумрачным. Поэтому человека, сидящего в огромном кресле у дальней стены, она заметила не сразу.

— Слушаю тебя.

Девушка обернулась на голос и низко поклонилась Хозяину.

— Я пришла с нижайшей просьбой от города, — похоже, эту фразу она специально готовила и произнесла без запинки.

— Любопытно, — Хозяин встал и сделал несколько шагов по залу. — Последний раз просьба у вашей деревни ко мне была лет триста назад. Тебя что — старейшина прислал?

— Нет, бургомистр собирался обратиться с этой просьбой завтра. Никто не знает, что я пошла к вам.

— Бургомистр... — протянул человек, — много же воды утекло... А ведь была деревня деревней... Ну ладно, говори, я тебя слушаю.

— Я прошу вас защитить город. Нам угрожает Армада.

— Армада? — Хозяин вопросительно приподнял бровь.

— Ну да, Пиратская Армада...

— Ты смотри! — удивился он, — Даже у этих организация! Кто б мог подумать?..

— ...Они грабят приморские посёлки уже в пяти милях от города.

— А что же ваш король? — перебил девушку Хозяин, — неужели он не должен защищать своих подданных?

— Но ведь трон отказал нам в защите более четырёх веков назад, — она немного удивилась, — тот король сказал, что если Хозяин нам важнее, то нечего ждать помощи от Его Величества. Это же было... из-за вас...

Девушка вдруг замолчала, испугавшись, что позволила себе сказать лишнее. Однако Хозяин не заметил паузы. Он сокрушённо покачал головой:

— Надо же! Забыл! А ты откуда всё это знаешь?

— Я воспитываюсь в семье городского архивариуса.

— Тогда ты должна знать, что ко мне просто так не приходят, — Хозяин прищурился.

— Я знаю, — просто ответила девушка. — Вам нужна жертва. Это буду я.

Хозяин остановился и посмотрел на девушку. Ситуация показалась ему забавной.

— Кто это придумал?

— Я сама. У той девушки, которую завтра приведёт бургомистр, есть родители и жених. А я сирота. Поэтому я и решила...

— Послушай, жертва! А в городских архивах говорится, что от меня ни одна живая не уходила?

— Да, я очень хорошо знаю историю города. Но что же делать? Городская стража не выстоит против пиратов, вот я и решила помочь... Это всё-таки мой город, а Сильвию мне просто жалко.

— Ты, наверное, устала? Наверное, и не ела с утра? — вопрос прозвучал настолько неожиданно, что девушка замолчала на полуслове.

— Жаркое нынче лето, — задумчиво продолжал Хозяин, бросив взгляд в окно. Затем он снова повернулся к гостье, — Садись, отдохни и раздели со мной завтрак.

Посреди зала стоял накрытый стол. Девушка могла поклясться, что секунду назад его не было. Но, повинувшись Хозяину, она присела на краешек резного стула. Завтрак как завтрак — горячие булочки, масло, фрукты, пыхтящий кофейник...

— Приятного аппетита, — нерешительно произнесла она. Кошчи молча кивнул, улыбаясь одними глазами, и взял со стола бокал с вином.

Завтрак прошёл в тишине, лишь ветер шумел за окном. Девушка завтракала, стараясь не смотреть на Хозяина, а тот, напротив, не спускал с неё глаз. Окончив трапезу, гостья сложила салфетку, встала и еле слышно поблагодарила. Пока Кошчи вставал — стол исчез. Как и бокал с вином, к которому Хозяин так и не притронулся.

— Я жду вашего слова, Хозяин, — тихо прозвучал её голос.

Хозяин небрежно махнул рукой:

— Не беспокойся, пираты не подойдут к городу.

— Спасибо. Я готова...

— Ну, раз готова — пошли, — усмехнулся Хозяин.

И они пошли. Но не в спальню, как предполагала и боялась девушка. Кошчи сошёл вместе с ней по лестнице, пересёк двор и остановился у ворот.

— Спасибо, что навестила. Ступай домой, архивариус уже беспокоится.

— Но... Жертва... — девушка недоумённо оглянулась на него.

— Ах да, жертва... Жертву надо принести, это верно... Ну, пусть жертвой будет твоё

обещание иногда заглядывать ко мне в гости. Ты хорошая собеседница, а мне этого стало не хватать.

— Я же ничего не сказала, — девушка не могла понять — к чему клонит Хозяин.

— Вот я и надеюсь, что в другой раз ты будешь поразговорчивее. Иди, хотя нет, постой...

Кошчи громко свистнул. Раздалось ржание — через двор скакал вороной конь.

— Это Уголёк, — пояснил Хозяин, оглаживая красавца, — Теперь он твой. Путь от города был неблизкий, да и обратный не легче. А так тебе будет проще.

— Но я... — девушка развела руками.

— Ну чем я тебе ещё не угодил?

Девушка двумя пальцами чуть приподняла подол нарядного платья, в котором можно было явиться на бал к бургомистру, но никак не скакать в мужском седле.

— Да, я заметил, — Кошчи уже откровенно ехидничал, — Платье красивое, в самый раз для жертвы. Давай стремя подержу!

И он помог девушке взобраться на коня и удобно расположиться в дамском седле.

Конь неспешным шагом добрался до опушки. Девушка оглянулась — Хозяин стоял у ворот и провожал её взглядом. Она остановила коня и, глядя на Кошчи, громко сказала:

— Меня зовут София! Я приеду к вам!

Хозяин махнул рукой и скрылся за воротами.

IV

Три корабля со спущенными парусами неподвижно замерли на лазурной глади моря. Одноглазый Питер, Адмирал Армады, как он сам себя называл, завтракал. Питер предпочитал, чтобы на его флагмане было всё, как на королевском флоте. Поэтому на чисто выскобленной палубе стоял богато накрытый стол и дорогое кресло. Пиратскому адмиралу прислуживали двое чернокожих невольников. Конечно, команде не особо нравились такие нововведения, но вслух возражать никто не рисковал. Питер не отличался демократичностью во взглядах, с недовольными предпочитал расправляться самолично или с помощью телохранителя Урванги. После подобных расправ невольники по часу и больше оттирали с палубы кровь, а головы недовольных украшали бушприт.

Одноглазый Питер закончил завтрак, промокнул губы платком и встал. Стол невольники тут же унесли.

— Ну, что ж, — произнёс адмирал, отводя руку в сторону, — Пожалуй, можно начинать...

На всех трёх кораблях засвистели боцманские дудки и по бортам начали спуск на воду шлюпки, набитые головорезами из штурмовых команд. В руке Одноглазого оказалась сверкающая медью подозрительная труба. Он раздвинул её колена и приложил к единственному глазу. Однако в объективе, вместо берега, оказалось чьё-то размытое плечо.

— Какая жалость, опоздал к завтраку! — послышался незнакомый голос.

Питер опустил трубу. На борту сидел незнакомец в синем плаще. Он легко спрыгнул на палубу и встал напротив адмирала.

— Тогда перейдём сразу к делу, Питер. Я лишь хотел сказать тебе, что на этот берег тебе пути нет.

— Кто ты такой? — спросил одноглазый, складывая трубу. Вся команда, не занятая делом, сгрудилась вокруг.

— Я хозяин, — спокойно объяснил незнакомец.

— Над кем? — насмешливо поинтересовался пират.

— Я — Хозяин, — повторил пришелец, — Это значит, надо делать то, что я говорю.

Сказав, он опустился в кресло, с которого недавно встал сам адмирал. Непонятным образом, оно оказалось позади него.

— Здесь хозяин я! — на лице Одноглазого Питера появилась нехорошая улыбка, — И я думаю, самозванец, что ты пришёл за неприятностями!

— Угу, — кивнул Кошчи, — Только не за ними, а с ними. Ну, например...

В это мгновение с громким хрустом подломилась одна из шлюпбалок на соседнем фрегате. Шлюпка, не достигшая воды, резко клюнула носом и штурмовая команда, как горох, посыпалась в море.

— Взять его! — взревел Питер, бросая трубу и хватаясь за кортик. Послышалось рычание, и, расталкивая пиратов, к Хозяину приблизился лысый полуголый верзила. Это был Урванга, дикарь с Дальних островов. Несколько лет назад Одноглазый, для развлечения, разгромил деревню туземного племени. Урванга был пленником в той деревне, и, с той поры, не покидал своего спасителя. Даже среди своих рослых соплеменников, Урванга выделялся огромным ростом и нечеловеческой силой. В его несообразно маленькой головке жила всего одна привязанность — адмирал. Лучшего телохранителя трудно было бы вообразить! Поговаривали, что он людоед, но точно это знал только Питер.

И сейчас, огромная, как лопата, ручища этого монстра схватила Кошчи за плечо.

— Глупо... — пробормотал тот, не двигаясь с места.

В маленьких глазках Урванги промелькнуло что-то, напоминающее беспокойство. Рычание стихло, и через мгновение сменилось жалобным рёвом. Так не кричали даже пленники, которых дикарь, по приказу адмирала, разрывал на части, для устрашения недовольных. На глазах притихшей от ужаса команды рука туземца почернела, сморщилась и вдруг рассыпалась чёрной пылью. Лёгкий бриз разметал её... А Урванга, упав на палубу, катался с жалобным рёвом, зажимая рукой плечо. На желтоватой коже не осталось ни малейшего намёка на то, что здесь только что была рука.

— Это пример, — доходчиво пояснил Хозяин, вставая и глядя в окаменевшее лицо адмирала, — То же самое произойдёт с любой ногой, ступившей на этот берег. Кстати, это очень больно.

— Ты меня не запугаешь, королевский прихвостень! — зашипел Одноглазый Питер и взмахнул кортиком.

В тот же момент со всех сторон хлопнул десяток пистолетных выстрелов. Кошчи покачнулся. Затем, как надоедливых мух, смахнул с плаща расплющенные пули и с сожалением произнёс:

— А ты глуп, Питер! И как ты ухитрился стать адмиралом? Ни один Король давно не вмешивается в здешние дела, потому что здесь есть Хозяин. Прощай, я даже не буду смеяться над твоей глупостью, это сделают другие.

С носа флагманского галеона раздался дикий хохот. Все пираты невольно взглянули туда. Мёртвые головы, висевшие на бушприте, залиvisto ржали над своим бывшим адмиралом. Они раскачивались, корчили рожи, показывали ему язык... Когда же побелевшая от ужаса команда обернулась на Хозяина — палуба была пуста.

София встала рано утром, приготовила завтрак своей опекунке — вдове бывшего городского архивариуса Клваш, вычистила большой ковер, который ей привезли в качестве

подарка её двоюродные братья. Они тоже были сиротами, тоже совершеннолетними, но могли распоряжаться своей жизнью по той простой причине, что были мужчинами. А молодой девушке до замужества не позволялось почти ничего. Вдова Клваш была очень строга, и даже тот побег в Замок к хозяину София считала удачей.

Хозяин... обаятельный мужчина вне возраста с худощавым телом и мудрыми холодными глазами, стоял у неё перед глазами. И слова: «Ты хорошая собеседница, а мне этого стало не хватать», не выходили у девушки из головы.

Она быстро сбежала по деревянной лестнице вниз. В старой конюшне, где уже лет сто не было ни одной захудалой лошадки, стоял статный жеребец. Черный, словно уголь и с таким же именем.

— Уголек, — нежно пропела София, глядя пофыркивающего жеребца по морде. У неё никогда не было лошади. Но у её лучшей подруги, Сильвии, был целый выезд. Когда вдова встречалась с матерью Сильвии, чтобы перекинуться партию в карты, девушкам разрешалось покататься в парке под окнами в сопровождении слуг. Теперь же у неё свой конь!

Когда София вернулась от Кошчи, Уголька увидела опекуна Софии. Она воскликнула: «Какие добрые у тебя братья!» Девушка очень обрадовалась, что не пришлось лгать старой женщине, и смолчала, улыбаясь. Она провела с Угольком весь день, вычищая его черные бока и заплетая гриву в множество косичек с цветными ленточками. Жеребец неодобрительно фыркал, но терпел.

В морде животного София наконец нашла приятного собеседника. Конечно, у неё была подруга. С Сильвией можно было поговорить о нарядах, о мальчиках, даже пожаловаться, но все-таки между ними была пропасть. София, бедная горожанка, сирота, и Сильвия, дочь богатых родителей, зажиточных горожан, у которой нет отбоя от женихов.

Что греха таить, София всегда немного завидовала подруге. Её общепризнанной красоте: Сильвия была высокой фигуристой девушкой с маленькой ножкой, звонким голоском, голубыми глазками и пухлыми губками. София же была мышкой: невысокая, худенькая, с карими глазами и черными волосами, доставшимися ей от отца — иноземца. И одним единственным красивым платьем, припрятанным вдовой Клваш и подаренным ей на совершеннолетие. Тогда она впервые попала на бал в городскую ратушу. София так ждала этого дня, который изменит всю её жизнь. Она сутками кружилась в этом прекрасном платье перед зеркалом, отрабатывая движения танца...

Но жизнь оказалась прозаичнее. Платье это безнадежно устарело. На неё смотрели, как на пугало, показывали пальцем. Никто из молодых людей не пригласил её танцевать. София так и сбежала с бала, в слезах, с разбитыми мечтами.

Но Хозяин, Кошчи, смотрел на неё иначе. Ему было без разницы, насколько модно её платье. Ему была интересна она. И от этой мысли внутри девушки все сжималось. Каждый раз, думая о нем, она сжимала в объятиях Уголька и целовала его мохнатую морду.

— Что со мной? — смеясь, спрашивала она своего нового друга. — Что со мной?

Но Уголек только стриг ушами, нетерпеливо перебирая копытами, и иногда тянул девушку к выходу, словно говоря: «Ну что мы тут стоим? Давай, полетели на волю!»

— Не могу, Уголек, — качала головой София.

Вот такая жизнь незамужней горожанки: стоит начать делать то, что тебе по душе, сразу попадаешь в черный список. И не видать тебе больше ни приемов, ни балов... хотя София этого и так не видела. Но главное у тебя больше не будет шанса удачно выйти замуж. А это, как говорит вдова Клваш, есть цель любой благовоспитанной девушки.

Когда приезжают братья, уже становится веселее. Они в свои двадцать лет уже объездили полмира и знают столько забавных и добрых историй... Наверняка в их жизни не все так весело и безоблачно, но близнецы никогда в этом ей не признаются. Они изобретатели, на вольных хлебах. Профессия у них опасная и не очень денежная. И друзья им под стать. Вот поэтому вдова никогда не позволяет им приводить с собой друзей. София понимала, вдова заботится о ней. Она добрая и желает только лучшего. Но самой Софии и не надо этого благополучия.

Лучше вот так взять и ускакать с Угольком куда глаза глядят. Но увы, воспитание дает о себе знать. Молодая дама подвергается страшной опасности, стоит её одной без сопровождения выйти из дома. София сомневалась, что на неё кто-нибудь позарится, ведь её внешность далека от канонов красоты, но авторитет вдовы незыблем.

— А было бы хорошо, еще раз навестить Хозяина, — прошептала она Угольку. При упоминании Хозяина тот, как обычно, начал приплясывать и радостно пофыркивать. — Нельзя, милый, — умоляюще протянула она. — Меня накажут.

Уголек стоял в конюшне уже три дня. София умоляла опекуницу разрешить ей хотя бы поводить его в парке, ведь такие породистые скакуны не должны простаивать, а то они могут заболеть. Наконец, вдова поддалась уговорам. Но попросила своего кузена — старого капитана в отставке Крода, сопровождать юную девушку.

После двух часов бравых рассказов о подвигах старого капитана, многие из которых просто повторялись в разных вариациях, Крод соизволил задремать на скамейке парка. София воспользовалась передышкой, чтобы покататься на Уголке. Она с великим трудом забралась в дамское седло сама и с торжествующим видом разрешила Угольку скакать так, как хочется ему. В первый же миг Уголек рванулся так, что чуть не уронил девушку. С усилием удержавшись в седле, она пригнулась к холке жеребца, задохнувшись от того восторга, который принесла скорость. Вслед неслись крики: «Конь взбесился!», «Кто-нибудь, спасите несчастную!» Но Софии было на них наплевать. Она сейчас свободна и принадлежит только себе.

Очнувшись от мечтаний о полете и свободе, девушка обнаружила, что Уголек резво бежит по знакомой тропке, прозванной Тропой старейшин. Сердечко её заколотилось, грозя выпрыгнуть из груди. И вовсе не от скорости, и не от высоты. Возможно, она увидит Хозяина. Может повернуть, пока не поздно?

В смятении София остановила Уголька в нескольких метрах от ворот. Жеребец недовольно заржал, приплясывая от нетерпения. Скосил черный глаз, мол: «Ты же сама хотела»...

— Я боюсь, милый, — в отчаянии произнесла София.

— И чего боится такая отчаянная леди? — насмешливо спросил знакомый голос.

Сердце Софии зашло, задыхаясь от волнения и непривычно быстрой езды. Перед глазами потемнело.

— Так что же у вас опять приключилось? Пираты? Разбойники? Королевские войска?

Девушка открыла глаза и увидела перед собой огромную залу, большой фонтан посередине привлекал внимание своей невероятной и чудовищной композицией из сверкающего полупрозрачного камня: маленький пузатенький человечек, пронзенный множеством копий и поднятый ими на высоту человеческого роста. Из многочисленных ран тугими струйками вытекала кроваво-красная жидкость.

Содрогнувшись от этого зрелища, девушка поспешно обратила лицо к своему собеседнику. Кошчи сидел прямо на белоснежном полу и держал в руке золотой бокал, искрящийся разноцветными камнями. Он внимательно смотрел на девушку сверху вниз.

Только теперь София осознала, что лежит на голом полу. Но удивительно: пол был теплым и комфортным на ощупь, как нежная замша, хотя на вид — обычный белый камень.

Девушка села, ощущая легкое головокружение. Мужчина протянул бокал:

— Выпей. Полегчает.

София нерешительно приняла бокал и отхлебнула глоток терпкого сухого вина. Небо тут же обволокло онемение, но голова кружиться перестала.

Кошчи спокойно ждал, устремив взгляд на кровавый фонтан. Девушка осторожно поставила стакан на пол.

— Кто это?

— Где? — не понимая поспешил посмотреть на неё Хозяин.

— Там... — передернувшись, кивнула София. — В фонтане.

— А, этот, — неожиданно тепло рассмеялся мужчина. — Это Алори. Великий интриган и глупец, но имевший удивительную способность достать все, что угодно. Пару столетий назад он был главным поставщиком двора, пока не решил, что умнее всех придворных вместе взятых...

— Что же он натворил? — недоумевала девушка, гадая, за что человека постигла такая казнь.

— Да почти ничего... не успел, — ухмыльнулся Кошчи. — Хотя мог бы, будь он чуточку умнее или хотя бы совета спросил. Король, который правил тогда, был очень юн и пристрастен к вину... хорошему вину, следует отметить его отменный вкус. Но пристрастие к алкоголю не способствует развитию доброты к окружающим людям. Особенно поутру. А уж вдвойне к тому, кто по какой-либо причине не успел привезти новые сорта вин к очередному празднику. И досталось главному поставщику: посадили его в пустую бочку и сбросили с обрыва в реку... Выловили, конечно, откачали — кто будет такими полезными людьми разбрасываться. Но толстяк Алори оказался весьма обидчивым человеком, что меня несколько удивило. И подпал под влияние кузена короля. А тому только и надо, что известить братца. Добавляли какую-то отраву в бутылки для короля. И немного: чтоб пробовальщики выжили, и во все: чтоб медленно накопившись в организме убило престолодержателя без всяких подозрений в их сторону.

— И что? — взволнованно спросила София, когда Кошчи замолчал. Для неё, живущей в своем маленьком мирке, слова «двор», «придворные», соответствовали сказке. В данном случае страшной сказке, но от этого не менее захватывающей.

— Да ничего особенного, — равнодушно ответил Хозяин, видимо ему эта история уже успела надоесть. — Пьяница умер, братец стал новым королем. Только вот незадача: этот не пил совсем. Ничего. И, стало быть, такой ранее полезный человек ему стал отныне ни к чему. А если вспомнить обстоятельства их дружбы, так и вообще — опасен. Алори арестовали и обвинили в убийстве и сразу привели приговор в исполнение.

Немного помолчав и отхлебнув вина из бокала Софии, Хозяин продолжил с усмешкой:

— Новый король не стал сажать Алори в бочку. Сказал: «вниз он летал, пусть теперь наверх полетает». И приказал страже помочь бедолаге.

— Так она его копьями вверх подкидывали? — ужаснулась побледневшая девушка.

— А когда он падал, вновь подхватывали и снова запускали в небо, — кивнул Хозяин.

— А фонтан... — девушка пыталась прогнать ужасную картинку, возникшую в сознании, переключившись на единственный предмет в зале. — И кровь...

— Зачем я сотворил такой фонтан? — понял Кошчи. И неожиданно весело рассмеялся. — Просто в память о таком прекрасном и забавном человечке, который скрасил какой то период моей скучной жизни своими глупыми интригами. Короли всегда проявляли ко мне неприязнь и даже враждебные действия, что странно. Мне было глубоко наплевать, кто считается Королем, ибо все и так знаю, кто в стране Хозяин. И мне вдруг захотелось развлечься. Подобрал на местном базаре первого оборванца и предложил ему план, воспользовавшись которым, удачливый пацан стал главным вельможей. К тому же он и мне поставлял отличное вино.

— Вино? — удивилась девушка. — Но зачем? Разве вы не можете создать из ничего все, что угодно?

— Могу, — согласился Хозяин. — Только вот... как тебе объяснить. Проще показать.

Кошчи взял пустой бокал и подошел к фонтану. Набрав кровавой жидкости, он поманил девушку к себе.

София нерешительно приблизилась, но на протянутый бокал смотрела с недоверием.

— Это просто вино. Просто очень хорошее и очень редкое вино, пей, — понимающе улыбнулся мужчина.

Девушка нерешительно пригубила бокал. Точно, это как раз то вино, что Кошчи предложил ей для восстановления сил и даже пил сам. София ощутила холодок, пробежавшийся по спине, подумав, что впервые видит, как Хозяин что-либо пьет. Ей вдруг показалось, что это знак доверия... или уверенности.

— Вкусно? — поинтересовался Кошчи, несколько резко.

София вздрогнула и поспешно кивнула. Но Хозяин не смотрел на неё. Он протянул руку в сторону и поднял вверх ладонью. Воздух заколебался, как над огнем. София моргнула и поняла, что в руке мужчина уже держит бокал. Серебряный, украшенный коричневыми камнями, которые пронизывало множество золотистых блесток.

Кошчи протянул созданное творение девушке. София с любопытством заглянула в бокал: он был полон алого вина с потрясающим ароматом.

— Попробуй, — сухо приказал Хозяин.

Девушка осторожно, еще не веря в само существование чаши, приняла сосуд и чуть отхлебнула. Необыкновенная сладость скользнула в небо девушки, оставляя после себя привкус меда и волшебных цветов. Вино было необычайно вкусным. Но...

София отстранила бокал.

— Больше не хочешь? — хитро сощурился Хозяин. — Что ж так. Аль не по нраву угощение?

— Вкусное, — София задумчиво рассматривала искрящуюся жидкость, пытаясь облечь свои ощущения в слова. — Но странное... словно... мертвое. Не знаю, как сказать иначе.

— И не пытайся, — холодно кивнул Хозяин. — Лучше не скажешь — именно мертвое. Виноград не питал силу заботы виноградаря, не знал грубых, но живых рук собиральщиц, и многих других рук, через которые проходит продукт, чтобы родиться отличным вином. Это, — Кошчи щелкнул пальцами и вино из бокала взмыло в воздух, застыв на уровне глаз Софии ярким шаром, — можно пить, можно утолить жажду. Но наслаждаться — никогда.

Девушка перевела взгляд на чашу в своей руке, даже постучала по ней, чтобы убедиться в её существовании. Кошчи провел рукой по шару, и тут девушка краем глаза увидела

движущуюся картинку в прозрачно-алой поверхности. Резко вскинув голову, София заметила малюсенькие пальмы. И шар взорвался сотнями брызг, поддавшись щелчку Хозяина, на лице которого играла победная полуулыбка.

София в испуге зажмурилась, ожидая прикосновения мокрых капель, но ощутила лишь порыв свежего воздуха и услышала ржание Уголька. Открыв глаза, девушка увидела, что стоит в подножии горы лишь в обществе жеребца.

— Тебе пора, — раздалось сверху.

Подняв голову, София увидела, как Хозяин поднимается к облакам:

— Прощай... — Помахал рукой Кошчи. И добавил с насмешкой, — Жертва.

...Пятьдесят, пятьдесят один, пятьдесят два. Питер наступил в морскую пену, которую оставила лениво отползшая волна. Длина островка за месяц не изменилась. Бывший «гроза морей и берегов» вяло развернулся и поплёлся на другой край своих владений, проверить — не прибавилось ли чего-нибудь к сорока трём шагам ширины. Посередине песчаного островка возвышалась изъеденная ветрами и волнами скала. Крошечный грот у её основания служил Одноглазому Питеру каютой. Углубление на вершине позволяло накапливать дождевую воду. Правда, за последние дни не выпало ни капли. Это, как и страшная жара, наводило на неприятные мысли о грядущей жажде. Правда, были ещё пальмы, целых двенадцать штук, и с них как-то при буре упала парочка орехов. Но ветер пропал вместе с дождём, а лезть наверх... Питер прекрасно сознавал, что он уже далеко не юнга.

После достопамятной встречи с Хозяином Одноглазый командовал эскадрой всего пять дней. Этого хватило, чтобы однажды ночью команда взломала дверь его каюты и предъявила чёрную метку. Урванга ничем не мог помочь своему хозяину, потому что абордажная сабля в чьих-то умелых руках заранее отделила его голову от плеч. С бывшим адмиралом долго не церемонились — уже утром его высадили на необитаемый островок, не дав с собой ничего, кроме парадного адмиральского мундира. Да ещё, какой-то шутник под дружное ржание товарищей выкинул из отваливающего от островка ялика голову телохранителя.

Питер прекрасно понимал своих бывших подчинённых. За эти пять дней Армада только чудом избежала встречи с королевскими рейдерами, которая вполне могла окончиться для неё плачевно. Добычи же не было совсем никакой! Тяжёлые купеческие галеоны заблаговременно меняли курс, а жители приморских деревень прятались в лесах или горах, уводя с собой живность и унося всё мало-мальски ценное. Избежать нежелательной встречи и тем и другим помогал хохот мёртвых голов, по-прежнему украшавших бушприт флагмана. Он же служил маяком рейдерам, ведь разносился над океаном за несколько десятков миль!

Поэтому, не было ничего удивительного, что на тайной сходке пираты решили избавиться от адмирала, которому навсегда изменила удача.

Один, два, три... Этот ритуал помогал ему не сойти с ума окончательно. Счёт дням он потерял на первой неделе своей ссылки, когда, в бессильной злобе, метался между пальмами и скалой, призывая проклятия на все головы, которые только мог припомнить. Шагов должно получиться сорок три, последний приведёт на плоский камень, с которого можно будет разглядеть небольшую яму на морском дне. Она украшена идеально обработанным черепом. Когда-то это был телохранитель адмирала. В первый же день своего заточения Питер выбросил голову Урванги в море, не собираясь наслаждаться сомнительным ароматом гниющей плоти. Волею прибоя голова упокоилась в яме, а крабы и хищного вида рыбки быстро привели её в нынешнее состояние.

...Шестнадцать, семнадцать... В ноздри пирата ударил такой запах, что закружилась голова. Одноглазый Питер зажмурился, пытаясь понять — сошёл ли он с ума окончательно, или где-то рядом действительно есть жареное мясо.

— Остальные двадцать шесть можешь досчитать потом!

И голос хорошо ему знаком, совсем недавно слышал.

Питер осторожно открыл глаз и медленно обернулся. У подножия скалы, на бывшем адмиральском мундире сидел Хозяин. Перед ним на песке была расстелена тряпица, украшенная восхитительным натюрмортом — большая сковорода, содержимое которой так безжалостно обошлось с обонянием пирата, коврига деревенского хлеба, какая-то зелень и бутылка вина.

Кошчи похлопал по песку.

— Садись, адмирал! Сначала завтрак, потом деловые переговоры.

Одноглазый мгновение помедлил, потом, рассудив, что ничего не теряет, плюхнулся рядом с Хозяином. Подавив минутную слабость — желание напихать полный рот, адмирал взял трезубую вилку и помедлил, выбирая кусок, которому предстояло новоселье в пустом адмиральском желудке. Кошчи разломал хлеб на куски, залихватским движением вышиб пробку и плеснул вина в две глиняные кружки. Подождав, пока Питер прожует, он поднял свою и весело сказал:

— Твоё здоровье, Питер!

— Твоё... — буркнул пират и опрокинул вино в глотку.

Наступила тишина, нарушаемая лишь чавканьем и бульканьем. Бывший адмирал насыщался, а Хозяин жевал веточку зелени и беспечно любовался горизонтом.

Всё хорошее кончается, даже завтрак. Питер вытер усы, стряхнул крошки с бороды и выжидательно уставился на Хозяина.

— У нас много общего, — сообщил тот, не отрываясь от созерцания.

Пират приподнял бровь.

— Мы одиноки в мире людей, нас никто не любит и все боятся, — пояснил Хозяин.

Одноглазый поразмыслил и признал, что собеседник в чём-то прав.

— Мы могущественны, но подчас нуждаемся в помощниках, — продолжал Кошчи. И против этого Питер не возражал. А Хозяин оторвался от своего занятия и посмотрел на пирата в упор.

— Я хочу взять тебя на службу, Питер.

Адмирал не шелохнулся. Его выдержке могла бы позавидовать и скала, у подножия которой они сидели. Молчание слегка затянулось, и пират не выдержал первым.

— После того, что ты со мной сделал? — глухо произнёс он, опуская взгляд.

— Да, — чуть заметно улыбнулся Хозяин, — Я наблюдал за тобой всё это время. Ты — тот человек, который достоин мне помогать.

— И ты думаешь — захочу это делать? — горько усмехнулся одноглазый.

— Захочу — не захочу... — проворчал Хозяин, — Я конечно понимаю, что тебе трудно решиться. Выбор и правда трудный — у тебя теперь такой прекрасный остров, свобода и стройная фигура, но мне кажется, я найду, что тебе за это предложить.

— У меня было всё, — Питер исподлобья посмотрел на собеседника, — Теперь нет ничего. Даже имени...

— Я же говорил — у нас много общего, — с удовольствием засмеялся Кошчи, — У меня тоже не было имени. Я дал его себе сам. И точно так же могу любому дать то, чего он

заслуживает.

— И что же ты можешь дать мне? — пират вздохнул и отвернулся.

— Для начала — вот что, — Хозяин, мгновенно став серьёзным, наклонился к Питеру и сорвал с его лица чёрную повязку.

Хотя грозу морей всегда звали Одноглазым, и лишь немногие могли похвастаться, что видели его лицо без повязки. А уж из последней его команды никто не знал, что под плотной тканью прячется обычное бельмо. Естественно, ведь героический ореол весит гораздо больше, чем бытовое уродство.

Питер вскочил, сжав кулаки. Такого обхождения он не мог простить никому. От банальной драки его удержало только одно — Одноглазый вдруг осознал, что прекрасно видит обоими глазами. Пират застыл, как поражённый громом.

Кошчи любовался произведённым эффектом. Риск, конечно, был, но ему удалось откопать в глубине души Питера его заветную мечту.

— Я буду тебе служить, — глухо произнёс бывший адмирал.

— Знаю, — на этот раз Хозяин даже не улыбнулся.

— Только чем я могу тебе помочь? Адмирал без эскадры, капитан без корабля...

— Это уже мои дела, — небрежно отмахнулся Кошчи, — Хотя ты можешь мне тут и помочь. Раз я смог получить лучшего капитана, то и всё остальное, корабль и команда, ему полагаются только самые лучшие.

— Самый лучший корабль, который я когда-либо знал, уже два года покоится на морском дне, — печально улыбнулся Питер, — Это была «Прекрасная Альсина», флагман Айварского королевства. Полсотни пушек, не знавших промаха, а в скорости, даже с полными трюмами, она не уступала ни одной насадской галере!..

— И что же случилось с таким чудом? — заинтересовался Кошчи.

— А... — махнул рукой Питер, — Когда Айвар потерял в битве с Насадом все прибрежные города, их адмирал раздал все деньги, в том числе и собственные, матросам и младшим офицерам и своей властью уволил их с флотской службы. А сам, с капитанами, вывел оставшиеся корабли в море и взорвал их. Я тогда только-только сколотил свою Армаду и очень хотел получить «Альсину». Но мы опоздали. Нам досталась только адмиральская шляпка и его вымпел.

— Ясно, — прервал его Хозяин, — Значит — «Прекрасная Альсина»... А экипаж?

— О! — пират прищурился, глядя вдаль, и на его губах заиграла улыбка. Кошчи удивленно приподнял бровь — улыбающийся Питер — зрелище неожиданное.

— Это было очень давно, — пират погрузился в воспоминания, — Я был сопливым мальчишкой, сиротой, сбежавшим из приюта и грезившим морями. В первом же порту мне встретилась Рыжая Команда. Это был лучший корабельный экипаж! Они не имели капитана и служили по найму, по три года. Все капитаны мечтали получить их под своё начало. Корабль, на который они нанимались, становился лучшим! Меня даже подвели к их боцману. Тот пожалел одноглазого мальчика, но пятым юнгой в команду не взял, не смог просто, я же не рыжий. Такой уж устав был у Рыжей Команды. Когда их корабль пропал в Северных морях — траурные вымпелы подняли на всех флотах...

— Понятно, — подытожил Хозяин, — Значит, ты бы не отказался получить под командование «Прекрасную Альсину» с Рыжей Командой на борту?

— От этого не отказался бы ни один капитан, будь он в здравом уме, — вздохнул Питер, — Если бы ещё это оказалось возможным...

Вместо ответа Кошчи указал куда-то за спину капитана. Тот обернулся и не поверил своим глазам: в полумиле от них замерла «Прекрасная Альсина». А на половине пути между судном и берегом, вспарывая зеркальную гладь дружными ударами вёсел, к островку летела шлюпка. Издали казалось, что она объята пламенем — настолько ярко выделялись шевелюры матросов на фоне голубого неба.

V

София медленно возвращалась домой, опустив поводья. Уголек, словно почуяв её настроение переставлял копыта очень мягко, медленно. Ему не хотелось уходить. Дом его здесь, а не в старой, пропахшей беспородными мериными конюшне. К тому же, солома это совсем не то, к чему он привык.

Девушка же задумалась о Хозяине. Он был сегодня с неё резок и даже немного жесток. Но разве она ждала другого? Ведь она с детства слышала все эти леденящие душу истории о Хозяине. С чего она вдруг решила, что достойна увидеть в нем иное существо? Или она просто не вовремя пришла? Он явно куда-то торопился. Её просто выставили, но девушке так хотелось вернуться. Вернуться прямо сейчас. Но миссис Клваш была к ней так добра, она не может причинить страдание старушке, ведь та о ней так искренне заботится. И что бы сказали братья, брось она все ради мужчины, которому она может быть совсем и не нужна?

София почувствовала, как ветер холодит её мокрые щеки. Это слезы или дождь? Сквозь пелену тумана в темноте не видно не зги. Когда успел пройти день? Она столько бродила, не замечая времени или пока она была в замке? О, она могла бы слушать Хозяина сутками напролет, даже если бы он рассказывал только страшные истории.

Слава богам, что Уголек знает дорогу. София бы не смогла бы её найти до утра, пока туман не рассеялся бы. А вот и городок, и их дом на окраине. И темные окна. Похоже, все давно спят. Но старушка бы не заснула никогда, если бы Софии не было дома. Или она ищет девушку вместе с верным капитаном Кродом.

Девушка представила двух стариков, бредущих во тьме и ищущих её разбитое о скалы тело, и ей стало невыразимо стыдно.

Она поспешно сползла с Уголька и бросилась внутрь дома. Пусто.

— Миссис Клваш! — закричала она.

На зов из кухни выглянула толстая ленивая кошка. Старушки дома не было.

— Что же делать? — озадачилась девушка.

Искать тетушку или ждать, когда она вернется. В такую погоду потеряться очень легко. Пометавшись, девушка села у окна, вглядываясь в темноту на улице. И сама не заметила, как уснула.

— Разрешите войти, Ваше королевское величество?

Всериил осторожно заглянул в библиотеку. Король сидел в огромном кресле и задумчиво листал страницы огромного фолианта. Ему пришлось повторить свой вопрос. Король кивнул.

— Что читаете? — поинтересовался он у Короля.

— Историю, — вздохнул мужчина средних лет. Закрыв книгу, он с трудом перенес её на столик и откинулся на спинку кресла, со вздохом потирая мешковатые веки глаз. Потом перевел мутноватый взгляд пепельных глаз на придворного советника.

— Историю города Арлейн.

— Того самого? — похолодел советник.

— Того, — согласился Король, подпирая обвислые щеки.

— А почему вдруг такой интерес? — очень худой, советник легко втиснулся между креслом и столиком, дабы рассмотреть поближе фолиант. — Ведь со времен истории королевского поставщика Алори, о Нем не слышно.

— Это тебе не слышно, — отрезал Король. А кто поумнее, услышит. Он теперь не действует напрямую. Да и незачем теперь, ведь с того времени, как он появился на казни Алори и превратил всех присутствующих в камень, никто лично Ему возражать не станет.

— Кстати, интересно, а зачем он обрубил колья и забрал тело Алори? — задумчиво пропел советник. — Может, он не так бездушен, как думают? Может, это нам будет полезно? Может, мы сможем на этом сыграть?

— Забудь, — хмыкнул Король. — Я сам как-то спросил его. Он ответил: «Я давно искал для своего фонтана композицию со смыслом».

Советник передернулся, представив себе эту самую композицию, а потом востепенно:

— Как это — спросили?! Вы с Ним общаетесь?

Король, вспомнив множество унижительных визитов, в результате которых ему приходилось выполнять различные прихоти неприятного гостя и даже порой по его приказу выпускать преступников, буркнул:

— Не твое дело! Знай свое место, а то живо в острог попадешь!

Советник ухмыльнулся, спрятавшись за креслом. Уж он то знал, кто в королевстве Хозяин! Ведь Он и его посещал иногда. А Король это так — кукла в роскоши. Роскоши, которую Хозяину не было нужно. У него и так все есть. Как-то и советник спросил Его, набравшись смелости: «Почему Вы не станете Королем?», так в ответ услышал: «Носить маски — удел смертных». Всериил до сих пор просыпается в поту от взгляда, которым Хозяин его при этом награждал.

— Насадские маги захватили Називию, — наконец нарушил молчание Король.

Советник пожал плечами: это все знают. Как и то, что они захватили Айвар, Болитию, пустынные земли Тонов... Да кого интересуют эти княжеские земли!

— Я понимаю, тебе все равно, — усмехнулся Король. — Но я вижу немного дальше тебя. И это делает меня Королем!

«Ага, — подумал Всериил. — Скорее делает то, что Руйсы правят уже пятьсот лет... Только вот умнее от этого не стали».

Пока советник про себя поносил Короля до седьмого колена, тот напыщенно продолжал:

— Насад начал с самого незначительного княжества — Айвара, потом захватил другое, тоже маленькое и к тому же разоренное... потом пустые земли. Всериил, они действуют от малого к большому. Если так пойдет и дальше, маги присоединят к себе все княжества. И останется только два королевства... И как ты думаешь, с какого они начнут?

— С меньшего, — мрачно подытожил советник, понимая, что Король каким-то образом умудрился нащупать здравую нить. Хотя, может все проще, и ему это сказал Хозяин. — С нашего королевства Минд.

— Знаешь что, — почесал жиденькую бородку Король. — Помнишь о последней истории славного города Арлейн?

Советник кивнул, гадая, каким образом разбитые пираты связаны с насадскими магами.

— Приведи-ка мне ту, что выжила.

Ясным солнечным утром «Прекрасная Альсина» лежала в дрейфе на траверсе порта Ориум. Питер прохаживался по мостику, поглядывая на далёкий берег. Там, у подножия Чёрных гор, в укромной бухте, под защитой опасных скал и прятался сам порт. От него горными дорогами можно было добраться до Адахара, некоронованной столицы королевства. Такой титул Адахар заслужил весьма удачным расположением на торговых путях. Удобные тракты вели сразу к двум границам, и море было недалеко. Конечно, вчерашние козы тропы не великая радость для торговых караванов, и этим не преминули воспользоваться местные жители. Они расширили уже известные тоннели, кое-где пробили новые и, за немалую мзду, помогали купцам сократить путь. С их помощью время в пути, вместо пары-тройки дней, укорачивалось до нескольких часов. Не всякий купец был готов раскошелиться, да с «всякими» местные дельцы дел и не вели. Поэтому неудивительно, что в постоянных клиентах у них ходили контрабандисты и прочий лихой люд. Впрочем, тайным службам короля они тоже не отказывали — в обмен те закрывали глаза на их делишки. Формально, Ориум являлся частью Адахара, на деле — жил своей, потаённой жизнью, и бургомистр благоразумно предпочитал не вмешиваться. Внешне — всё спокойно, прибыль не переводится — и ладно!

Питер вид имел озабоченный. Что-то складывалось не так... Обычно, приближающиеся к берегу корабли замечали ещё издали, и тут же начиналась своеобразная лоцманская гонка — кто первым попадёт на борт гостя, тот и ведёт его в порт. Предосторожность лишней не была — дно здесь изобиловало острыми скалами, и неосторожный капитан мог в любой момент, вместо получения прибыли, стать жертвой прибрежных мародёров. Разумеется, Питер все рифы знал, как свою ладонь, а ещё лучше их знал Рыжий Ауш, первый помощник. Но, по кораблю без лоцманского вымпела, запросто могли заговорить пушки — орудийными гнёздами окрестные скалы были богаты не меньше, чем гнёздами чаек. Поэтому, «Прекрасная Альсина», вышедшая на рейд Ориума ещё на рассвете, продолжала ждать.

— Капитан, мне это не нравится, — пробурчал Рыжий Гу по прозвищу Малютка, боцман «Альсины». Малютке Гу всегда что-то не нравилось, но в трёх случаях из пяти к этому стоило прислушаться. Питер даже начал вспоминать — чем был недоволен боцман последнее время, и с какими результатами? А тут ещё снизу, с палубы донеслось:

— Доброе утро, господа! Ну-с, каковы наши трудности?

Вот теперь Питер встревожился не на шутку. Голос принадлежал мастеру Паипа.

Мастер Паипа был судебным стряпчим. Трудно себе представить фигуру, менее подходящую для команды. Но его привёл Хозяин, а по указанию Кошчи Питер вписал бы в судовую роль даже блоху или слона. А этот маленький человечек с тихим голосом на удивление легко сошёлся со всем экипажем, стойчески переносил качку, а в торговых делах, которыми Питер занялся для разнообразия, оказался и вовсе неocenим. Торговля совсем не мешала Хозяину, уже месяц находящемуся на борту — «Прекрасная Альсина», как по волшебству, всегда держала путь в те места, куда ему было нужно.

Мастер Паипа быстро заслужил безграничное доверие капитана. Однажды «Альсину» остановил для досмотра военный корвет. Помощник капитана заподозрил в Питере известного пиратского адмирала Одноглазого Питера, по которому давно плакала виселица. По настоянию стряпчего капитан спокойно позволил себя арестовать и препроводить в ближайший порт. По блеску в глазах мастера, по тому, как хищно потирал он ладони, Питер понял, что всех ждёт немалое развлечение. Так и получилось! Паипа в пух и прах разбил обвинение, вынудил помощника капитана корвета принести прилюдные извинения, и даже

выжал огромный штраф в пользу обвиняемого и добился увольнения офицера с военной службы. Мастер Паипа был гением в судебных делах и имел дьявольское чутьё на неприятности.

Его заинтересованность проигнорировать никак нельзя. Питер поморщился, как от зубной боли: Хозяин обожал смотреть, как другие выпутываются из неприятностей.

— Корабль! Портовая шхуна! — донёсся сверху крик вперёдсмотрящего.

— Боцман! — негромко произнёс Питер, — Команде — готовность.

Малютка Гу со скоростью, поразительной для его габаритов, исчез с мостика. Он великолепно разбирался, когда надо свистать всех наверх, а когда поднимать по цепочке, шёпотом.

Шхуна поравнялась с «Прекрасной Альсиной». Питер нахмурился. Компанию, стоящую у самого борта портового судёнышка, можно было представить себе только в самой бредовой фантазии. Наемный насадский маг, горный колдун и айварский шаман. И они уже творили какое-то чародейство — над палубой распространялось сияние, слышались гортанные песнопения и глухие удары бубна.

Вперёд выступил офицер. С немалым удивлением Питер узнал в нём давешнего помощника капитана с корвета. Только теперь мундир на нём был не морской, а сухопутный, со знаками тайной королевской стражи.

— Именем Его Величества, — начал он визгливым голосом, — Я имею полномочия задержать самозванца, дерзающего именовать себя Хозяином, для справедливого суда и должного наказания! В случае сопротивления имею право применения магической силы против любого бунтовщика!

Воцарилась полная тишина. Раздались тихие шаги и на палубе «Альсины» появился Хозяин.

— Что за шум, а драки нет? — добродушно поинтересовался он. — А! К нам гости! Да какие высокие и уважаемые... Ну что ж, позвольте представиться: просто Хозяин.

— Мятежник! — взвыл офицер и, обращаясь к волшебникам, скомандовал, — Убейте его!

Гортанное пение колдуна приобрело угрожающие нотки, многоголосье разлилось по воздуху. Матросы схватились за уши, корчась в муках. Питер, катаясь от боли по палубе, сквозь призму страдания слышал, как кричат его люди.

Кошчи зевнул и хлопнул в ладоши. Колдун продолжал с чувством выводить свои трели... за тем исключением, что звуков из его гортани больше не выходило. Но сам человек даже не заметил этого, увлекшись процессом, пока офицер не треснул его по голове резными ножами. Поняв, что не может произнести не звука, горный колдун запаниковал, начал рвать на себе жиденькие волосики. Айварский шаман, заступаясь за соседа, ударил в бубен, отплясывая что-то весьма сердитое. Кошчи, посмеиваясь, пошевелил пальцем в воздухе, прищурив глаз, словно прикидывая сколько в шамане роста. И тут, разодетый в разноцветные лохмотья человек начал стремительно уменьшаться, пока не пропал совсем.

Офицер сильно побледнел и схватил за руку насадского мага.

— Убейте его!

Волшебник в черной полумаске надменно скривил губы и сухо ответил:

— Я подряжался пленить чужака. Все оговорено и оплачено. Планов я не меняю. Не устраивает — прощайте. Но задаток я оставляю себе.

— Да действуйте же, — в панике заорал офицер, со страхом оглядываясь на Кошчи.

Хозяин тепло улыбнулся, словно друзей увидел и развел руки. Мол, вот он я — берите.

Маг не шелохнулся, но от него ощутимо повеяло угрозой и холодящей сердце силой. Питер присвистнул: это не простой маг! Во всяком случае, до сих пор он только слышал о таких. И то шепотом и по пьяни.

Хозяина словно потащило к шхуне. Кошчи с усилием схватился за воздух, но что-то невидимое капитану, но удерживающее Хозяина, порвалось с надрывным свистом, и тело его снова поплыло в сторону насадского колдуна.

Капитан поспешно скатился по трапу и попытался задержать Кошчи, но не смог даже прикоснуться к нему.

На лице Хозяина Питер прочел безмерное удивление и любопытство.

— Отойди, человек, — спокойно произнес насадский маг. — Договор гласит, что я должен помочь задержать только этого господина. Остальные там не упомянуты, можете быть свободны. Помешать мне никто не в силах, не усложняйте себе жизнь.

Малютка Гу всё-таки попытался. По его команде дюжина самых крепких матросов встала живой стеной вдоль борта. Однако Хозяин, влекомый магической силой, без труда разорвал их цепь и перенёсся на борт шхуны. Там уже ждала клетка, сплетённая из самой крепкой в мире морской лозы. На дверцу маг навесил кованый замок, клетка мгновенно осветилась сероватым свечением. Шхуна, не медля ни секунды, отвалила. Офицер издевательски бросил на прощанье:

— И не ждите лоцмана, капитан! Вашему корыту вход в Ориум отныне заказан!

Питер проводил их взглядом, полным лютой злобы. Его так и подмывало дать отмашку комендорам, тем более что орудийная прислуга давно стояла по местам. Однако капитан понимал, что этим он может только навредить Хозяину, что делало его злобу бессильной.

Со стороны моря послышался деликатный кашель. Все обернулись. Под бортом «Прекрасной Альсины» покачивалась на волнах утлая лодчонка. Кашлял маленький мужичок, устроившийся на корме, а его напарник, кряжистый чернобородый карлик, молча сидел на вёслах. Увидев, что замечен, мужичок приподнял шапку и изобразил поклон:

— Что мне нравится в тайной службе Его Величества, — сообщил он, — Так это уверенность! Как будто, если уважаемым господам нужно в Ахадар — ведь нужно, да? — так кроме, как через Ориум и пути нет!

Питер переглянулся с Аушем. Через мгновение с борта свешивался штормтрап, а кто-то из матросов привязывал брошенную карликом верёвку. Оказавшись на палубе, мужичок сбросил ёрнический тон и, просто и конкретно сообщил, что есть бухта, откуда тайным ходом можно попасть в Адахар на час раньше тех, кто пользуется Подземным Трактом. Плата за услугу была высока, но Питера это уже не беспокоило.

Гу засвистел, команда разбежалась по местам и «Альсина» двинулась прочь. Мужичок встал рядом с рулевым, карлик развалился на палубе и задремал. Питер кивнул первому помощнику и вместе с ним прошёл в свою каюту. Тот плотно прикрыл за собой дверь и повернулся к капитану.

— Ауш, принимайте командование. Я иду в Адахар и когда вернусь — не знаю.

Аушу не нужно было повторять то, что и так понятно. Из него получился бы отличный капитан, если бы он не являлся гораздо лучшим первым помощником. Цены ему, в любом случае, не было.

— Вестовой! — громко крикнул он. В приоткрывшуюся дверь просунулся нос молоденького матросика.

— Монти и Арбучо сюда, живо!

Дверь захлопнулась. Ауш пояснил, обращаясь к Питеру:

— Принимая командование, я считаю необходимым обеспечить вашу безопасность. С вами пойдут эти два матроса. Монти имеет склонность и талант к лицедейству, в компании с ним не составит труда обвести вокруг пальца не только тайную стражу. Предки Арбучо — выходцы с Восточного архипелага, он самый лучший боец в экипаже, с голыми руками может противостоять отряду королевской гвардии. И не возражайте, капитан, будет именно так!

Питер молча пожал руку помощнику. В дверь постучали. На пороге стояла пара матросов. Капитан догадался, что худой и бледный — это Монти, а толстый и смуглый — Арбучо.

— Монти, — голос Ауша был сух и бесстрастен, словно матросы получали не боевой приказ, а наряд на камбуз, — через пятнадцать минут тебя с Арбучо не должен узнать даже боцман Гу. Через полчаса — я не должен узнавать капитана. Затем вы идёте с капитаном, куда он скажет и делаете, что он скажет. Будет смертельно опасно, но с головы капитана не должен упасть и волос. Всё понятно?

Монти кивнул.

— Арбучо?

Арбучо кивнул.

— Приступайте.

Матросы исчезли.

София проснулась рано утром. Вспомнила события, что привели её к беспокойному сну на лавке у окна, и сразу побежала осматривать дом. Вдова не вернулась. И тут, при свете щекочущего утреннего солнышка, девушка заметила некоторые странности.

Первая состояла в том, что черная накидка, с которой вдова не расставалась никогда после смерти своего мужа, лежит на её любимом кресле. И вязание вместо того, чтобы быть аккуратно сложенным, валялось на полу рядом. София знала, что тетушка никогда не позволит себе такую неаккуратность, даже если бы она очень торопилась. Так было и в тот злосчастный день, когда бедной старушке сообщили о гибели супруга. Сначала она бережно собрала рукоделие и только потом упала в обморок.

Вторая, теперь София ясно вспомнила, что дверь при её возвращении домой была не заперта. Вдова всегда запирала дверь, даже если просто выходила во двор поболтать с соседкой. И у Софии всегда находился с собой ключ, иначе не было бы возможности выйти из дома в таких случаях. Вдова доверяла исключительно только «своей доброй девочке».

София накинула плащ и бросилась к двери. У девушки мелькнула одна мысль, она была последней ниточкой, отделяющей здравый смысл от паники.

В нескольких домах от них жил кузен тетушки — старый капитан в отставке, мистер Крод.

Девушки бежала, не разбирая дороги. Подол старенького плаща быстро намок от росы и бил по босым ногам Софии. Девушка даже не заметила, что забыла надеть туфли. Дом писаря, булочника... мужчина в белом фартуке проводил Софию удивленным взглядом, длинный сад капитана, распахнутая настежь дверь. Сердце девушки сжалось в недобром предчувствии.

Она резко остановилась, ухватившись за деревянный столб крыльца, и попыталась

восстановить дыхание. Сердце, казалось, сейчас взорвется от быстрого бега и сжавшего его тисками страха. Проглотив комок, застрявший в горле, София медленно ступила на порог.

Она увидела его сразу, хотя в прихожей царил полумрак. Пожилой мужчина лежал в двух шагах от порога. Глаза его были широко раскрыты, рот застыл в гримасе жуткой боли.

Мертвая тишина в доме, лишь пара мух назойливо жужжа и ненадолго затихая, летает вокруг неподвижного тела.

Девушка сделала шаг, пытаясь рассмотреть темное пятно на груди старого капитана, и одновременно страшась этого. Поняв, что это не кровь, София с облегчением почувствовала, как отступает тошнота. Но облегчение было мимолетным: на чистой, без признаков ран, груди мужчины не было ни единого волоска, а одежда почернела и сморщилась, как обгорелая бумага, обнажая участки иссиня белой кожи.

Такая смерть могла быть вызвана лишь только магией. Страшной, непонятной магией, о которой София слышала только страшные сказки. Но зачем великим магам Насада убивать старого капитана?

— Стой, где стоишь! — грозный окрик заставил девушку подпрыгнуть на месте от испуга. В горле застрял крик, страх сдавил члены.

В дверь, держа руку на рукояти сабли, ввалился громила-стражник. Он видел, как бежала эта странная, грязная и босая девушка и решил, что не помешает выяснить, куда торопится оборванка. И оказался прав, только дело это оказалось посерьезнее банальной кражи.

— Ты арестована! — рыкнул он девчонке, увидев на полу мертвого мужчину и узнав любимого всеми старого капитана. Он с глубокой неприязнью глянул на мокрую растрепанную девушку, узнать в которой Софию сейчас не удалось бы и вдове Клваш. — Следуй за мной.

София, не пытаясь сопротивляться, последовала за стражником, не в силах понять, что произошло в её жизни. Почему судьба лишает её последних близких и что её делать дальше.

Путь их проходил мимо обветшалого дома пропавшей вдовы. София пыталась отделаться от странного чувства, вызванного холодно-брезгливым выражением лица, которым одарил её давешний булочник, как вдруг увидела дым.

— Что такое? — пораженно выдохнул стражник. Сердечко Софии сжалось в комочек: это горел её дом. Последнее пристанище, место, куда она могла бы вернуться, место, где её ждали. Раньше ждали. Теперь все: тетушка исчезла, дома нет. Жадное голодное пламя пожирало сухое дерево с чудовищной быстротой. Вдруг позади раздались крики паники. София оглянулась и увидела такой же огненный столб в районе дома бравого капитана. У девушки не возникло сомнений, чей дом тоже загорелся. Она села на мостовую и заплакала, разводя по лицу грязь от падающей сверху сажки маленькими кулачками.

— Пожар! — громогласно заорал внезапно очнувшийся стражник, и метнулся в сторону, забыв о маленькой преступнице и обо всем на свете. Обо всем, кроме страшного пожара перед глазами. И не мудрено: судя по свирепому огню, да усиливающемуся ветру, старой части города, дома на которой построены сплошь из дерева, грозило окончить дни своего существования за считанные часы.

София рыдала, не замечая множества людей, в панике выбегающих из домов. Крики, плач, паника... Появилась стража. Бледные мужчины старались навести хоть какой-то порядок. Строили цепочки от колодцев, таскали ведра...

И тут сквозь крики и треск пожара, до Софии донеслось ржание. Уголек! Её жеребец в

панике, он зовет её на помощь! Как она могла забыть про своего друга! Девушка метнулась, крича и расталкивая народ. Кто-то схватил её за руку:

— Стой!

— Пусти... Уголек! — Закричала девушка, вырываясь. Затрещала ткань, рукав остался в чьих-то руках. София подалась вперед, но её крепко держали уже за талию.

— Стой, глупая, сейчас все рухнет!

Страшный треск подтвердил слова незнакомца, поглощая все вокруг. Огонь злобным шипением реагировал на воду, которую по цепочке передавали в ведрах. Это была капля в море, но люди боролись, стараясь отвоевать у разбушевавшейся стихии хоть что-то от своей жизни.

София почувствовала, что её уже не удерживают. Она медленно развернулась и пошла прочь. Зола летела в лицо, прилипая к мокрым ручейкам на лице. Куда идти, что ей осталось? Только прочь, просто прочь отсюда, от смерти, от страха, от обыденности. От привычной устоявшейся жизни. В неизвестность, в пустоту. Но теперь все равно...

Клетку внесли в камеру и установили в дальнем углу. В дверцу она не проходила, поэтому пришлось разнести проём и потом его срочно восстанавливать. Пара молчаливых каменщиков принялась за дело.

Маг больше не появлялся. Кошчи вспомнил, что вообще не видел его с того момента, как его сгрузили с корабля. Видимо, тот посчитал свою задачу выполненной и удалился. А может, просто ждёт указаний от короля. В том, что за всеми этими делами торчат уши Его Величества, Хозяин не сомневался ни минуты. У него много дел, но иногда ведь можно позволить себе и повеселиться.

Кошчи усмехнулся и размял пальцы. Не то, чтобы для магии требовались пальцы, но ему нравился этот маленький ритуал.

Клетку он покинул, не нарушая целостности замка, лозы и печати. Уже снаружи Кошчи придирчиво осмотрел лозу и одним движением пальцев сменил узел на более изящный, с бантиком. Затем его внимание привлекла новая каменная кладка. Хозяин потратил несколько мгновений на то, чтобы и камни легли ровнее, и сырой известковый раствор приобрёл гранитную твёрдость.

Дверь тоже не избежала воздействия Силы. Сперва Кошчи не понравилось, что она старая. В ноздри ударил запах хорошо просушенной древесины. Кошчи поморщился — дуб его не устраивал. Затем он долго экспериментировал, легким касанием указательного пальца меняя вид дерева и расположение узоров. После просмотра нескольких вариантов был выбран белый бук. Хозяин отступил на пару шагов и с удовольствием полюбовался результатом. Изящная резьба смотрелась неплохо, но тут уже не стоило злоупотреблять, и Кошчи с вздохом сожаления убрал её взмахом руки.

Ещё несколько мгновений ушло на то, чтобы избавиться от промозглой сырости. Похоже, что камера располагалась на значительной глубине, дневное тепло сюда просто не проникало, а возможно, что и подземные воды располагались весьма близко. Поистине, коварство строителя темницы не знало границ — даже обладая богатырской силой, обычный узник не протянет здесь и пары недель, не распрощавшись со здоровьем. А в случае чего, наверняка есть потайной механизм, за считанные минуты превращающий камеру, а то и целый коридор в подземно-подводное кладбище.

Кошчи покачал головой и в следующий момент по камере распространился аромат

свежих луговых цветов.

Где-то наверху лязгнуло железо. Видимо, открылось потайное окошко. Кошчи, при желании, мог разглядеть его, как и того, кто заглянул в его новое обиталище, но напрягаться не хотелось. Да и роль пленника казалась ему забавной, навевала воспоминания былых столетий. Поэтому, на всякий случай, он вернулся в клетку, уселся поудобнее, насколько позволяли размеры и притворился бессильным.

— Слышишь ли ты меня, пленник?

Голос, безусловно, знакомый. Наверняка пропущен через хитрую систему труб и рупоров, чтобы у говорящего осталась иллюзия, будто он не будет признан. Что ж, бывшего морского, ныне сухопутного, тайного королевского стражника можно пока подержать в этом заблуждении.

— Слышу, глас неведомый! — весело откликнулся Хозяин.

— Ты веселишься? Я бы на твоём месте горевал и молил о снисхождении...

— Так в чём же дело? Иди сюда, занимай место, горюй и моли! Я с удовольствием поменяюсь с тобой и посмотрю, справишься ли ты с таким нелёгким занятием.

Наверху раздались невнятные звуки. Кошчи подумал и решил, что изначально это были скрежетание зубов, злобное шипение через нос и нечленораздельная ругань. Было интересно разгадывать, словно оригинальный ребус, какой звук что собой представлял в начале.

Офицер ругался долго, он никак не был готов к тому, что пленник будет зубоскалить. На его памяти не было заключённых, попавших в тайную королевскую тюрьму и уже через пару часов не потерявших уверенность в себе. Офицер был старым служакой, он не доверял мастерству наёмных магов. Все эти смешные пассы... Мрачные стены и сырые камеры куда как надёжнее.

— Напрасно веселишься, пленник, — тайный стражник наконец совладал со своим гневом и продолжил, — Советую тебе умерить свою прыть и поинтересоваться своей дальнейшей судьбой. А так же пожелать, чтобы оставшаяся жизнь была не столь мучительной, а смерть — скорой и безболезненной.

— Глас поднебесный, ты меня удивил, — после паузы произнёс Кошчи, — Пожалуй, я тебя выслушаю. Так что там о моей судьбе?

— Ага, ты уже боишься!.. — возликовал невидимый собеседник.

"Что за наивность, Создатели!" — покачал головой Хозяин.

— Так слушай! Нам известно, что ты самонадеянно именовал себя Хозяином, забыв о том, что единственный хозяин над нами — Его Величество Король. И чтобы доказать это тебе, самозванцу, Его Величество нашёл способ пленить тебя и сковать твою силу.

"Вот уж точно, природа на детях отдыхает. Прежние короли были поумнее", — с некоторой тоской подумал Кошчи, а вслух произнёс:

— И что же я должен королю?

— Немного, — хихикнули сверху. — Отдать Его Величеству свои возможности и заставить мир забыть о своём существовании.

Если бы Хозяин в этот момент ел или пил — непременно бы подавился.

— Так что скажешь? — не выдержал паузы тайный.

— Мне нужно подумать, — медленно ответил Кошчи, — все такое вкусное... прямо, не знаю, с чего начать...

— Думай, — милостиво разрешил донельзя довольный голос. — И не пытайся сбежать, в этой темнице случайно забыли не одного узника, так что вечность в твоём распоряжении.

Кошчи усмехнулся: в чем, в чем, а в этом стражник совершенно прав, вот только правду каждый понимает по-своему. Шум, лязг и скрежетание прекратилось, из чего пленник сделал вывод, что сложное устройство больше не используется. Ему действительно было о чем подумать. Пленник лег на спину и положил руки за голову.

VI

София медленно брела узкой извилистой улочкой, где-то на приморской окраине города. Впервые девушка столкнулась с тем, что совершенно не представляла — как ей поступать дальше. Первый раз никого не было рядом, чтобы поддержать, посоветовать, просто пожалеть... Наверное, подсознательно она надеялась на помощь Хозяина, но того не было в замке. Во время их последней встречи Хозяин обмолвился, что некоторое время будет отсутствовать, какие-то дела на море. Возможно, именно поэтому София и пришла на берег, в то место, где несколько недель назад их подобрала шлюпка с весёлыми рыжими гребцами. Ах, какая тогда получилась замечательная морская прогулка!

Девушка вышла на песчаный берег и остановилась в растерянности... Разумеется, здесь её никто не ждал сегодня. Угрюмые серые волны накатывались на песок, по небу бежали низкие свинцовые тучи, даже рыбаков не было в море.

Конечно, София совершила непростительную ошибку. Ей бы пойти в порт, поговорить с моряками — глядишь, кто-нибудь и вспомнил бы, что видел где-то "Прекрасную Альсину", может, даже посоветовал бы, какой из кораблей направляется в те края... Но так уж случилось, что, прожив всю жизнь в приморском городе, девушка ни разу не была в порту.

А здесь было пусто. Только около мыса, защищающего порт, болталась на якоре какая-то посудина. Эта безрадостная картина оказалась последней каплей. Силы внезапно оставили Софию, она опустилась на песок и горько разрыдалась.

Слёзы душили девушку, застилали ей глаза, поэтому, появившегося из-за холма незнакомца она просто не увидела. Если бы такой человек встретился ей, к примеру, в городе, София обязательно постаралась избавиться от его сомнительного общества, и уж ни в коем случае не стала бы с ним разговаривать. Но сейчас с ней не было никого, кроме охватившего её горя, а слёзы — плохой советчик.

— Так-так-так! — незнакомец уже стоял рядом и всем своим видом выражал участие и сопереживание.

Хотя, говоря по совести, именно вид его и внушал некоторое опасение. Немного доверия заслуживает человек, одетый, в равной степени, богато и неряшливо. Если бы у Софии были силы, она непременно заметила бы, что костюм на незнакомце сидит довольно нелепо, словно не на него шит. Но девушке было не до того, ей оказалось достаточно, что хоть кто-то заинтересовался её бедами. А незнакомец, не теряя времени, продолжал:

— Что же заставляет плакать столь милую девушку? Может, добрый дядюшка Ришли сможет помочь высушить эти горькие слёзы?

И Софию словно прорвало. За считанные минуты она выложила незнакомцу все свои беды. Девушка совершенно не отдавала себе отчёт — кому и зачем она это рассказывала, просто рядом оказался кто-то, готовый выслушать. И Ришли изо всех сил старался не уронить себя в глазах девушки, старательно входя в роль внимательного слушателя. Он кивал головой, поддакивал, охал, словом — всячески сопереживал девушке. Когда же бурный поток слов, густо перемешанный со слезами, начал иссякать, незнакомец торжественно проговорил:

— Я же сказал, что не случайно оказался здесь! Видимо, таково моё предназначение —

выручать из беды милых девушек. Слушай, дитя моё, добрый дядюшка Ришли поможет тебе найти корабль твоего приятеля!

София не поверила своим ушам! Неужели ей повезло?..

— Простите, мастер Ришли, как же вы сможете мне помочь? Если только вы капитан какого-нибудь корабля и согласитесь взять меня на борт...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ришли подбоченился и горделиво произнёс:

— Я — капитан? Ну что ты, милая, я не капитан, я владелец судна! Того самого, что ждёт тебя во-он там, около мыса. Видишь — за нами уже выслана лодка!

Девушка вскочила и пригляделась. Действительно, какая-то углая лодчонка нехотя переваливалась с волны на волну, направляясь в их сторону.

Пользуясь тем, что внимание девушки полностью переключилось на море, Ришли вытащил из-под плаща обтянутую потрёпанной кожей флягу и произнёс озабоченным тоном:

— Только, боюсь, укачает тебя, волны нынче недобрые... Выпей-ка вот это, тебе будет легче переносить качку...

Девушка автоматически отхлебнула, не отрывая взгляда от приближающейся лодки, Ришли удовлетворённо крякнул и продолжил бормотать:

— Старый Ришли купил это снадобье у одной травницы. Немалых денег стоило... Она варит его для богатых господ, пожелавших совершить морское плавание... Один глоток — и никакой морской болезни! Вот и тебе, рыбка моя, оно, похоже, уже помогло...

Последние слова он произнёс, глядя, как София с остекленевшим взглядом мягко валится на песок. Ришли согнал с лица выражение сочувствия, гадко хихикнул и жадно потёр узкие ладошки.

Через несколько минут лодчонка, которую так ждала девушка, ткнулась в песок. Сидевший на корме высокий худой человек в чёрном одеянии встал и шагнул прямо в воду. Он еле заметно кивнул старику, при этом его лицо кривилось в презрительной гримасе. — Добро пожаловать, старина Хенси! — радостно засуетился Ришли, — Принимай товар! Девочка — первый сорт, не иначе — горожанка! Не какая-нибудь рыбацкая потаскушка!

Хенси, не обращая больше на него внимания, подошёл к девушке, носком сапога грубо перевернул её на спину, безо всякого смущения схватил её за грудь, бесстыже задрал подол. Потом вытер руку о штаны и только после этого удостоил старика взглядом.

— Двести монет... — отрывисто бросил он.

— Двести?! — казалось, старого Ришли сейчас хватит удар, — Хенси, да ты спятил! Да в Адахаре за неё будут давать не меньше пятидесяти за ночь! А когда поистаскается или родит — она в любом кабаке Ориума верную десятку отхватывать будет! Нет уж, так дело не пойдёт! Пятьсот, и то не уверен, что соглашусь!

— Ришли, ты знал Хромого Пругця? — подал голос матрос, сидевший за вёслами. Он не покидал лодки, но участие в сделке, видимо, принимал.

— Я всех знаю... — буркнул старик, покосившись на него.

Тот помотал головой:

— Нет, торгаш, Пругця ты именно знал... Он тоже был жадный, ломил несусветные цены за своих девок... На прошлой неделе береговая стража нашла его под рыбным причалом. И чего это его туда понесло?..

Ришли был жадным, но не глупым. Кроме того, стареющий торговец живым товаром

был изрядно труслив. Разделить участь коллеги по цеху никак не входило в его планы.

— Хенси, пойми меня! — тон его, как по волшебству, сменился, стал старческим и жалобным, — Жизнь дорожает, пожилому человеку так трудно получить кусок хлеба... Ну, хотя бы четыреста!

— Триста, — Хенси одарил его презрительным взглядом, — И не забывай, что ты не единственный торгаш по живому товару.

Униженно кланяясь, Ришли подобрал брошенный на песок кошель с монетами и, еще раз торопливо поклонившись, заковылял прочь. После исчезновения Одноглазого Питера Хенси считался самым жестоким пиратом на побережье...

А пират уже забыл о существовании торговца. Он кивнул матросу, тот втащил девушку в шлюпку, небрежно опустил на дно и оттолкнулся от берега.

Королевский советник лихорадочно пританцовывал в огромном холле дворца. Сегодня, после торжественного обеда, король соизволил выбрать очередную фаворитку и укрылся с ней в опочивальне, строго-настрого приказав страже никого не впускать. Даже если вдруг небо упадет на землю.

Вот повеса, думал Всериил, и это при такой жене-красавице. Королева была молода и невероятно хороша собой, но король обходил стороной её спальню... Говорят, что у него получается только при особых обстоятельствах, а королева, как женщина гордая, отказалась выполнять унижительную роль. Поэтому, законных наследников государству видимо, не дожидаться. Советник мечтательно расплылся в улыбке: уж он бы не отказался осчастливить такую красотку. Жаль только, что королева еще и чересчур верная, даже если брак лишь фикция.

А интересно было окунуться в эти самые обстоятельства, о которых ходят слухи. Король очень осторожен, не допускает никого до его спальни, кроме своей кормилицы-сводни. Жаль, какой хороший был бы план воздействия на правителя. Но девушек заставляли молчать: кого золотом, кого — речной водой... Даже Всериил не смог добыть фактов, а уж он старался как никто другой!

Советник рад был бы сейчас оказаться где угодно, лишь бы не здесь. А все из-за этой девчонки, что осталась жива. Совершенно ненормальная! Прикончила опекуницу и её кузена, спалила полгорода и бежала с пиратами! Теперь понятно, почему Хозяин её в живых оставил — всем известно, что он психов не трогает...

Кстати, может, это ключик к теневому королю мира? Эх, жаль узнать про его семью и детство не предоставляется возможным: Всериил еще сопливым мальчишкой слышал страшные легенды о Кошчи, а увидел перед собой однажды мужчину на вид моложе себя. При этой мысли у советника пробежал холодок по шее: он не любил вспоминать о смерти, и самых разных её разновидностях, в том числе и о бессмертии.

Советник встрепенулся: из-за ширмы, насвистывая чего-то резкое, выкатился король с самым блаженным выражением на лице. Всериил гаденько ухмыльнулся: видимо, в кои-то веки, получилось. За тяжелой тканью советник успел разглядеть сморщенную старуху, похожую на ведьму с мокрой тряпкой в руках: она тщательно закрыла дверь в опочивальню его величества. Оттуда не раздавалось ни звука.

— О! Мой лучший советник, — весело пропел скрипучим голосом король. — Он один такой: лысый и хромым, лучший советник мой!

— Ваше величество в чудесном расположении духа, — скривил физиономию Всериил,

низко кланяясь королю.

— Чего пришел? — добродушно спросил король, в перевалку приближаясь к стене, где висел его огромный портрет, и любовно протер золоченую раму рукавом богато расшитого кафтана.

— Вести о девушке... — начал было советник.

— Вести? — король резко обернулся, сощурился и так заплывшие глазки. — А где она сама?

Всериил рассказал королю о пожарище, бушевавшем в Арлейне, о трупе старого капитана, о пиратском корабле...

— Пираты? — удивился король. — Откуда такая информация?

— Мы поймали старого пройдоху, что имеет дело с этими негодьями. Кстати, это корабль Хенси. Так вот, этот старик — Ришли, кажется... он клялся и божился, что девчонка бежала к ним, чтобы они отвезли её к хозяину... Я думаю, что она бежала к нему.

— Ага, — глазки короля азартно сверкнули, — значит изменник — пират! Я всегда это подозревал! Значит, мы можем объявить на него охоту, заявив награду, как за пирата!..

— С вашего позволения, ваше величество, — заискивающе перебил король Всериил. — Я уже отдал приказ о пленении лжехозяина и предварении того во дворец для справедливого суда. Для этого были наняты несколько магов самого высокого уровня... и насадский маг сумел поработить преступника. Лучшие воины и этот маг доставят во дворец пленника.

Король замер, выслушивая своего первого советника. Маленькие глазки буквально впились в подобострастное лицо Всериила, многочисленные складочки на шее чуть подрагивали. Он немного помолчал и осторожно уточнил:

— То есть ты хочешь сказать, что насадский маг одержал победу над Хозяином?!

Советник побледнел: о чем он думал? И это сейчас, когда с каждым днем возрастает угроза со стороны Насада...

— Пленника сразу ко мне, мага убить, — со злостью прошипел король, срывая с груди Всериила золотой прямоугольник, украшенный рубинами: знак первого советника.

Его величество развернулся и, плюясь и бубня проклятия, засеменял обратно в свои покои.

Бывший первый советник в бессилии сполз по стене вниз, не замечая, что дорогая ткань кафтана цепляется за многочисленные острые завитки картинной рамы и рвется.

Сознание возвращалось к девушке медленно, отдаваясь дикой болью в затылке. София долго не могла понять, почему вокруг темно, почему она не может двигаться и где она находится... Потом в памяти всплыло лицо Ришли, их последний диалог.

"Я на корабле!" — поняла девушка. Качка и деревянный скрип подтвердили её мысли. Вместе с первой догадкой вернулись и ощущения — ощущение ужасной вони, боль в запястьях, туго стянутых верёвкой, и гадостный привкус во рту. Не так она представляла себе морское путешествие, совсем не так...

За спиной послышался шум, похожий на звук отпираемой двери. В помещение проник тусклый колышущийся свет. Его оказалось достаточно, чтобы увидеть часть дощатой стены и грязный пол. Насладиться этим зрелищем вошедший не дал, грубо пихнув девушку в бок он заставил перекатиться её на спину. Щурясь от неяркого света фонаря, София разглядела незнакомого мужчину — высокого и худого. Тот презрительно разглядывал девушку, потом повернулся, намереваясь выйти.

— Подождите! — в отчаянии воскликнула она, — Что происходит? Где я?

— Не ори! — досадливо поморщился мужчина, — Ты у меня на корабле, я купил тебя у Риши.

— Как — купил? — опешила София.

— Очень просто, — усмехнулся собеседник, — Такие аппетитные девки в большой цене в Адахаре.

— Я... я кричать буду... — беспомощно пролепетала девушка, покрывшись холодным потом.

— Кричи, — разрешил пират и усмехнулся, — Только тогда я продам сутенёрам подпорченный товар, тебе придётся улажить всех моих молодцов. Вот и догадывайся — как себя надо вести.

Перед глазами Софии поплыли разноцветные пятна, шум в ушах заглушил все звуки. Когда девушка снова пришла в себя — вокруг было темно и не было слышно ничего, кроме отдаленных коротких приказов и топота ног.

Девушка молилась, чтобы о ней забыли: лучше смерть от голода, чем... Софию затошнило от одного только предположения.

Нечто защекотало руку. София завизжала и отпрыгнула в сторону: крыса! Она ненавидела крыс, особенно после душевного рассказа бравого кузена вдовы Кволш, как крысы пожирали еще живых раненых на корабле с обрубленной мачтой в открытом море. Еды и питья тогда совсем не осталось, и капитан выжил только благодаря тому, что бросился в море и плыл наугад на обломке мачты. Ему повезло: рыбаки вытащили его полумертвое тело и спасли от смерти.

Только потом девушка вспомнила слова страшного человека в черном, и испугавшись, замолчала. Почти сразу раздалась тяжелые шаги:

— Кто тут захотел большой любви? — громко спросил грубый голос. Еще двое, видимо последовавшие за первым, захохотали. — Наверное, новенькая...

София замерла: раздался звук отпираемой двери. Девушка упала на пол, притворившись, будто без сознания. Вошедшие тяжело дышали.

— Живая, хоть? — спросил один и грубо пихнул девушку ногой под бок.

София стиснула зубы от боли и не издала не звука.

Вошедшие еще немного подождали, а потом, разочарованно переговариваясь, вышли наружу:

— Слабачка, сразу видно — из благородных, хоть и одета в рванье...

— Ничего, — голос второго зазвучал язвительно. — У капитана полно тряпья, будет как конфетка! Получим славную цену в Адахаре.

Девушка тихонько заплакала. Что с ней будет?

VI

Питер сидел в таверне. Кружка с пивом сиротливо возвышалась перед ним. Пена давно опала, за все время капитан к нему так и не притронулся. Впрочем, назвать его сейчас капитаном не рискнул бы даже самый навязчивый попрошайка. За столом коротал время немолодой учёный человек, похоже — из столичного университета. Их немало разъезжало по королевству в поисках различной премудрости. Над ними посмеивались, но, в общем, не обижали. И, думается, не столько в знак уважения, сколько из-за простой предосторожности — эти люди редко пускались в путь без верного ученика и надёжного телохранителя. Посетитель таверны был худощав, совершенно сед и, похоже, подслеповат. Во всяком случае

— руки трактирного воришки, из-под стола потянувшейся к его сумке, он, казалось, не видел. Так же думал и сам воришка, грязный тощий потрепанный человек. Когда до сумки оставалось всего ничего, оборвыш вдруг почувствовал, как неведомая сила вдруг навалилась на его загривок и непреодолимо гнетёт к земле.

— Ай-ай-ай, — добродушно пророкотал незнакомый бас, — Такой болшой, и не знать — где свой сумка, где чужой... Ты туда иди свой сумка искать!

Воришка хотел вывернуться привычным финтом и убежать. Но рука незнакомо бритоголового толстяка оказалась крепче железа. Как котёнка поднял тот неудачного похитителя, развернул к двери и дал пинка. Десять шагов до двери вор пролетел, не касаясь земли. Крепкие дубовые доски выдержали столкновение с его лбом, но ничуть не сказались на скорости полёта. Дверь распахнулась, и встреча воришки с землёй произошла только в придорожной канаве, на другой стороне улицы.

Оборвыш быстро вскочил и похромал прочь, решив никогда больше не связываться с учёными людьми.

— Спасибо, Арбучо, — Питер даже не сменил позу, — Но ты напрасно беспокоился, я его прекрасно видел.

Арбучо сел напротив капитана. Правильно истолковав взгляд помощника, "учёный человек" поднял руку. Владелец таверны, уже час тяготившийся присутствием гостя, не заказавшего почти ничего, мигом принёс для Арбучо обед. Странные это были посетители, но лучше поторопиться с обслуживанием, ибо не стоило им знать, что давешний воришка состоит в доле с хозяином. Толстяк самолично расставил тарелки и поклонился гостям с любезной улыбкой, от которой его заплывшие в жиру глазки окончательно скрылись в складках кожи.

Не обращая внимания на лебезившего перед ними хозяина таверны, матрос накинулся на еду. Питер отмахнулся от толстяка, не отрывая глаз от жующего мужчины. Здоровяк понимал, что капитан ждёт отчёта. Поэтому, проглотив первые куски и смочив горло добрым (в половину кружки) глотком пива, Арбучо сам нарушил молчание.

— Капи... Мастер, мы всё узнать. Хозяин отвезти в тюрьма. Не городской тюрьма, нет. Здесь есть место, про него никто не знать. Тайный тюрьма, да! Толко стражник в Адахар совсем дурной, Монти спросил — а тот ну всё рассказать! За дрянной вино свой старшина продавать, да! Хозяин из тюрьма доставать нетрудно, толко шум много... и потом трудно отходить — стража на улице много-много!

— Добрые новости, — кивнул Питер, — А где сам Монти?

— Монти городской площад идти. Увидать колдун, похожий на тот, что Хозяин таскать с "Алсина", и идти. Мне велеть тут бежать и вместе ждать.

— Зря он пошёл один... — нахмурился Питер.

— Монти умный, — успокоил его здоровяк, — Он толко смотрел, думал. Ничего один не делать. Сейчас будет...

Дверь распахнулась, и в проёме появился Монти. С виду — обычный ученик мудреца. Только, почему-то, выглядевший так, словно за ним гналась вся городская стража. Быстрым шагом он пересёк зал, сел напротив капитана и наклонился. Арбучо, как по команде, развернулся, скучающим взором обежал интерьер заведения и малочисленных посетителей. Монти же, вполголоса, принялся очень быстро выкладывать новости.

— Ка... Мастер, я видел насадского мага. Похоже, он несколько разбогател, потому что я проследил за ним вплоть до заведения Радушного Гобо.

Питер приподнял одну бровь. Про это заведение не слышал только глухой. Старик Гобо, по кличке Радужный, содержит самую большую гостиницу в городе. Причём — весьма недешёвую. Но не это главное: Гобо умудрился подмять под себя всю увеселительную паутину города, даже самую неприглядную и уродливую. В его клиентах числилась вся городская знать, поговаривали, что даже из столицы навещаются любители определённого рода утех. Шёпотом называли даже имена членов королевской фамилии. Стало быть — маг действительно разбогател, Радужный Гобо признавал только золото и, исключительно, вперёд. Однако вряд ли бы Монти так спешил сообщить эту новость капитану. И Питер слушал его дальше.

— Я старался держаться поближе, думал — может услышу чего полезного. Но магу пришлось долго ждать, Гобо был занят на заднем дворе. Принимал "товар", как он это называет. В закрытом фургоне привезли двух девушек. Когда фургон проезжал мимо, я увидел в окошке испуганное личико одной... совсем девочка, похоже — с островов Восточного архипелага. Гобо, увидев мага, чуть от радости не скончался, — Монти гнусно усмехнулся. Питер понимающе кивнул, зная, как простые обыватели реагируют на выходцев из Насада. — Хотел было избавиться от парня, сказал, дескать, мест нет. Но маг высыпал столько денег под ноги старику, что алчность победила здоровую осторожность Гобо. И, конечно, получил лучшие апартаменты. А потом довольный щедрым посетителем, Гобо на всю улицу расписывал: какие мага ждут развлечения! Тот согласился на все условия хозяина гостиницы, сказав, что ему есть что отпраздновать...

Кружка, которую в этот момент рассеянно крутил пальцами капитан, жалобно скрипнула и превратилась в бесформенный комок жести.

— Так... — скрипнул зубами Питер. Монти и Арбучо переглянулись. — Ну ладно, пусть повеселится... напоследок.

— Капитан, — осторожно спросил Монти, — Я вас правильно понял?..

Питер перевёл взгляд с бывшей кружки на матроса и медленно кивнул.

— Я прикончу этого наглеца, а вы пока узнайте, где конкретно держат Хозяина, как устроить побег и разнюхайте возможные пути отступления...

Монти снова переглянулся с напарником. Теперь кивнул Арбучо.

— Капитан, если позволите, есть у меня одна мыслишка... По пути сюда я видел трактирчик, полный городской стражи и королевских солдат...

Через минуту стол, за которым сидели эти трое, опустел. Об их пребывании напоминали только пустые тарелки, пивная лужа, жестяной комок, да золотая монета. Её, конечно, хватило бы на пять таких посиделок, но капитан спешил и предпочёл не экономить.

Питер пробирался сквозь толпу зевак на главной площади Адахара. Он уже пару часов висит на хвосте у насадского мага. Питер не был уверен, тот ли это наемник: насадчане носили абсолютно одинаковую одежду, но в гостинице Радужного Гобо оказался только один насадский маг.

Монти и Арбучо остались в маленькой грязной забегаловке, которую углядел Монти. Питер приказал им действовать по обстановке, сам же со всех ног бросился к роскошному особняку с колоннами, дорогу к которому нашел бы и с закрытыми глазами. Внутри него все взывало к мести за своего господина. То, что Хозяин в тюрьме, казалось таким же неестественным, как закопанное в землю солнце. С каждым днем, начиная от встречи с

Хозяином на одиноком острове, капитан проникался к нему все большим уважением, граничащим с поклонением. Он не мог не восхищаться сверхъестественной прозорливостью Кошчи. Хозяин всегда знал, где их корабль ждут охотники на пиратов, когда не стоит приближаться к берегам, и сколько действительно мог дать покупатель за их товар.

Питер усмехнулся, вспомнив недавний случай: Хозяин буквально вылетел на палубу и, ничего не объясняя, бросился к штурвалу. Рыжий Ауш чуть не слетел в воду, отшатнувшись от почти безумного взгляда Кошчи. Глаза Хозяина гневно сверкали, но губы искажала веселая ухмылка. Вся команда замерла, ощущая исходящую от него волну силы. Мужчина резко крутанул штурвал, а в паруса неожиданно ударил почти штормовой ветер. Тем более это было удивительно, поскольку в море уже третий день царил легкий бриз. Корабль начал стремительно разворачиваться, незакрепленные вещи покатались к правому борту. Питер, привыкший к резкой смене курса, гаркнул на опешивших матросов, и те бросились выполнять свои обязанности. Капитан знал, что каждый такой всплеск со стороны почти всегда бесстрастного Хозяина обещает если не прибыль, то, во всяком случае, незаурядное веселье. И в тот день он не обманул ожиданий капитана: они напали на одинокую королевскую галеру с охотниками на пиратов. Они только что потопили какой-то невезучий корабль и, видимо, нахапали немало добра — так тяжело двигалась переполненная военная галера, не предназначенная для перевозки грузов. Остатки корабля грустно покачивались на волнах, кое-где плавали трупы... среди них Питер заметил несколько и в платьях. Капитан удивился: что делали женщины на пиратском корабле и почему королевские войска их предпочли убить? По приказу Кошчи не пощадили никого, что, впрочем было легко, на палубе были только солдаты. А вот в трюмах, помимо богатого улова охотников, Питер обнаружил двух донельзя испуганных девушек и одного безрассудно смелого юношу. Паренек до последнего рвался защитить своих спутниц. И только Кошчи смог успокоить его. Он иронично поклонился мальчишке, чем несказанно удивил Питера, и уведомил принца и наследника королевства Шатра: он свободен! Девушки оказались кузинами неудачливого наследника, которых поведал, что решил посмотреть мир прежде чем станет королем. А Хозяин подвез мальчика до Шатра и приказал продать все добро, отбитое у охотников, в королевский дворец по тройной цене. После этого случая король бросил на поимку пиратов всю тайную службу.

Задумавшись, Питер едва не упустил мага: тот неожиданно пропал из виду на самой оживленной улочке. Очнувшись от воспоминаний, капитан в панике закрутил головой. Рядом оказался дом весьма причудливой наружности. С одной стороны это было хлипкое полусгнившее здание, с другой, оно было украшено настолько помпезно, что вывод напрашивался только один: это местный бордель. Капитан усмехнулся: в Адахаре количество борделей росло с каждым днем... впрочем, такие дома были весьма неживучи: то сгорали в огне, скрывая на века тайны могущественных особ, то просто тихо прикрывались из-за растущей жадности местных бюрократов.

Питер скользнул в дверь заведения и попал в просторный холл. Комната, сплошь увешанная тяжелыми тканями, была освещена только лишь с помощью двух красных фонарей. В багровой полутьме Питер разглядел множество полуголых девиц самых разнообразных форм. Как всякий городской бордель, этот стремился угодить любому клиенту. Несколько фигур скользнули к капитану. Множество рук обвились вокруг его шеи, разукрашенные губы шептали ему невероятные непристойности. Как человек, отдавший сердце морю, Питер часто посещал подобные заведения, проматывая в них целое состояние,

что чувствовали работающие в нем. Рыбоподобная матрона уже выплывала ему навстречу с самой любезной улыбкой во все свои вставные зубы.

Питер с трудом оторвал от себя ластящихся девиц и пошел навстречу к жирной даме. Как бы не хотелось ему в данный момент оказаться здесь по другой причине, ситуация не изменится. Надо узнать, заходил ли сюда насадский маг.

— Добрый день, старуха, — Питер лисом обвился вокруг матроны. — Сегодня я хочу побаловать себя чем-нибудь особенным. Можешь ли ты мне предложить что-то?

— Какая жалость, добрый господин, — лживое лицо тетки приняло плаксивое выражение. — У меня была одна новенькая, совершенно восхитительная девочка. Девственница с Орхастских островов. Она там принцессой была! Воспитана и невинна, как сама королева! Но господин, который пришел до вас уже заказал её. Но вы можете немного подождать и получите девушку за цену в два раза меньшую, чем он.

И прошептала на ушко капитану требуемую сумму.

— Что?! — деланно взъярился Питер. — Да она же будет пользована! Заплачу в десять раз меньше!..

Матрона выглядела разочарованной, но не отступала:

— Девочка высший класс! Она красивее, чем все мои девочки, умнее и приличнее. Получите огромное удовольствие! А на десерт вам подадут ванну, наполненную горными орхидеями, и десять девочек сделают вам массаж с редкими маслами.

Все тело капитана содрогнулось от желания, но он не смел отступать от своей цели. Уверив себя, что он все это получит позже, Питер подмигнул старухе:

— А сколько будет понаблюдать за парочкой?

Слегка растерявшись, матрона быстро взяла себя в руки и назвала непомерную цену.

— Да ты что? — заорал капитан. — Совсем меня за дурака держишь? Я платил пятьдесят монет за это сомнительное удовольствие!

— Но щедрый господин, — не сдавалась толстуха. — Не платил за наблюдение развлекающегося насадского мага!

Все внутри Питера содрогнулось от радости, и матрона заметила это. Приняв воодушевление Питера за большой интерес, женщина сощурилась:

— И я могу вам предложить пару отличных чистеньких мальчиков... Пока вы будете наблюдать за магом и принцессой, они будут вас убажывать. Всего за пятьсот монет столько удовольствия! Решайтесь...

— Ладно, — голос Питера немного охрип. — Но только без мальчиков! Я уж сам как-нибудь справлюсь...

Девушки, развалившиеся на потрепанных бордовых диванах, мерзко захихикали. Капитан отсчитал монеты и прошел следом за карликом, что указывал ему путь. Карлик вперевалку вошел в маленькое помещение с единственным стулом и отдернул занавесь. В стене за занавеской оказалось отверстие, прикрытое решеткой. Питер выставил наглого карлика, требующего дополнительную плату за подушечку на стул, и жадно прильнул к решетке.

Маленькая комнатка, немногим больше этой, открылась его взору. Её почти всю занимала большая черная кровать, на которой, сжавшись в маленький беспомощный комочек, сидела хрупкая девушка в богатых одеждах. Напротив двери стоял насадский маг, тот самый. Он медленно раздевался, не сводя глаз с испуганной девушки.

Больше не давая магу возможности избежать его мести, Питер с криком выхватил

саблю, проломил тонкую стенку и ввалился к парочке.

Насадский маг растерянно моргнул.

— Что за?!..

Вдруг браслет на его руке полыхнул синим. Мужчина досадливо скривился:

— Как не вовремя!

Подхватил свою одежду и исчез прямо на глазах бросившегося на него Питера. Капитан со всей силой рубанул хлипкую дверцу на том месте, где мгновение назад стоял маг и, не удержавшись, рухнул на пол.

Сверху на него, визжа от отчаяния, бросилась девушка. Она замахнулась невесть откуда взявшимся ножом. Питер, вывернувшись, схватил девушку за запястье, другой рукой выбив нож. Встретившись взглядом с отчаянными глазами девушки, он вздрогнул от неожиданности:

— София?..

Девушка, не выдержав напряжения, разрыдалась и опустилась на пол.

Питер слышал, что к ним бегут охранники местного заведения. Это плохо: бордели, зная, какая публика к ним ходит за услугами, нанимает самых отъявленных головорезов для охраны.

Насад. Небольшое тихое королевство никогда не привлекало внимания Хозяина и интереса не вызывало. Они не производили ничего интересного, кроме знаменитых галер, не продавали и не покупали товаров, почти не участвовали в войнах и пиратстве. Единственное исключение — бесконечная война с Айваром за выход в море, но прибрежные города переходили из княжества в княжество с завидной регулярностью, так что все уже привыкли. Некоторые насадские маги бродили по землям в черных плащах и масках, но всегда обходили стороной Арлейн. Кошчи всегда считал подобные наряды — завесой... но там не прячутся страшные тайны, как говорили местные жители, а всего лишь скрывается пустота. Поскольку желание что-то спрятать только усиливает интерес к этому. За свою долгую жизнь Кошчи вынес истину — если хочешь что-то спрятать — держи на виду. Поэтому он сам никогда не скрывался, не отгораживался от мира, а пытался жить в нем, насколько это возможно... хотя бы в состоянии враждебного нейтралитета.

Конечно, в народе ходили жуткие слухи и сказки о жестоких магах Насада, о силе и могуществе... но он не верил, ибо на собственной шкуре знал, чего стоят подобные слухи. И никогда не обращал внимания на это тихое королевство, причисляя его к пустым землям. И даже когда узнал, что Насад присоединяет к своему королевству мелкие княжества, не встревожился. Он и сам бы так сделал: от разрозненности только возрастает агрессивность и разбойничество. Да и что может ему угрожать, Хозяину?

Но сегодня все изменилось. Насад показал свое лицо... полумаску одного из своих магов. Его сила была очень необычной, она была... чужой этому миру, неприятной. И в корне отличалась от его, Кошчи, силы. Хозяин использовал крупницы магии, содержащиеся в этом мире, насадский же маг привлекал нечто извне, из ниоткуда. Это колебало мир, заставляло его морщиться от тупой боли, словно огромное живое существо.

Конечно, сила мага была несопоставима силе Кошчи, и Хозяин без труда бы разорвал пути. Но неизвестность, необычное, пробудило любопытство. Угрозу миру Кошчи воспринял, как угрозу самому себе, ибо не без оснований считал себя Хозяином его.

А тут еще эти игры с королем, так некстати. Силу его хотели загрести себе многие, и

Кошчи всегда исполнял желание страждущих, изначально честно предупредив о последствиях. Но, насколько он знал, у короля не было наследника, а гражданские войны помогут Насаду объединить два королевства. Хозяин не мог этого допустить прежде, чем узнает странную магию и её источник.

Обыватели всегда жили по принципу: мы отживем, а там хоть небо на землю падай. И Кошчи всегда представляли злодеем, не имея возможности реально представить всю картину, пронизывающую века. Ярлыки, которые навешивали на Хозяина, представления о нем людей, всегда забавляли Кошчи. И чем более дальние земли, чем причудливей становилась слава.

Пленник усмехнулся: вот он, бессмертный, обтянутый кожей скелет, убивающий всех рыцарей-героев, что пытаются спасти невероятное множество плененных красоток. И пытающихся загробастать невероятные сокровища, кои, несомненно, скрыты в его огромном замке на страшной и неприступной скале, нависшей над бурными водами беспощадного моря...

Воистину, фантазия людей всегда была безгранична: деньги и секс, обрастающие несметным количеством украшательств и вензелей из витиеватых слов.

Пленник вздохнул, возвращаясь к реальному времени. Он был очень разочарован быстрым исчезновением насадского мага. Сидеть в темнице было совершенно бессмысленно. Но оставалась надежда, что король все-таки сохранил остатки мозгов. А в таком случае, маг будет обязан препроводить Кошчи до дворца. Хотя, конечно, наличие горного колдуна и шамана оставляет сомнения в здравомыслии короля... или он решил взять количеством, а не качеством? В любом случае логично было бы заплатить наиболее удачливому магу, чтобы Кошчи не улизнул по дороге.

Кошчи поежился: подземелья были ему вполне комфортны, но сырость он никогда не любил. А таковая потихоньку снова отвоевывала свои позиции, наступая на луговую свежесть, что он создал. Снова восстанавливать комфорт было лень. Стражник за ответом еще не являлся, явно намереваясь продержать Кошчи здесь до утра: так, для сущего устрашения. Сон не навещал Кошчи со времен бытия его в ипостаси смертного...

И тут он вспомнил о Софии. Нежное, всегда немного смущенное личико девушки, в любой момент готовый гордо вскинуться острый подбородок, огромные ясные глаза, всегда с некоторым отчаянием смотрели прямо на него. Это было редкостью — люди стремились скорее отвести взгляд, чувствуя его силу и знание. Никому не хочется ощущать, что тебя видят насквозь. Девушку не зачем было "просматривать". Чистая настолько, что напоминала зеркало, готовая ко всему новому с открытым сердцем и нежными чувствами...

Кошчи не мог любить, он давно не испытывал влечения, но думать о девушке было невероятно приятно. Как окунать ладони в кристально прозрачный горный родник, окруженный эдельвейсами, чувствовать аромат свежести и цветов...

Лязг металла вернул его из мечтаний в подземелье: стражник не выдержал первым.

— Ну, что надумал? — осторожно спросил искаженный голос.

— Согласен на ваши условия, — бесстрастно ответил Кошчи, ему надоел этот фарс, но надо соблюдать конспирацию, если он хочет увидеть мага еще раз.

— Так-то же, — заметно смягчился голос.

Стражник с великим трудом скрывал торжество. Кошчи даже поежился, ощущая, как отхлынул страх тайного. И усмехнулся: не того он боится, хотя это его выбор.

Через некоторое время за дверью раздался шум. Он нарастал, до Хозяина доносились

вскрики удивления и страха. Он усмехнулся: вот так, как поможешь людям, так те шугаются еще больше, чем если бы навредил...

Он с любопытством поднялся и принялся следить за дверью и событиями за ней: стражники поняли, что ключ не подходит. Но все равно долго и упорно пытались открыть замок, сменяя друг друга. Через некоторое время все затихло.

Раздался несмелый и почти вежливый стук.

— Кто там? — хихикнул Хозяин.

— Свои... — стучавший, видимо, обладал каким-то чувством юмора.

— Свои дома сидят, пьют, гуляют, и только чужие шастают, — в тон ему ответил Кошчи.

— Открывай, — раздался лязгающий и звенящий окрик тайного. — Немедленно!

Пленник недовольно поморщился: ну зачем так кричать в это несовершенное устройство?

— И как? — издевался он. — Вы меня в клетке заперли! Раз птичкой посчитали, так сами и справляйтесь!

— Отойдите все, — снова раздался знакомый голос за дверью.

Кошчи с любопытством ждал продолжения. В какой-то момент он понял: что-то происходит. Через мгновение он увидел, как в середине двери зашевелилась магия. Она создала невероятно мелких тварей, которые стали быстро разъедать дерево двери. Проем быстро расширялся. Вскоре, в темницу шагнул давешний маг.

Кошчи приветливо улыбнулся ему, как старому знакомому:

— Ну вот, хорошую вещь испортили!

Губы мага были плотно сжаты, но в прорезях маски Кошчи увидел смеющиеся глаза. Он даже на какое-то мгновение испытал симпатию к насадскому наемнику. Только вот поза мужчины выражала полное превосходство и контроль ситуации. Подобная уверенность была обманчива, сам Кошчи перестал её испытывать через три столетия своей новой жизни. Но у мага не было такого преимущества, поэтому он поддался эмоциям. Кошчи вздохнул с сожалением: еще один минус магам Насада.

За магом в тесную темницу ввалились еще двое мрачных стражников. Они как-то странно посматривали на Кошчи. Что ж, к страху и благоговению Хозяин давно привык... как и привык его игнорировать.

— Наверное, надо проверить клетку... — неуверенно предложил магу один из стражников.

Кошчи усмехнулся: здравый смысл у парня есть, ему же её нести. А если бы он заколдовал лозу, стражник бы превратился в пыль от одного прикосновения к ней. Маг же раздраженно передернул плечами.

— Ну как-то он поменял дверь, — рассудительно добавил второй стражник. — Да и стены...

Хозяин восхищенно покачал головой: толковые здесь стражники!

Маг скривился, но протянул руку, снимая — защитную магию с лозы. Он увидел бантик, и видимая часть его лица удивленно вытянулась...

Один из стражников внезапно обрушил палицу на голову насадчанина. Тот замертво рухнул на пол. Маска откатилась в сторону. Кошчи присвистнул: совсем мальчишка! На лице у юноши посмертно застыло выражение крайнего удивления.

Хозяин даже немного расстроился смерти мага, не выказывая удивления, что стражник

убил его. Клетка перестала светиться, утратив источник магии.

Стражник одним взмахом разрубил плетение и схватил Кошчи за руку:

— Хозяин, быстрее, бежим!

— Арбучо? — опешил Кошчи. — Кто так тебя разукрасил?

— Я, — хихикнул только по голосу узнаваемый Монти. — Арбучо прав. Нужно уходить, Хозяин. Но без вас мы не справимся: на поверхности вас ждет почти армия. Король не хочет допустить ошибки...

— Он уже немало допустил их, — отмахнулся Кошчи и печально посмотрел вниз. — Ну зачем же вы мальчика убили?

— Чтобы он не отвел вас в лапы королю, — вдохновенно молвил Монти. — Идем...

— Ну как дети, — всплеснул руками пленник. — Ну идем, теперь уже все равно.

Ощущая, что время в темнице потеряно зря, но не в силах сердиться на своих спасителей, полезших в темницу за ним, разочарованный Кошчи прошествовал по коридорам темницы наверх.

Арбучо выбежал вперед своего господина, расчищая путь от случайных встречных и с легкостью обезоруживая стражников. Но, выскочив на улицу, резко остановился. Кошчи спокойно вышел следом: вся небольшая площадь была до отказа забита полностью обмундированными воинами. Толпа напоминала огромного дикобраза, ощерившись огромным количеством копий, пик и мечей. Кошчи даже стало приятно: столько за ним еще никогда не посылали. Пираты были правы: почти армия!

Опешившие от внезапного поворота событий воины не знали, что предпринять: убивать неизвестно как освободившегося пленника или попробовать пленить снова.

— Сожалею, — громко сказал им Хозяин. — Но парад немного откладывается, по некоторым причинам, не зависящим от вас.

Он подхватил за воротники Арбучо и Монти, подняв их как нашкодивших котят, и с легкостью взлетел в воздух.

Очнувшиеся от изумления вояки заметались. В воздух полетело несколько стрел. Представители рыжей команды "Альбины" сжались в сильнейшем страхе. Нет, не от свиста смертоносных стрел: просто летать им пришлось впервой.

VIII

София визжала не переставая. Капитан быстро понял, что словами девушку не успокоить. Он глубоко вздохнул, мысленно извинился перед Хозяином и отвесил ей полновесную оплеуху. Наступила тишина. Такая же звенящая, как визг Софии.

— Посмотрите внимательно, сударыня, — медленно и тихо проговорил Питер, глядя девушке в глаза, — Меня трудно узнать, но мы с вами встречались. Припоминайте скорее, у нас мало времени!

Какое-то подобие мыслительного процесса мелькнуло в широко раскрытых, наполненных ужасом глазах. Питер поздравил себя с первым успехом и продолжил:

— Вспомните, как Хозяин приглашал вас на морскую прогулку. На "Прекрасной Альсине". Вспомнили?

Девушка кивнула. Питер порадовался за себя вторично и продолжил ковать железо, пока горячо.

— Очень хорошо! Тогда вы должны вспомнить меня. Я Капитан Питер! Маскировка совершенна, но голос-то у меня остался прежний...

— П-п-питер?

— Вы меня вспомнили, замечательно! Тогда дело за малым — отсюда надо выбираться... Девице вашего положения не следует посещать подобные заведения.

София пришла в себя настолько, что смогла понять и оценить шутку. Она слабо улыбнулась, словно все еще ожидала подвоха. Капитан обнадеживающе улыбнулся ей в ответ, вытащил из-за сапога широкий пиратский нож и протянул его девушке.

— Сударыня, у нас нет времени искать для вас подходящий наряд, а в этом слишком много лишней материи. Боюсь, при отступлении она будет изрядной помехой...

София сразу поняла, о чём толкует капитан. Морской нож был остр, как бритва. Одним взмахом девушка избавилась от длинного, тяжёлого шлейфа. После секундного замешательства она чуть отвернулась, задрала подол и стала торопливо избавляться от полдюжины пышных нижних юбок. Стесняться Питера было некогда, да впрочем, он и не грешил излишним любопытством. Капитана в этот момент гораздо больше занимал тяжёлый топот, раздавшийся в главном коридоре. Несложно было догадаться — Гобо пустил в бой тяжёлую кавалерию.

Входная дверь слетела с петель и в проёме, мешая друг другу, нарисовались два субъекта с короткими дубинками в руках. Несмотря на явную угрозу, и капитан, и девушка успели хихикнуть. Если бы они знали, что причина для смеха у них одна — веселья было бы больше. Пытающиеся протиснуться в комнату громилы больше всего напоминали огромных островных обезьян из Южных морей. Всей разницы — настоящие обезьяны не носили штанов. И видели их наши герои — Питер на воле, а София — в передвижном зверинце.

Однако через мгновение стало уже не до смеха. Охранники, а в том, что это они — сомневаться не приходилось, были настроены весьма решительно. Ума им явно не доставало, но силой природа не обделила. Питер не горел желанием испытать это на своей голове.

Вытащив из под плаща оружие, он приготовился во что бы то ни стало покинуть сие негостеприимное заведение. Кто окажется на пути его клинка — что ж, тот сам выбрал короткий путь на небеса. Нож оставался у Софии, капитан надеялся, что в случае чего, девушка не побоится воспользоваться им для защиты. И что у неё получится это намного удачнее, чем со старым столовым ножом, с которым она бросилась на него несколько ранее. Аргументом самого Питера служила абордажная сабля, непривычно короткая, но весьма удобная для скрытого ношения и не менее грозная, чем её боевая подруга. И Питер поклялся сделать все возможное, чтобы первый же громила убедился в этом.

Поначалу охранник рванулся напролом, размахивая своей дубинкой, рассчитывая подмять противника под себя, оглушить и растоптать его. Рыча, он с энтузиазмом оттолкнул своего же товарища, чтобы первым убить нахального чужака. Остановить его можно было десятью разными способами, но, прежде чем Питер вступил в схватку, громила совершенно самостоятельно дубинкой зацепил тяжёлую бронзовую люстру у себя над головой. Зачем она нужна в гнезде уюта и интимности, Питер подумать не успел, потому что громадное литое чудовище, не выдержав столь небрежного к себе отношения, с треском рухнуло на своего обидчика.

Человека после такой катастрофы можно было бы хоронить. Охранник же лишний раз доказал, что сходство с заморским чудовищем не заканчивается внешностью. Правда, из поединка он временно выбыл — люстра сбила его с ног и опутала своими цепочками и висюльками. Жаль, другого заметного урона нанесено не было. Второе чудовище, обрадовавшись открытому пути, перепрыгнуло своего напарника и бросилось на капитана с намерением размазать того по стене. Но Питер благоразумно отскочил в сторону, не забыв

оттащить за собой Софию.

Девушка, запутавшись в многочисленных отрезанных подъюбниках, рухнула на капитана сверху. Почти обнаженная грудь Софии приземлилась на лицо Питера, но хуже для капитана было точное попадание колена девушки в пах. А через мгновение рядом с лицом мужчины воткнулся еще и пиратский нож, вылетевший из руки девушки при рывке. Зарывав от боли в причинном месте, Питер молниеносно скинул с себя Софию, схватил нож и полоснул им подол верхней юбки. Избегая донельзя испуганного взгляда девчонки, он завязал получившийся кусок ткани шарфом на её груди.

Тем временем охранник, не встретив на пути препятствия в виде Питера, врезался в стену. Он с искренним удивлением рассматривал трещину на стене и осыпающуюся штукатурку, пытаясь сообразить, куда подевался противник. Капитан, отбросив нож, подскочил и, хорошенько размахнувшись, добавил ему по затылку круглой гардой своей сабли. Охранник не отреагировал, гарда помялась. А стены будуара украсились вторым проломом, продемонстрировав ещё одну скрытую комнату для любителей наблюдать за чужими любовными утехами. К счастью — пустую, иначе наблюдателю пришлось бы туго. Охранник оглядел махонькое помещение и лишь принялся еще более озадаченно чесать голову, второй же все еще пытался выпутаться из паутины цепей, причудливо украшающих никому не нужную люстру. Капитан вернулся к Софии, которая с отвращением сдирала с себя последние легкомысленные оборки.

— Думаю, нет смысла ждать ещё парочку провожатых? — вежливо спросил Питер у девушки, только чтобы убедиться, что та окончательно пришла в себя и предложил руку, чтобы помочь подняться.

София кивнула и улыбнулась уже немного увереннее. Она ещё не совсем пришла в себя, но поняла, что спасение подоспело невероятно вовремя. Единственное, что её удивило — то, что спасти её пришёл не сам Хозяин. Но времени на выяснение подробностей не было...

Одной рукой девушка придерживала на груди импровизированную накидку, другой — ухватилась за протянутую Питером ладонь. Капитан глубоко вздохнул и, увлекая Софию за собой, бросился в коридор.

Темнота Питера не пугала, к тому же — в коридоре оказалось немало потайных ламп, дававших, пусть тусклый, но достаточный для безопасного передвижения свет. Сложнее было выбрать правильное направление, всё-таки коридоры тайного борделя — не гладь океана. Они бежали почти бесшумно, Гобо ради покоя клиентов расстарался, покрыл полы толстым войлоком. На стены, впрочем, поспешил, и бегство сопровождали недвусмысленные охи, стоны и вопли. Оглянувшись на спутницу, Питер заметил, что щёки девушки покрылись свекольным румянцем.

— Живее, барышня, живее! — крикнул на бегу капитан. А про себя порадовался, что угадал с направлением — за ближайшим поворотом перед ними появилась дверь чёрного хода. Он ещё раз обернулся, чтобы поздравить девушку с благополучным завершением этого малоприятного приключения. Оказалось — вовремя. В этот самый миг из-за портьеры, болтавшейся на стене, вытянулась чья-то рука и вцепилась в плечо Софии.

Не раздумывая, Питер взмахнул саблей, одним движением разлучив эту конечность с её обладателем. Срывая ткань, из потайной ниши вывалился истекающий кровью охранник, точная копия тех, с кем удалось без потерь разобраться в будуаре. А вот за ним...

Дело принимало куда более серьёзный оборот. Сбив изувеченного с ног и безжалостно топча его, в коридор протискивались городские стражники. Среди них затесалось несколько

человек, одетых, как рядовые горожане, но хорошо вооружённых и умело действующих своим оружием. Пиратским чутьём капитан догадался, что Гобо не ограничился обычной поддержкой, а вызвал тайную стражу, а это куда более опасные соперники. Поэтому, не вступая в бой и пользуясь тем, что в тесном коридоре нападающие больше мешали друг другу, Питер, не выпуская руки Софии, рванулся к выходу.

Пока везение было на его стороне — дверь оказалась не заперта. После тёмных коридоров пасмурное небо на мгновение ослепило беглецов. Щурясь, капитан быстро оглядел задний двор, колом подпёр дверь и потащил Софию к невзрачной повозке, стоявшей у полуоткрытых ворот. Квёлому сельскому парнишке, управлявшему тощей лошадёвкой, он бросил кошель с деньгами и крикнул:

— Отвезёшь её за город и спрячешь! Головой ответишь!

Как все селяне, тот оказался сообразительным. Едва София упала на дно повозки, он свистнул и взмахнул верёвочным кнутом. Лошадёвка рванула с места, как породистый скакун. Питер только и успел порадоваться за девушку, как сзади, с громким треском сорвалась с петель дверь чёрного хода.

Капитан прижался к забору, одним движением сорвал с себя плащ и парик и приготовился к бою. Стражники, размахивая дубинками и пиками, полукругом окружили его, но нападать пока не решались, помня о судьбе своего товарища. Питер же хищно оскалился и, держа саблю перед собой, двинулся на них. В этот момент из-за разбитой двери раздался вопль Гобо:

— Да это же Питер, одноглазый пират! Король обещал за него щедрую плату!

— Кто одноглазый? — оскорбился капитан, — Я сейчас тебе глаз вырву, жирный ублюдок!..

Не надо было отвлекаться, не надо отходить от забора... Но Питером овладел уже подзабытый азарт сражения. Поэтому, когда брошенный из-за забора камень, разбил ему затылок, в глазах моряка не отразилось ничего, кроме безмерного удивления...

Всериил готовился к побегу. Он торопливо обшаривал свои роскошные покои, сожалея сейчас, что поддавался соблазну показать свою значимость и богатство и покупал всякие бесполезные статуи, картины, редкие гобелены... Лучше бы он тихо копил свои сокровища в шкатулках, вкладывал монеты в драгоценности. Ведь их можно взять с собой в экстренном случае. А случай сейчас как раз был самым что ни на есть экстренным.

Все дело в этом мальчишке. Король до сих пор не мог простить Всериилу, что тот упустил маленького ублюдка. Но разве мог советник предположить, что пираты осмелятся напасть на охотников за пиратами? В обычной-то жизни все было как раз наоборот. Это теперь Всериил понимал, что звезды в тот день сложились неудачно для него и привели на место трагедии самого Хозяина. Зачем тому мальчишка, советнику не приходила в голову ни одна здравая идея, хотя бы пусть питается он принцами, но зачем он королю, Всериил знал. И поэтому догадывался, что король его не простит.

Особенно теперь, когда раз за разом советника преследуют неудачи: то девчонка ускользнет... а теперь еще и Хозяина освободила какая-то неизвестная армия невероятной силы... если верить рассказам очевидцев. Эх, знать адахарская самогонка еще крепче, чем про неё рассказывают. Советник горько усмехнулся.

Хотя, судя по тому, сколько он направил в порт войск и стражи, а Хозяин на свободе... да еще мага убили. Возможно, люди не врут, и к Хозяину пришла действительно серьезная помощь. А раз так, то на ум приходит только Шатра. И наследный принц огромного

государства как раз сейчас входит в главный тронный зал на прием к Королю. Слишком много совпадений.

Мальчишка мало того, что жив, он еще и свободен. Хозяина освободила армия ублюдка... Они сговорились. Объединились, чтобы свергнуть династию Руйсов. И король это тоже понимает, так что запахло жареным: или он сейчас уберется, или король найдет очень удобного козла отпущения, которого можно обвинить в сговоре за спиной короля с целью опорочить того перед соседними престолодержателями.

С грустью осмотрев мешочек с монетами и горсть украшений, Всериил метнулся к секретной двери. В парадный вход его покоев стучали уже долгое время. Но советник заранее подготовился ко всем ситуациям: он укрепил дверь самой крепкой уварской сталью и даже пригласил насадского мага, чтобы он совершил несколько обрядов для того, чтобы сделать сворки дверей крепче неприступной крепости. И заодно сэкономил, отнеся услуги за счет казны, ведь тому предстояло еще пленить Хозяина.

Он пробирался по узкому проходу, с дрожью прислушиваясь к мерным ударам, раздававшимся за спиной. Дверь пытались взять на таран. Какое-то время у него еще было. Конечно, все потайные ходы давно перекрыты, но никто не знал про особый ход, сделанный по приказу советника год назад. Все исполнители общаются сейчас с русалками, ибо запросили непомерную цену за сохранение тайны. В год. Шантажа Всериил терпеть не мог, ибо сам часто прибегал к нему.

Всериил горестно вздохнул: удалось с собой взять лишь немного, придется влачить жалкое существование. Советник знал, что захваченные заодно прищепки для короны короля, инкрустированные уникальными рубинами, изменяющими цвет несколько раз в сутки и королевская печать из цельного куска зеленого бриллианта бесценны, но он настолько привык врать, что постоянно врал даже самому себе.

Проход ощутимо сузился, и даже тощий до невероятности советник с трудом пролезал сквозь него. Ничего, утешал он себя, осталось немного, поворот и там уже по прямой, прямо под главной залой дворца, к реке, где он собственноручно утопил двух гадов, что пытались его шантажировать.

Узко, совсем узко. Видимо, халтурщики не рассчитали нагрузку на стенки хода. Под ногами все чаще попадаются камешки. И чем дальше — тем крупней. Всериил оттер со лба холодный пот, оставляя на бледном челе грязный след. Застрял. Дальше вроде просторнее. Рывок. Еще...

Огромный зал, яркий свет тысяч и тысяч свечей, которые в выгодном свете подчеркивали блеск золотых оправ древних картин, нежное таинство искусно выполненных статуй и, конечно, главную гордость короля — великолепный трон, инкрустированный невероятным количеством драгоценных камней.

Циоан с презрительной усмешкой обводил взглядом все это великолепие, выставленное напоказ. Его Матушка, вдовствующая королева, была глубоко убеждена, что такая показуха — первый признак, что в королевстве царит разруха и нищета. Поэтому во дворце Шатра почти монастырская обстановка, а Матушка всегда одета скромно, опрятно и подчеркнута строго.

Принц был уверен, что король появится сейчас при звуке фанфар, заставив его предварительно помучаться томительным ожиданием. Как истинный рыцарь, принц вежливо раскланялся со всеми дамами, находящимися в зале, хотя ненавидел себя за

фальшивую улыбку, которую пришлось при этом нацепить. Он не мог понять, как можно так вот одеваться...

Очередная милашка присела перед ним в глубоком реверансе, почти обнажив при этом верхнюю часть тела. Ни одна деталь не ускользнула от глаз молодого принца. И он еще больше ненавидел себя за это. Все эти бесстыдные дамы были похожи на потасканных женщин, что липли к нему на улицах Адахара. За одним лишь отличием: камни в украшениях дам были настоящими.

Нет, Матушка полностью права, с Миндом надо не объединяться против Насада, а захватить этот оплот нищеты и разврата и установить здесь свои порядки... А Насад сдастся сам. И он, Цюан, станет первым императором!

Милашка, принимая счастливый блеск глаз заморского принца на свой счет отчаянно жеманилась и вертелась, пытаясь стянуть корсет еще ниже, хотя его край и так находился на грани приличия королевства Минд.

Замечтавшись, Цюан пропустил появление короля. Маленький толстяк с донельзя мрачным лицом в роскошно украшенном платье и в короне набекрень деловито подкатился к трону. Странно, подумал юноша, даже без объявления и других звуковых сопровождений. И тут же вздрогнул от оглушительных фанфар, взорвавших зал и слух всех присутствующих. В двери влетел церемониймейстер в парике, неровно нахлобученном на потную лысину, громко икнул, в замешательстве запнулся о длинную палку, значение которой осталось для принца загадкой, и грузно осел на пол. Следом вошла невозмутимая стража, взяла несчастного под мышки, и уволокла из тронного зала.

В толпе придворных послышался возбужденный шепоток. Цюан понял, что произошло что-то неординарное и этот балаган тут не каждый день. Но это не могло никак изменить его решение атаковать Минд в самое ближайшее время, как только он пройдет церемонию коронации.

Король сидел на своем троне и, казалось, не замечал никого кроме худощавого мальчика в дорожном сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Он жадно обшаривал глазами принца. В королевстве Шатра ценили скромность, но скромность эта была показной. Ибо Король знал, сколько стоят эти невзрачные на вид пуговицы из панциря черепахи с острова Ашиг, окруженного тремя кругами опасных рифов и стоимость дорожного костюма из Називии. Эту ткань делают из специальных водорослей и она заменит любые доспехи. Ни одна стрела не пробьет такой скромный сюртучок. А ведь король сам недавно хотел приобрести жилетку, чтобы одевать её под мантию. Но чтобы купить её, ему пришлось бы продать свой трон! А этот мальчишка был упакован полностью!

Еще недавно король довольно бы потирал круглые ладошки, узнав, что этот маленький наглый птенчик сам идет к нему в руки. Но сейчас, после неудачного похищения, он сидел на своем мягком троне так, словно тот был набит иглами и с нетерпением ждал начала разговора. Не в силах говорить сам, он лишь важно кивнул юноше.

Увидев, что многочисленные подбородки короля собрались в подобие гармошки, Цюан, поборов чувство брезгливости, вежливо поклонился.

— Приветствую тебя, о светлейший король! — нежный, даже несколько девичий голосок юноши заполнил огромный зал многоголосым эхом.

Дамы в зале томно завздыхали, в руках многих запорхали веера.

Король снова коротко кивнул, радуясь, что щенок еще не принял на себя бремя царствования и ему не обязательно уделять много знаков внимания. Однако сам юноша

считал иначе и, нахмурившись, продолжил:

— Я не собираюсь отнимать у вас много времени. Буду краток: заветами наших предков каждый наследник престола должен совершить подвиг, чтобы подтвердить свое право на трон. И Матушка благословила меня в путь...

— А разве в Шатре один наследник, — перебил король, деланно удивившись.

Юноша снова брезгливо поморщился: этих миндянцев этикету еще учить и учить! Но ответил с неохотой:

— У меня еще есть двое старших братьев. Но Матушка уверила меня, что я самый достойный кандидат на престол и должен первым совершить подвиг! — глаза его гордо полыхнули, обеспечив еще один порыв ветра от множества вееров. — К тому же старший принц тяготеет к науке и намерен отказаться от своих прав...

Король хмыкнул: правду бают в народе. Как там в этой неприхотливой песенке народного творчества?

... Старший умный был детина,

Средний был и так и сяк,

Младший — вроде как дурак...

— Так вот, я хотел спросить: нет ли в твоём королевстве чудища какого или другой беды? — почти жалостливо спросил мальчишка.

Король едва сдержал смех: так вот что он все шастает! Все чудо ищет, дракона там выжившего... Точно дурак: вокруг беды, горя — помогай хоть тысячу лет, подвигов не оберешься... посмертно! А он слеп, глух и... храбр!

Глаза короля хищно сузились, в голову пришла отличнейшая идея: «А почему бы и нет! И от мальчишки избавлюсь и горячее золото из костра буду чужими руками загребать!»

— Что ж, о храбрейший, — в голосе короля льстиво заструилась сладость. — Есть у меня для тебя задание. Только оно невероятно опасное и сложное...

Король замолк, скосив глаза на юношу.

Глаза Циона полыхали надеждой и ожиданием триумфа, он уже мысленно надевал себе корону, попирая ногой поверженное чудище. Ага, наживка заглочена!

— Я готов ко всему! — пылко заявил юноша.

Немного помедлив, сладостно растягивая паузу, король наслаждался моментом собственной мудрости. Он так удачно нашел выход из ситуации, и одним ударом исправит ошибки, допущенные лживым Всериилом. Эх, жаль, что он пригрел на своей груди эту тощую ящерицу! Ну да ладно, мстью займемся потом, сейчас мальчишка.

— Что ты знаешь о Хозяине? — ласково начал король. По залу прокатился рокот, некоторые дамы картинно рухнули в обморок. Юноша побледнел.

— Э... — заблеял он. Но осекся, прокашлялся, выпятил вперед грудь и грозно сверкнул глазами: — Только слухи, да сказки. Если верить им, то он само зло!

— Ну зло, не зло, — делано тяжело вздохнул король, — но зла от него много. Девушек похищает, порчу на скот наводит... И все нет храбреца, что поставил бы выскочку на место, а самому все некогда, дела государственные не отпускают...

— Так он просто колдун, — с облегчением выдохнул юноша и быстро тер пот со лба. — И девушек, говоришь, похищает?..

— Да, вот, как раз недавно похитил еще одну, — печально покачал круглой головой король. У Циона возникло впечатление, что голова сейчас отвалится и, словно вареное яйцо, как одно из тех, что лежат на блюде перед королем, покатится прочь от несуразного

тельца. — Красавица, принцесса кровей! Жалко такую невесту!

По свите прокатился шепоток, но король грозно сверкнул глазами и кивнул страже подойти поближе, дабы узреть зачинщиков. В зале мгновенно настала мертвая тишина, ибо лучше создать мертвую тишину, чем вскоре самому стать мертвым.

Но принц ничего вокруг не замечал. Одна яркая картина за другой вспыхивала в его голове. И каждая последующая была все слаще...

Но противник был серьезный, особенно если верить сказкам, на которых он сам вырос. Его кормилица обожала рассказы про Кошчи. И над золотом чахнет, обретая сиу бессмертного золота и высасывая жизнь из тех, кто это золото имеет и любит. И над девицами надругивается, а потом зверски расчленяет... Кстати, надо бы поспешить, а то спасать будет некого, а без спасения прекрасной девы подвиг не будет уже таким великим!

— А нет ли средства какого от этого злодея? — с надеждой спросил Циоан.

— Как же, как же, — закивал король, рыская взглядом по зале в поисках идеи. Глаза наткнулись на золотое блюдо, что стояло перед ним на изящном столике. И он поманил к себе принца.

Циоан бодро взбежал по трем ступенькам и наклонился к королю, намереваясь услышать великую тайну.

— Говорят, — король пахнул перегаром в ухо юноши, — что смерть Кошчи... — он выдержал драматическую паузу, задержав дыхание, а потом резко выдохнул: — в яйцах!

— В каких яйцах? — озадаченно уточнил Циоан шепотом.

— А это, — король встал и с удовольствием потянулся, настроение его улучшилось, он даже почти забыл про побег советника. — Тебе придется выяснять самому! А теперь приглашаю всех на пир в честь нашего гостя!..

— Подожди, — высокомерно оборвал его юноша, медленно отступая по ступеням трона вниз. — Во-первых, моя вера не разрешает мне пировать во время чум... — он осекся и мучительно пытался найти выход из создавшегося положения.

Король вопросительно приподнял бровь: он знал отношение шатранцев к пирам. Во дворце Циоана никогда не устраивались приемы, даже для гостей государства предлагались лишь легкие закуски, зато в городе каждый праздник торжественно кормили бедняков... что бы зазря не выбрасывать на радость помоечным котам старые и испорченные продукты. Повара-виртуозы щедро сыпали в котлы ароматные пряности, чтобы отбить тухлый запах. И вдовствующая королева в скромных одеждах благосклонно кивала в ответ на крики благодарности, доносящиеся из активно жующей толпы. Вот только никто потом не считал количество страдающих животом... а порой и мертвых.

— То есть, — юноша ослепительно улыбнулся, — во время сумбура, что царит сейчас в моем сердце. Я настроен на битву, а не на праздность. Надеюсь, Ваше Величество снисходительно отнесется к такому чудачеству...

Он облегченно выдохнул и отел капельку пота со лба, самодовольно поздравляя себя с первой государственной интригой.

— А во-вторых, — хитро сощурился король. Напыщенный юноша был у него, привыкшему к лгунам и подхалимам, как на ладони. Но он мудро предоставлял тому право на самолюбование, планируя получить потом намного больше, чем просто вывести на чистую воду юнца. — Что?

— А, — юноша растерянно моргнул. — Разве мне не положено выдать бумагу с разрешением на убийство этого монстра?.. Это оградит меня от проблем с законом вашей

страны... да даст преимущество перед другими соискателями...

— То есть, — усмехнулся король, — даже если тот погибнет от камнепада, то нашим спасителем от Хозяина все равно будет считаться Ваше Высочество?

Юноша сиял, как начищенный медяк. Король вздохнул: похоже, на случайность малец полагается гораздо больше, чем на себя. Ну что ж, кажется в Шатре есть еще два претендента на наследство... Хотя, как раз эта кандидатура подходит гораздо больше для далеко идущих планов монархии Руйсов.

— Выписать ему королевский указ по форме 007! — махнул он обреченно в сторону писчего.

Тот моментально застрочил пером по специальной королевской бумаге с оттиском короны.

— И еще одна просьба, — после непродолжительного молчания осторожно начал Циоан, разглядывая врученный ему писчим свиток. — По дороге сюда на наш корабль напали пираты и многие из моей свиты погибли... Некий храбрый полководец освободил нас, но не пожелал назвать своего имени...

— Ты хочешь, чтобы мы нашли его и наградили? — хищно оскалился король. Он и сам намеревался найти того наглеца, что помешал его планам, но хитрый пират постоянно ускользал от охотников. — Не беспокойся, он будет вознагражден должным образом, — а про себя добавил: «Пеньковым галстуком!».

— Да нет, — надменно отмахнулся молодой принц, вероятно уверенный, что освободить такую персону — уже и есть величайшая награда. — У меня осталось мало людей, не могли бы вы выделить мне воинов... а лучше магов...

Король даже замер от такой наглости, может еще самому отправиться на охоту за Кошчи. Даже это предположение проскользнуло по спине холодным потом. К тому же он не собирался объяснять мальчишке, что множество попыток уже провалилось и неизвестно к чему приведет последний провал. Да еще бегство советника. Он мог бы все свалить на жалкого труса, мол, дворцовые интриги. А сам король чистый и пушистый комочек белого снега на фоне зловонных планов тайных недругов. И если он согласится сейчас и pošлет с Циоаном даже самого слабенького мага, это будет равносильно объявленной войне. А Хозяину нельзя противостоять прямо... если хочешь и дальше жить и почти мирно править. Как же выйти из щекотливого положения?..

Юноша уже хмурился и притоптывал левой ножкой в изящном сапоге. Постукивание металлической подковы о каменную плитку нервировало короля еще больше, ему уже начало казаться, что даже пол дрожит в такт сапогу.

Вдруг Циоан замер, прислушиваясь. Постукивание стихло, затухло его эхо. Но вибрация не проходила. Раздался еще глухой удар и, прямо перед шатранским принцем, пол вздыбился, заходили в пыльной пляске каменные плитки. Циоан испуганно замахал руками и, не удержавшись на ногах, плюхнулся назад. Пол все больше проваливался, наклоня плиту с принцем в сторону зияющей дыры.

— Аааааа! — заорало высочество, съезжая вниз.

И лишь облако пыли расцвело над проломом. В полной тишине, оно принимало причудливые формы. Под натиском воздушных потоков от многочисленных вееров в руках любопытных придворных дам, даже не подумавших метаться по залу или падать в обморок. Даже король с интересом вытянул шею: что бы значило это исчезновение?

Когда пыль немного улеглась, придворным представился интересный вид: принц

Циоан, с круглыми глазами и приоткрытым ртом, по пояс торчащий из небольшого пролома в полу. Одна плита полностью ушла под землю, окружающие её угрожающе наклонились.

Король резво спустился с трона и вперевалку посеменял к принцу, расталкивая любопытных. Следом метнулась стража, получившая благоприятный повод полюбоваться на полный провал шатранского принца при дворе Минда. Под видом защиты короля, разумеется.

— Подкоп? — с энтузиазмом суетился Руйс вокруг провала. — Интересненько, такого на плане дворца нет! Что это? Нападение? Или диверсия? Покушение на шатранского принца?

Старый король весь преобразился: глаза горели, лицо покраснелось. Ах, как не хватало ему прямой опасности, битвы. И как скучны ежедневные мелкие интрижки и яд в бокале с вином!

— Я сижу на чем-то живом, — пролепетал Циоан.

— Снимите его, — отмахнулся король, словно от привязавшейся мухи.

Стражники, скользя по натертым до блеска плиткам пола, осторожно вытащили шатранца из пролома. Отбросив его в сторону, словно тряпичного пупса с ярмарки, они ощерились копьями в сторону дыры. Оттуда раздался протяжный стон.

— Знакомый голосок, — еще больше оживился Руйс, с опаской выглядывая из-за стражника. Лицо его выдало смешанную гримасу удивления и восторга, когда он узнал в пыльной фигуре своего бывшего советника: — Всериил?! Вот проныра, да ты самый живучий гад из всех, что живет в нашем веселом мире! Смотрите, плита пополам разломилась о его блестящую голову, а он всего лишь без сознания! И даже ни одной царапины! Великолепно! Вытаскивайте его!

Вскоре рядом с принцем стражники посадили пыльного и еще не совсем пришедшего в себя тощего советника. Циоан отметил, что блестящим король его назвал в прямом смысле слова: на гладком черепе Всериила не было ни единого волоска и будь он не таким пыльным, то наверняка бы блестел как начищенный деревенский котелок!

— Хм, — король довольно потирал руки. — Я же говорил, что из-под земли достану! Так оно и вышло! Ну вот, принц, принимай помощничка.

— Он маг?.. — Циоан растерянно моргал глазами, пытаясь понять, что здесь происходит.

— Еще какой, — довольно захохотал король. — Маг и волшебник! Все может... только все его под землю тянет. Вот скоро это ему и пригодится...

Вот повезло, так повезло: и вину за покушение на Хозяина теперь можно с чистой совестью свалить на Всериила, и от обоих сразу избавиться, не замарав свои пухлые ручки. И принцу не отказать в щекотливой просьбе. Воистину, небо сегодня на стороне Руйсов!

Всериил свел мутные глазки на бледном лице принца и глупо хихикнул, обнажив две зияющие дырки вместо передних зубов. Циоан передернулся:

— Какой-то он ненормальный...

— Хи, — радостно подпрыгнул король. — А где интересно ты видел нормального мага?

Принц моргнул и с опаской отодвинулся подальше от «мага», нежно ему улыбающегося. Но против слов короля ему нечего было противопоставить — нормальных людей в этой братии и правда не наблюдалось.

— Закопать! — бросил король, резво разворачиваясь в сторону выхода. — А я что-то проголодался.

Послушные стражники подхватили на руки принца и бывшего советника. Циоан заорал дурным голосом, пытаясь выскользнуть из цепких рук громил. Король растерянно оглянулся.

— Да нет, болваны, — гаркнул он. — Ход закопать, этих отпустить... — и добавил тихонько: — Хотя сама идея мне нравится. Но не будем спешить — история должна идти с плавной неторопливостью светской дамы, ибо именно тогда она соблазнительна и величественна.

Свита потянулась вслед за монархом, громко обсуждая события такого насыщенного дня. Толпа плавно обтекала сидящего на полу, понурого Циоана, и отчаянно строящего ему глазки грязного Всериила.

— Не нравится мне все это, — пробурчал шатранец, все дальше отодвигаясь от бывшего советника.

IX

Дохлая на вид лошадёнка, оказалось весьма шустрой. София ещё не успела перевести дыхание, а колёса повозки уже не дребезжали по городскому булыжнику, а мягко шуршали дорожной пылью. Дома сменились хибарками, а теснота улиц — простором полей и огородов. Наверное, здесь уже можно было почувствовать себя в безопасности. Во всяком случае, юный селянин явно осмелел. Иначе бы ему не пришла в голову идея остановиться, с озабоченным видом осмотреть что-то на задних колёсах и, огорчённо почмокав, попросить девушку о помощи. Дождавшись, пока София слезет на землю, паренёк рыбкой нырнул в повозку, пронзительно свистнул и через мгновение исчез за ближайшим поворотом. Видимо, у него были свои планы на будущее, и спасение незнакомок весьма фривольного вида в них не входило.

Девушка огляделась. Капитану она верила и сомнений в том, что спасение пришло окончательно, не возникало. Другое дело, что появились новые трудности. Но вокруг не было ни стражников, ни опасных незнакомцев — стало быть, можно выкрутиться и самой. Перво-наперво София решила переодеться, остатки туалета бордельной красотки мало отвечали её понятиям о красоте. Правда, купить платье было негде и не на что, но жизнь преподнесла ей за последнее время несколько уроков и девушка оказалась способной ученицей. Во всяком случае — платье, украшавшее пугало на ближайшем огороде, оказалось относительно чистым, пусть и несколько пыльным, вполне подходило по размеру, а украшавшие его дыры не предавали одеянию непристойного вида. А вот узнать девушку, симпатичную и всегда опрятно одетую, теперь было нелегко. С обувью проблема решилась ещё проще — вульгарные туфли быстро лишились каблуков, придорожная грязь и камни без проблем превратили их в нечто бесформенное.

Хотя главная опасность поджидала её в городе — София решила отправиться туда, найти капитана и, с его помощью, вернуться к Хозяину. Домой возвращаться не хотелось, что-то подсказывало, что дом перестал быть её крепостью. В целом мире у девушки осталось только два близких человека...

Собственные ноги — не столь приятное средство передвижения, когда впереди несколько миль под палящим солнцем по пыльной дороге. Кроме того — нельзя было забывать, что она жертва, на которую слишком много охотников. Но, к тому времени, когда проселочная дорога сменилась булыжной мостовой даже близкие родственники не узнали бы в этой замухрышке красавицу Софию. Редкие взгляды, бросаемые на оборванку, содержали лишь равнодушное презрение обычных горожан, или подозрительность к конкурентке от городских побирушек. Впрочем, на окраинах города и тех и других было

немного, все стремились в центр, похоже, сегодня был базарный день.

Чем хороши такие дни в больших городах — смешением народа. По площади среди кричащих торговцев шатаются и родовитые горожане, и простые обыватели. Стражники, с переменным успехом, следят, чтобы уличные воришки не чувствовали себя чересчур привольно. А уж всякого рода гадалкам, астрологам и самочинным знахарям было полное раздолье! Их палатки заняли целый ряд, причём дорогие, чуть ли не шёлковые, вполне мирно соседствовали со скроенными из старых мешков. За одной такой София и пристроилась отдохнуть и перевести дыхание. Почему она не пошла сразу к заведению Гобо, девушка объяснить вряд ли бы смогла, хотя дорогу, по которой её увозила повозка, запомнила. Наверное, посчитала, что другой путь будет безопаснее, а расположение относительно базарной площади она себе вполне представляла. Однако обстоятельства повернулись иначе, искать ничего не потребовалось...

Палатки стояли в углу, образованном древними городскими стенами. Прямо напротив них возвышался какой-то деревянный помост. За ним торчали высокие жерди, весьма неприятного вида. Некоторые из них были украшены странными набалдашниками. Приглядевшись, София поняла, что это такое и ужаснулась. Несложно было догадаться, что ноги привели девушку в ту часть базарной площади, что служила для публичных наказаний. А странные украшения оказались головами казнённых. Видимо, городская управа рассуждала так, чтобы впредь неповадно было творить беззаконие в их славном городе — пусть головы преступников вечно красуются на самом видном месте. А жара, птицы, черви приложат усилия к тому, чтобы свободные места регулярно на жердях появлялись.

Девушка нашла в себе силы ещё раз глянуть на страшное напоминание. Большинство голов уже превратились в черепа, однако с краю красовалась новенькая. Похоже, своё место она заняла совсем недавно, ещё не успела, как следует, засохнуть стекающая по шесту кровь. Что-то знакомое показалось Софии в обезображенном смертью лице... Она присмотрелась и, чтобы не крикнуть на всю площадь, зажала себе рот: поверх базарного гульбища в белый свет смотрели мёртвые глаза бывшего Адмирала Армады, личного капитана Хозяина, известного миру под кличкой Одноглазый Питер...

Помощи ждать было больше неоткуда... Раз Хозяин не спасал её сам, а послал капитана — значит, так было надо. Теперь можно надеяться только на саму себя. Она вдруг почувствовала себя совершенно обессилевшей, голова закружилась, в нос ударил смрад и вонь базарной площади... Не в силах себя контролировать, София начала падать. В стене палатки вдруг обнаружилась щель между полотнищами и девушка, теряя сознание, провалилась внутрь...

...Вокруг было нежарко. Пахло ароматными травами и дорожной пылью. Где-то далеко приглушённо звучали голоса. София постепенно приходила в себя. Она не отдавала отчёта, сколь долго пробыла без чувств, но, на удачу, хозяйка палатки отлучилась, и, похоже, надолго. Во всяком случае — никто не поинтересовался, что делает здесь незваная гостья, на каком основании она сидит на хозяйском коврикe и прячет голову под чужой накидкой. Девушка и сама не ответила бы — что подтолкнуло её представить себя хозяйкой, но именно в этот самый момент полог отогнулся внутрь крадучись вошёл невысокий толстенький человечек. Разумеется, София не знала его, да и кого она могла знать вдалеке от родного дома. Однако, что-то ей подсказало, что человечек не тот, за кого пытается себя выдать, что образ простого горожанина ему чужд, и не от хорошей жизни вынужден он обратиться к гадалке.

— Я пришёл, ведьма, как договаривались... — буркнул тот, старательно пряча лицо за воротником плаща и широкими полями шляпы.

Делать было нечего, пришлось изображать из себя «ведьму»... Девушка прижала ко рту край накидки и глухо пробормотала:

— Договаривались?..

— Ну да, — заёрзал на месте толстячок, — Я согласен на твои условия...

— Согласен?.. — похоже, София выбрала верный путь в разговоре.

— Вот... — из плаща высунулась пухлая ручонка, сжимающая туго набитый кошель, —
Пятьдесят золотых.

— Так...

— Ровно пятьдесят! И ни гроша не возьму обратно, если не пойму трёх твоих ответов!

— Трёх?..

— Ну хорошо, хорошо — двух! Я всё помню — моё дело слушать тебя, и догадываться, потому что больше ни одна гадалка в Адахаре не возьмётся пророчить о Хозяине...

Сердце Софии ёкнуло и провалилось в пятки. Если бы толстячок не был так явно напуган, он мог бы заметить, как затрясло гадалку при этом имени, однако он был занят только своими проблемами и не обращал внимания ни на что вокруг.

— Спрашивай... — дрожащими губами прошептала София.

— Говорят, Хозяин прячет свою смерть в яйце. Это правда?

— Правда... — опешив от странного вопроса, пролепетала девушка. Ведь каждый ребенок знает, что Хозяин бессмертен!

— А где он его прячет? — собеседник жадно подался вперед.

— В утке, — первое, что пришло в голову, выпалила София и тут поняла, что вопросы кончились, и надо побыстрее выпроводить незнакомца. Помощь пришла неожиданно. Куча тряпья в углу палатки зашевелилась, и из-под неё вылез здоровенный чёрный кот. Кот зевнул, широко разинув огненно-красную пасть, и недобро глянул на толстячка. Тот замер, проглотив следующий, уже неоплаченный вопрос. А кот, чувствовавший себя полновластным хозяином, хрипло мявкнул, словно давая понять посетителю, что его присутствие здесь лишнее. Толстяк засуетился и сопровождаемый яростным шипением, боком выскочил из палатки. Огонь в кошачьих глазах погас, зверь обернулся к гостю, обнюхал её и милостиво разрешил себя погладить. Отвлёкшись на кота, София прозевала тот момент, когда качнулся полог, и в палатку проникла настоящая хозяйка.

— Так, Черныш, ты уже не только посетителей принимаешь, а ещё и вещи мои раздариваешь?

Молодая, не старше самой Софии, цыганка, уселась у входа в палатку и насмешливо уставилась на посетительницу. София смутилась, сорвала с себя накидку и протянула её девушке:

— Вот... Простите, сударыня, я вовсе не хотела брать ваших вещей, так получилось...

— Да я уж вижу, — фыркнула та, — Если бы захотела — так бы Черныш тебе и позволил...

— Он хороший, — слабо улыбнулась София, — Он меня выручил сейчас...

— От кого? — заинтересовалась цыганочка.

— Был тут сейчас какой-то важный господин... Я не знала, как от него избавиться, а Черныш выгнал его... Но деньги обратно не забрал... Он спрашивал... про Хозяина...

Цыганка присвистнула, мгновенно посерьёзнев.

— И что ты ему ответила?

— Не помню, какие-то глупости, первое, что пришло в голову...

Гадалка задумалась на мгновение...

— Так, подруга, не могу сказать, что ты мне здорово помогла, скорее наоборот... Но пользу принесла. Так что можешь бежать по своим делам, а я быстренько сворачиваюсь и убираюсь из этого городишка. Десять монет от этого толстого придурка можешь забрать себе. Эй, ты чего разревелась?

София долго не могла успокоиться. Минута общения с нормальным человеком сняла внутренний засов и всё напряжение последних часов хлынуло наружу. Цыганка засуетилась, немного испуганная, вокруг незваной гостьи, сунула ей в руку глиняную кружку с терпким вином, принялась гладить по голове. Черныш, не теряя достоинства, перебрался к Софии на колени и замурчал, как заправский домашний кот. Только минут через десять девушка нашла в себе силы рассказать хозяйке свою историю, и про похищение, и про заведение Гобо, и про спасение в лице капитана и про финал всей истории. Только про Хозяина не рискнула упомянуть. Цыганка, выслушав её, задумалась, выглянула наружу, зорко огляделась, задержала взгляд на голове Чёрного Питера и, вернувшись, решительно сказала:

— Ладно, подруга, из города я тебя вывезу. А дальше, как пожелаешь, хочешь — со мной, хочешь — сама.

Дальше события разворачивались быстро и решительно. Марита, как звали гадалку, во мгновение ока собрала вещи, разбросанные по палатке, пронзительно свистнула, отодвинув полог. Угрюмый пожилой цыган помог ей свернуть полотнище и погрузить вещи невесть откуда взявшуюся таратайку, запряжённую меланхоличным конём. Девушки сели рядом, голову Софии скрывала уже привычная для неё накидка, а на плече, к удивлению гадалки, устроился Черныш. Базарный день клонился к закату, с рыночной площади уже разъезжались повозки и, влившись в общий поток, город удалось покинуть без особых трудностей.

Как всегда, стражники на выезде пытались поживиться за счёт выезжающих, но здесь неоценимую помощь оказали грозно шипящий кот и стайка галдящих цыганят, как бы случайно оказавшаяся в толпе. У кого-то пропал кошель, у кого-то — развязался тюк на повозке, в общем — повозка с двумя цыганками выехала за ворота без малейшей задержки.

Циоан задумчиво мерил шагами небольшую комнатку. От деревянного грубовытесанного стола до тяжелого темного от времени сундука четыре широких шага. От невзрачного оконца до покосившейся дверцы пять... В яйцах. Теперь-то понятно, почему чудовище похищает девиц! Юноша ухмыльнулся: у кого-то сила в яйцах, А Хозяин видимо по этой части слаб. Так, если подобраться к нему и ударить его по слабому месту, размышлял он, то он либо ослабеет, либо сразу откинёт копыта. Или что он там откинёт, но это не важно. Хотя, странно все это, почему раньше его не били... Может, трудно подобраться к нему близко? А если применить хитрость? Может, переодеться девицей?.. А если не успею ударить, чтож, повторить судьбы несчастных моряков, что плыли на остров Ашиг за бесценными черепахами, да разбились Ра рифах и попали к любвеобильным туземцам с близлежащих островков? Говорят, им без разницы: мужчина, женщина... Принца передернуло: подобная перспектива его не привлекала.

— Крабс! — пискнуло существо в углу комнатки.

Циоан вздрогнул: он совсем забыл о «могущественном маге», навязанным его королем.

Он уже тысячу раз пожалел, что вообще завел разговор о выделении ему помощников. С тех пор, как Всериила вытащили и отняли у него драгоценные камни, в которые он вцепился мертвой хваткой, советник погрузился и выразался односложными словами, абсолютно незнакомыми Циоану. Но он хотя бы не строил ему глазки! А если?..

— Всериил, — мягко обратился юноша к тощему мужчине, окидывая его оценивающих взглядом. — А ты можешь на время превратиться в женщину? Ну или хотя бы некоторое время выглядеть привлекательной девушкой?

— Тарабах! — очень грустно промолвил сжавшийся советник.

— Ну ладно, — вздохнул принц. — Придется тебя приодеть и подкрасить... Может, все-таки понравится Хозяину... Ему при мужском бессилии наверное все равно, какую девушку мучить: красивую, аль не очень...

Советника ощутимо затрясло. При всем своем приобретенном безумии, он не хотел становиться еще и жертвой насилия. Но принцу эта идея нравилась все больше: много времени ему и не надо, стоит только Хозяину отвлечься на новенькую жертву...

Стук в дверь прервал мечты Циоана о призе в виде прекрасной девы, пленницы Хозяина.

— Кто там?! — грозно рыкнул он.

То есть он думал, что это прозвучало грозно, но его высокий почти девичий голосок был неспособен кого бы то ни было напугать. Но окружающие старательно делали вид, что его высочество страшен в гневе, как бы при этом им не хотелось расхохотаться. Деньги, которые он им платил, стоили небольших неудобств.

В комнату вкатился толстячок, которого Циоану рекомендовал хозяин гостиницы. Он клялся, что это единственный человек, который может достать и купить любую тайну. Принц отсчитал толстяку требуемую сумму в пятьсот золотых и дал день сроку. И весь этот день Циоан ходил по комнате из угла в угол, размахивая руками и строя один немыслимый план победы над Хозяином за другим. И вот наконец, гонец прибыл...

— Ну, что ты узнал? — жадно подался к нему Циоан.

— Король сказал правду! — торжественно выдал толстяк. — Смерть Хозяина в яйце!

Циоан облегченно вздохнул: он ждал от Руйса только подлости и лжи и информация о яйцах казалась ему несколько... выдуманной. Но тот не солгал. Значит, у него все-таки есть шанс совершить подвиг раньше своих братьев.

— Так где это яйцо? — жарко выдохнул принц в лицо вестнику.

Тот жадно втянул ноздрями воздух: от юнца веяло лучшим адахарским вином. Не то, чтобы он не мог его себе позволить, но жадность никогда не позволяла толстяку потратить на вино больше, чем ползолотого за пинту. Сглотнув слюну, он важно продолжил:

— В утке!

— В какой утке, — опешил Циоан. Он имел совсем другое представление о том, где у Хозяина должны находиться яйца. А теперь перед его разбушевавшимся воображением встала совсем уж невероятная и отвратительная картинка.

У толстяка забегали глазки: он заплатил гадалке пятьдесят золотых за ответы, справедливо полагая, что остальное — его маржа в этом деле. Но не ответить на вопрос принца он не мог: уж больно грозным был вид двух воинов на выходе из маленькой комнатки.

— В золотой, — проблеял он, бросая испуганные взгляды на тощего старика в углу комнаты: тот принялся доказывать пойманному таракану что-то на неизвестном толстяку

языке. От этого зрелища у вестника побежали мурашки по коже: что же сделают с ним эти изверги, если они так довели лысого? Он уже сто раз пожалел, что не отдал Марике все деньги и не выпросил у неё все подробно. Но сам слух, что смерть Кошчи в яйце его в начале рассмешил до слез. И дважды забавно было, что Этот юнец поверил ему. Но теперь это дело ему уже не казалось таким забавным и легким.

— Золотом, — ошарашено повторил принц.

Видимо Хозяин совсем слетел с ума, раз носит нижнее белье в виде птицы, да еще и из тяжелого золота! Он нахмурился. Серьезные ребята у входа лязгнули оружием и скрестили руки на груди, всем видом выражая готовность исполнить любой приказ своего господина.

Толстяк совсем занервничал и испуганно затараторил:

— Утка в зайце!

Циоан выпучил глаза: он еще золотую утку мехом зайца обтянул! Воистину, фантазия у безумных без границ: так защищать свое сокровище! Это было уже проблемой: как же надо ударить, чтобы пробить всю эту зверино-птичью броню! Может, это какой магический ритуал для увеличения мужской силы? Надо будет спросить у магов, может, стоит попробовать?

А толстяка уже несло, он не в силах был остановиться:

— А заяц в сундуке!

У Циоана все поплыло перед глазами: он и представить себе уже не мог это!

— Сундук на самом высоком дереве! — не унимался вестник. Глаза толстяка были пусты, он медленно пятился к двери. И, наткнувшись спиной на ножны стражника, взвизгнул: — Где то дерево, не знает никто!

И обессилено упав на пол, быстро выполз в коридор под брезгливыми взглядами мрачных воинов. Наследный принц Шатра глупо хлопал длинными темными ресницами.

— Бемс! — торжественно подытожил Всериил.

Необитаемый островок, где Хозяин когда-то переманил Питера на свою сторону, ничуть не изменился. Все та же одинокая пальма на самом берегу полоскала по неверному морскому ветру свои длинные полосы зелени. Её подружки жались к одинокой скале, изъеденной ветрами, словно круг сыра в кладовке подвергся нападению стайки мышек. Матросы «Альбины» неуверенно раскладывали костерок в небольшом гроте, а Хозяин мерял шагами островок, как некогда Питер. Лицо его было серьезным, иногда во взглядах, которые он бросал на своих людей те ощущали раздражение и тревогу. Относя её на свой счет, brave матросы совсем притихли.

Пятьдесят, пятьдесят один, пятьдесят два... Лекарство, которое помогло Питеру, несомненно поможет и ему сейчас. Кошчи верил в это: место, впитавшее такие сильные эмоции, навсегда несет отпечаток некоего знания. Знаний у Кошчи было предостаточно, вот только касались они все этого мира. А насадская магия была чужой, и Хозяин чувствовал исходящую от неё опасность. И вместе с этим, он также чувствовал, что это правильно. Он просто физически ощущал, что эта сила гармонизирует силу, которой обладала таинственная жидкость в его пещере. И что появление магии насада — закономерно. Может, просто она еще не успела пропитать этот мир, чтобы стать «своей», как некогда видимо сделала эта его магия?

Одни вопросы и догадки. И понять происходящее Кошчи сможет, лишь окунувшись в самую гущу событий. С одной стороны, назревает конфликт между государствами. Все три

намерены объединить других под своей властью и тайно готовят войска. Или не совсем тайно, скорее нагло, как поступает Насад. Остальные еще не верят, что война уже началась, но несомненно их этот план устраивает, ибо каждый видит себя победителем. Но это все фасад. Что на самом деле стоит за неожиданной агрессией Насада? Почему при явной атакующей политике Насада насадские маги продолжают работать на всех, кто платит деньги?

Кошчи принял решение. И чтобы его осуществить, ему необходимо затаиться, исчезнуть, стать неузнаваемым. Но только внешне, не затрагивая глубины своей личности. А значит его сила тут не поможет. Опасно, ибо еще долгое время все маги будут чувствовать её, словно запах свежеспеченного хлеба. То есть магию вообще применять нельзя, если он хочет проникнуть в Насад незамеченным его многочисленными магами, в силе которых сомневаться не приходилось. И тут, как нельзя кстати, пригодится талант Монти:

— Эй, приятель, — дружелюбный тон Хозяина подействовал на матросов, как бочка айварского пива: они расслабились и заулыбались во весь рот. — Нравится мне твои способности! Можешь применить их ко мне? Мне нужно стать незаметным... среди насадчан. Некоторое время мне придется обходиться без своей силы.

Арбучо и Монти тревожно переглянулись: Хозяин опять чего-то задумал. Но выяснять было совершенно бесполезно. Они знали, если Кошчи сразу не поделился мыслями, то объяснений не жди не при каких обстоятельствах.

— Насад? — растерянно спросил Арбучо, пока его приятель работал с внешностью Хозяина. — Но как же мы без магии попадем туда с этого острова?

— Не волнуйся, — улыбнулся Кошчи неузнаваемыми тонкими губами изящной формы. — К вечеру к берегу причалит пиратское судно...

К счастью, способность видеть некоторые вещи не требовала от Хозяина проявления его силы.

Арбучо кивнул и, оглядевшись, выбрал длинную жердь, видимо принесло волнами с разбитого недавно суденышка. Примотав к кончику свой короткий пиратский нож, он отправился на рыбную ловлю. Благо, гарпуном он орудовал не хуже меча. И еще задолго до вечера у них был превосходный ужин из трех упитанных рыбешек, которым не посчастливилось в это время лакомиться сочными водорослями на мелководье крошечного залива.

Золотистый загар на толстом теле Арбучо чуть мерцал красноватым оттенком: то ли от заходящего солнца, то ли от затихающих языков пламени. Воин недовольно сопел и бросал недоуменные взгляды на высокого брюнета средних лет, изящного телосложения и насадскими тонкими чертами лица. Но не смел больше задавать вопросов. В конце концов, он сам добровольно пошел на службу к Хозяину, и одним из обязательных условий было умение держать язык за зубами. А здравый вояка и так опасался, что позволил себе несколько больше положенного. Но тревога его не пропадала ни на секунду. Так уж вышло, что Хозяин, такой всемогущий, но такой одновременно... не то что слабый, но словно потерявший себя. Он находился под молчаливой опекой всей команды, все его любили. Просто так, ни за что, как любят красивые цветы, сочный закат или изящный изгиб називийского меча. Интересы и планы Кошчи всегда были выше понятий простых моряков и те изо всех сил старались защитить своего могучего господина, которого не беспокоила такая мелочь, как неудобства, голод, смерть... Особенно его собственная.

Пока Арбучо спокойно ерзал у костра, Монти лишь любовался своей работой. Он

видел насадского мага и постарался придать лицу Кошчи даже выражение юноши, конечно с поправкой на возраст. То, что он сотворил, по его мнению было бы внешностью мага, если бы тот прожил еще лет пятнадцать. Монти не особенно заботило, что будет завтра. Лишь бы это завтра было в команде Кошчи. Такой интересной его жизнь не была никогда, хотя еще не так давно он мог бы поклясться, что жизнь его на «Альбине» совершенна. Но при встрече с Хозяином он понял, как ошибался, что не жил, а просто существовал по плану: работа, деньги, шлюхи, работа... А теперь вся их деятельность была посвящена каким-то высоким целям и каждый шаг оставался в истории. Монти был счастлив и молил богов, чтобы Кошчи был с ними всегда, хотя и понимал, что вся «Альбина» — лишь краткий миг в жизни Хозяина.

Когда море быстро поглощала оставшуюся краюху усталого красного светила, сбылось предсказание Кошчи: к заливику причалила неожиданно вынырнувшая из-за скалы пиратская шхуна. Костерок давно потух. Сидящие в гроте ничем не выдавали своего присутствия, пристально наблюдая за пришельцами. Кошчи предстояло впервые за многие столетия стать простым смертным и без воздействия силы убедить не самых дружелюбных людей взять их на свой корабль.

С корабля в сторону островка приближалась шлюпка. В ней Кошчи разглядел четырех гребцов, одного пирата в черной одежде и красном богато украшенном сюртуке, видимо капитана, и связанного на дне лодки. Он поделился увиденным с матросами, ибо те не обладали его способностью так четко видеть в быстро сгущающейся темноте.

— Перебьем их, — хрипло предложил Арбучо. — Без капитана будет проще завладеть кораблем...

— Нам не нужно им владеть, — бесстрастно возразил Хозяин. — Нам нужно наоборот...

— Чтобы нами завладели?! — громким шепотом спросил Монти. Он был солидарен с мнением товарища: пираты нападают на всех, кто не нападает на них. И в любом случае будет битва. И реально смотря на вещи, он надеялся, что победа будет за ними. Что значат четверка разгильдяев и разряженный петух против него с Арбучо, даже если не принимать в счет Хозяина. А связанный явно будет на их стороне при захвате корабля и расскажет все слабости команды.

...Чтобы мы вписались в команду, — все так же бесстрастно закончил фразу Кошчи. — Мы потерпевшие крушение моряки, такие же пираты как они.

— Даже при таком раскладе они нас просто убьют, — уверенно возразил Монти. — Или возьмут в плен и продадут в ближайшем порту в рабство. Это же кодекс...

— Знаю, — спокойно улыбнулся Хозяин. У Арбучо от этой улыбки мурашки по коже пробежали. — И знаю также еще кое-что, что будет очень интересно капитану этого пиратского суденышка. Оставайтесь тут и ничего не предпринимайте, чтобы не случилось. Когда я подам знак, спуститесь к нам.

Хозяин твердою походкой направился к уже причалившей лодчонке. Матросы уже вытаскивали связанного под ноги явно скучающего капитана. Бросив извивающийся сверток, они вновь направились к лодке, чтобы вытащить из неё еще одного связанного по рукам и ногам человека. Кошчи замедлил шаг: это явно была женщина. Она не извивалась, не сопротивлялась и даже пыталась гордо пройти несколько шагов сама, но запутавшись в веревках и подоле, рухнула сверху на первого пленника. Пираты громогласно загоготали.

— Ну привет, старина Хенси, — добродушно произнес Кошчи и по-дружески хлопнул

плечо высокого худого капитана.

Тот от неожиданности высоко подпрыгнул, что-то пискнув и, не удержавшись, свалился прямо на бедную женщину. Матросы в мгновение ока ощерились саблями.

— Какой радужный прием, — усмехнулся Кошчи. — Впрочем, другого я и не ждал.

— Ты кто такой? — капитан, устыдившись проявленной при команде слабости, вскочил и оправил свой роскошный сюртук. Потом зло пнул лежащих, и снова обратился к Хозяину, высокомерно осматривая того с ног до головы: — И как смеешь ты обращаться ко мне по имени? Я тебя не знаю...

— Не важно, — очень тихо ответил Кошчи, не обращая ни малейшего внимания на острия сабель, что окружали его со всех сторон. Он обращался только к Хенси: — Зато я тебя очень знаю, и знаю твои про твои делишки с тайной стражей. Ты хочешь, чтобы об этом узнала твоя команда? Как они одобряют капитана, что выдает охотникам на пиратов местоположение...

— Молчи, — побледнел Хенси. И громко добавил: — А, старина! Привет, как я мог тебя не узнать! Никак эта чертовка, — он снова пнул стонущую женщину, — отвела мне глаза! Это мой старинный приятель, — обратился он к своей команде. — Э...

— Коул, — Хозяин изящно поклонился, касаясь грудью сабли ближайшего пирата.

Моряки, ворча и плюясь, неохотно убрали сабли. Кошчи с любопытством склонился над пленниками. Могучий мужчина, явно цыганской наружности и хрупкая женщина с упрямым выражением на некрасивом длинноносом лице.

— Кто это? — спросил он капитана, у которого на лице боролись два чувства: то ли убить этого наглеца сразу, то ли играть роль радушного хозяина дальше.

— Это ведьма и её телохранитель, — хмыкнул он, пока выбрав второй вариант. — Вот, хотим устроить праздник: говорят, когда сжигаешь ведьму ночью, с неба падают звезды...

— Сжигаешь? — Кошчи удивленно приподнял бровь. Это было странно, пираты иногда нанимают ведьм на суда, чтобы противостоять охотникам, в составе команды которых частенько были маги. Да и из тумана проще выбираться, и погоду предсказывать. Очень полезные дамочки, ибо мужчин-магов пираты никогда не возьмут на судно, опасаясь, что это лазутчики короля. Да и женщина на судне часто может пригодиться, благо ведьмы, обладая обычно непривлекательной внешностью, не избалованы мужским вниманием. А матросам в долгом плавании часто наплевать, как выглядит их избранница. Да и денег ведьмы за это не берут. — Зачем? Надоела команде? Или тебе отказала?

Последние слова Хозяина вызвали взрыв смеха у его матросов. Хенси криво усмехнулся, с ненавистью буравя близко посаженными глазками Кошчи. С трудом проглотив издевку, он объяснил:

— Завела нас сюда, хотя нам совсем в другую сторону! Мы по её милости такой крюк сделали! — он снова пнул уже не подающую признаков жизни женщину. — И это при такой хорошей погоде! Да я на лоцмана мог бы спокойно положиться! Нет, слушал эту чертовку! Может, она нас хотела завести в ловушку, да я вовремя понял...

И осекся, чуть побледнев, глядя за спину Кошчи. Тот понял, что Арбучо и Монти не дождавшись приглашения, решили спуститься на свой страх и риск. Впрочем, они как раз оказались кстати.

— А это мои спутники, познакомьтесь, — невинно улыбнулся он капитану. — Наше судно следовало в Насад. На борту было много красивых женщин, коллекция древних називийских мечей с одного очень богатого суденышка... Хозяину было больно с ним

расставаться, — он хищно усмехнулся, — настолько больно, что он умер, истекая кровью. Но на нашем судне не было ведьмы, увы, капитан сэкономил на этой части кодекса. И поплатился в Лорвенском заливе нас настигла буря. А тамошние скалы вы и сами прекрасно все знаете... Вся команда погибла, а нас, чудом уцепившихся за остаток мачты, отнесло сюда течением... Так что ваша ведьма не только спасла вам жизнь и корабль, сделав крюк, но и спасла ниши жизни, ибо этот островок редко кто посещает...

— Вот как... — протянул Хенси. Он с сомнением оглядывал Кошчи и его спутников, решая верить им или нет. Внешность у них была самая разнообразная, причем чувствовалось, что они все хорошо владеют оружием и не новички в морском деле. И скорее всего они на самом деле пираты. Единственно, что напрягало Хенси, так это осведомленность Коула в его делах. Он или состоит в тайной страже... тогда что его занесло на этот необитаемый островок? Либо же он такой же осведомитель, как и сам Хенси. Что по мнению капитана было гораздо более вероятно: человек с внешностью насадчанина никогда не попадет в тайную стражу, уж больно они выделялись из толпы.

— Хорошо! — широко улыбнулся он. — Хорошо, что мы избежали смертельно-опасной бури и спасли моего дорогого друга! Это стоит отпраздновать!

Он хлопнул Кошчи по плечу и повел его к лодке.

— Ты ничего не забыл? — подмигнул ему Хозяин.

— Ах да, — Хенси хлопнул себя по плечу. И презрительно бросил: — Развяжите их, пусть живут! Но если еще раз эта ведьма будет меня обманывать, даже для моего блага, я её точно сожгу!

Лодка под тяжестью гостей значительно осела, но выдержала. Правда Арбучо чуть не перевернул её, когда садился. Покраснел: даже маскировка не спасла его от проявлений кожи, присущей рыжему человеку. И всю дорогу ворчал про худое снаряжение и не просмоленные вовремя лодки.

А Кошчи в это время ловил на себе горящие, полные благодарности взгляды, бросаемые на него суровой ведьмой, которая оказалась еще молода и почти привлекательна, если бы не слишком длинный нос. И заодно выслушивал поддевки совсем расслабившегося капитана насчет «бурной ночи», которая ему якобы предстоит теперь.

Но главное, что он сумел, не пользуясь магией, проникнуть на судно. Конечно, ведьма чуяла, что он непрост, но след от недавних заклинаний окончательно выветрится, когда он попадет в Насад и он получит там ответы на свои тревожные вопросы.

Х

Несмотря на вечер, не спеша накидывающий на мир фиолетовое покрывало, Марита не спешила останавливаться на ночлег. София догадывалась, что для цыганки любая опушка может стать пристанищем, поскольку крыша над головой — вот она, свёрнутая на дне таратайки. Впрочем, цыганка не делала большого секрета из своей осторожности:

— Видишь ли, подруга, — охотно делилась она с девушкой, — Ты уже поняла, наверное, что нам удалось сыграть по-крупному. Ставка здесь — не меньше, чем свобода. С твоей помощью мы огребли полсотни монет, а могли оставить голову. Я мало знаю про Хозяина, но, кажется мне, не простой человек этот толстяк, его стоит бояться. А уж кого боится он — вон, только Черныш знает!

Кот, дремлющий на коленях Софии, двинул ушами — знаю, мол...

— Одно мне непонятно, — продолжала Марита, — Что это за Хозяин такой? Я ведь не здешняя, мы издалека прикочевали. Там про него тоже знают, но рассказывают какую-то

чушь... Мы, цыгане, народ непростой, со всякой чертовщиной знаем, но тут что-то вообще непонятное...

Софии очень хотелось рассказать новой подруге, о том, что Хозяин совсем не страшен для друзей, о том, как он несчастен в своём замке в полном одиночестве, но что-то необъяснимое заставляло её крепче стискивать зубы при упоминании родного имени. Родного?.. Эта мысль посетила девушку впервые. Она никогда не задумывалась о том, что их связывает, то, что когда-то она предлагала себя в жертву — вспоминалось с улыбкой... София вдруг ощутила себя как-то иначе, найти Хозяина, вернуть привычный жизненный уклад показалось ей делом величайшей важности. А для этого надо...

— Марита, куда ты собиралась сейчас направиться? — перебила София очередной монолог цыганки. Услышанное вполне её устроило — родной город оказывался в стороне, а вот до замка Хозяина было относительно недалеко. Во всяком случае — расстояние её пугало меньше всего. Что-то происходило с порядочной городской девушкой, воспитанной в уважаемой семье...

Несколько дней поездки пролетели незаметно. Девушки привязались друг к другу, София научилась многим вещам, незнакомым горожанке, Марита узнала много нового о родном городе подруги. Правда, София умолчала, что город — её родной, соврала, что часто бывала в нём с тётушкой. Что-то подсказывало ей: чем меньше ненужных подробностей будет знать цыганка, тем безопаснее будет её пребывание в этих местах. Когда же дорога достигла пологих горных склонов, заросших лесом, девушка решительно попрощалась с гадалкой.

— Знаешь, София, а мне тебя будет не хватать, — грустно заметила Марита, остановив повозку и, несмотря на возражения Софии, уложила для подруги дорожный мешок. Помимо каравай хлеба и половины головки сыра в нём нашлось место для уже знакомой накидки, двух фляжек — с водой и с вином. Поверх всего лёг небольшой старенький нож в потёртом кожаном чехле.

— Прабабушкин, — пояснила цыганка, затягивая горловину мешка, — Пригодится.

Она приладила девушке котомку: цыганский мешок носился на боку, через плечо.

— Эй, а ты куда? — воскликнула Марита, едва снарядив Софию.

Черныш вдруг покинул повозку и устроился на мешке, под рукой у девушки. На возглас бывшей хозяйки отреагировал высокомерным фырканьем, а когда та попыталась силой вернуть его на место, выпустил когти. Впрочем, до кровопролития дело не дошло, а дальше Черныш несказанно удивил обеих девушек. Лишь только огорчённая Марита отступилась от бывшего питомца, кот громко мяукнул и из-под тряпья на самом дне повозки выбрался маленький чёрный котёнок. Вполне по-хозяйски он прошествовал по бортику и потёрся об руку ошарашенной цыганки. Где и когда Черныш нашёл себе преемника, как ухитрился спрятать, а главное, каким образом передал свои обязанности — ответа на эти вопросы можно было требовать только у самого кота, а он, понятное дело, предпочитал хранить свои секреты. Но Марита, обнимая на прощанье подругу, всё-таки не удержалась:

— Ох, не проста ты, София, совсем не проста! Сдаётся мне — я о тебе услышу, и мне ещё завидовать будут...

К воротам Замка девушка подошла после полудня. Она уже и не помнила — когда была здесь прошлый раз. События, дни — всё смешалось в причудливом водовороте, ещё раз разделив время на «сейчас» и «раньше». Нынешняя София заметно отличалась от тихой

городской девушки, а испытания, выпавшие на её долю, наложили отпечаток даже на внешность. Ворота оказались приоткрытыми, впрочем, это не играло большой роли — посягнуть на жилище Хозяина мог только отъявленный самоубийца.

— Войдём, Черныш? — предложила София. Кот легко спрыгнул на землю и неторопливо проник за ворота. Всё во дворе было, как при Хозяине, так же пусто и тихо. Девушка по привычке прислушалась, но насмешливого: «Входи, жертва!» не прозвучало... Стало быть — они с котом одни. Однако Софию это не смутило. Во время последних посещений Замка она заметила, что стала чувствовать себя здесь совершенно непринуждённо. Хозяин тогда подтвердил — да, Замок принял её как свою и сделает всё, чтобы пребывание в этих стенах было приятным и необременительным. Вот и сейчас — двери распахнулись при её приближении, стол в главном зале украшала ваза с фруктами, неприметная ранее дверца привела в комнату, как нельзя более подходящую для молодой девушки. А Черныш, угостившись молоком из невесть откуда взявшейся на полу плошки, уже возлежал на словно специально для него подготовленной подушке и с нескрываемым пренебрежением следил за мышкой, поблёскивающей глазками-бусинками из угла.

Именно эта мышка и убедила девушку окончательно, что она — дома. Пусть дом не свой, но здесь ей рады, здесь её ждут. Первый раз многие дни она уснула спокойно, и улыбалась во сне.

Утро принесло новые сюрпризы. С удовольствием позавтракав, София только раздумывала, чем бы заняться ей в ожидании Хозяина, как вдруг верный Черныш, дремавший на полюбившейся подушке, приоткрыл один глаз и негромко мурлыкнул. В тот же момент раздался робкий стук в ворота. Как девушка, находясь за толстыми стенами, могла его услышать — ей самой было непонятно, однако почему-то стало ясно, что бояться нечего. На всякий случай спрятав лицо под накидкой, София вышла к воротам. Перед ними переминался с ноги на ногу мелкий невзрачный мужичок. Увидев выходящую к нему девушку, он несколько оторопел, однако, снимая шапку и кланяясь, вздохнул, похоже, с облегчением.

— Доброго утрачка, госпожа, — зачастил он писклявым от страха голосом, — А не скажете ли вы мне, не могу ли я с просьбой к Хозяину обратиться?

— Хозяин в отъезде, добрый человек. А в чём твоя просьба, может, я смогу тебе помочь?

— Ох, добрая госпожа, не стал бы я Хозяина ерундой тревожить, да только беда мне! Меня Крохом кличут, я за амбарами господина Будона присматриваю. Так в последние дни мышей как ветром нанесло! Кошек господин Будон не жалует, а за потраву зерна грозиться с меня взять, дескать недосматриваю. А у меня детишек шестеро, жена седьмого носит, каждая медяшка на счету. Пропадём боюсь, не только ведь рассчитает, а прочь прогонит...

— Чем же тебе помочь? — задумалась, было, София, — Против мышей лучше кошек ничего нет, но раз твой господин так неразумен...

В этот момент из ворот выскользнул Черныш. В зубах у него был зажат мышиный хвостик. Сама мышка висела не шевелясь, изображая полную покорность судьбе. Кот остановился, аккуратно опустил свою жертву на песок и пристально посмотрел на Кроха. Мужичок снова стухнул, обильно покрывшись потом. Мышка, тем временем, села на задние лапки, умылась и, укоризненно взглянув на Черныша, юркнула в траву.

— ...Так попробуем договориться с самими мышами! — по наитию воскликнула София, с огромным удивлением наблюдавшая за этой сценой. Она наклонилась, погладила Черныша

и сказала Кроху:

— Ступай домой. Думаю, твои дела наладятся. Если захочешь — приходи через недельку, расскажешь как пошли дела.

Мужичок, усиленно кланяясь, попятился к тропе, ведущей в город, а София, очень довольная собой и своим помощником вернулась в Замок. Что-то подсказывало ей, что поступила она правильно.

Первая встреча оказалась отнюдь не последней. Уже ближе к вечеру девушка решила погулять в окрестностях Замка и встретила на лесной тропе зарёванную девчужку. Оказалось, та пришла почти из самого города, путь для ребёнка, прямо скажем, неблизкий. Пока Черныш, старательно изображая из себя домашнюю киску, мурлыкал у неё на коленях, Софии удалось выяснить, что девочку загнали в лес соседские мальчишки. В этой части леса она никогда не была, тем более — одна, поэтому легко заблудилась.

Понимая, что обратного пути малышка не осилит, София решила спуститься с ней к морю, в надежде встретить рыбаков, которые смогут отвезти девочку поближе к городу и проводить домой. Как ни странно — на песчаном пляжике за скалами заканчивала отдых целая рыбацкая артель — пять больших лодок и множество народу.

Рыбаки вежливо приветствовали Софию, выслушали её просьбу и охотно согласились помочь. Две стряпухи, только что накормившие артельщиков обедом, с охами и ахами, утащили малышку к ещё горячим котлам, толстый парень вспомнил, что видел эту девчужку в пригороде, где живёт его невеста, и сам вызвался проводить до дома. Когда же София объяснила причину, по которой маленькая заблудилась, к толстяку решили присоединиться два его младших брата. Тот довольно ухмыльнулся и пояснил девушке, что у них в семье ещё четыре младших сестры и, благодаря близнецам вся улица знает, что девочек обижать нельзя.

В довершение всего — девчужке подарили щенка. Рыбаки рассказали, что нашли его посреди моря на обломке корабля, видать — пережил кораблекрушение. Щеночек неизвестной породы был уже ростом по пояс своей новой хозяйке и обещал, видимо, подрасти ещё. А пока — с весёлым тьяканьем носился вокруг, вызывая неодобрительное шипение Черныша.

Так началась жизнь Софии в Замке. На роль Хозяина она не претендовала, объясняя всем пришедшим за помощью, что он в отъезде. Но, странным образом, девушке удавалось выполнить все просьбы, для каждого находился нужный совет. По окрестностям расходилась молва о Мудрой Деве из Замка Хозяина. А из окрестностей доходили слухи о том, как мыши покинули амбары зерноторговца Будона и вольготно расположились в его собственном доме, отчего тот уже через неделю был вынужден изменить своё неприязненное отношение к кошкам.

Дошла весть и о крупной мальчишеской драке в пригороде, из которой пострадавшими вышли вовсе не три несовершеннолетних жителя рыбацкого посёлка, а всё юное население местной улицы.

XI

Хенси уже не нервничал. Все складывалось вполне удачно. Как говорится, и пираты довольны — баба снова на борту, и его авторитет не пошатнулся. Хотя, мог бы, увы: незнакомцы были весьма подозрительны. Но при всей своей подозрительности, капитан был самоуверен. Не станет один осведомитель подставлять своего коллегу... если конечно, сам хочет жить долго и желательно счастливо. Пираты не пощадят ни его, ни незнакомца-

насадчанина, если правда выплывет наружу.

Впрочем, на месте Коула, он бы и сам поступил так же. Иначе — смерть. Либо быстрая, ибо пираты терпеть не могут себе подобных. Особенно ночью на необитаемом острове. Либо медленная и мучительная на оном острове, если не воспользоваться случаем проникнуть на корабль. Либо, ежели очень сильно повезет, то в живых останешься... правда ненадолго. Ибо век раба короток и мучителен.

Хенси немного ревниво покосился на Коула: тот вальяжно расселся на предложенных командой мягких шкурах и развлекал команду различными байками. А жизнь у насадчанина была весьма ими насыщена, судя по всему. Капитан усмехнулся: и хоть Коул ни словом пока не обмолвился о своих способностях, Хенси очень надеялся, что перед ним не просто пират, а маг. Поскольку, судя из рассказа, его предыдущий капитан не нанимал ведьм, а нанял Коула, значит тоже имел представление о его силе. А то, что сила имеется, капитан догадывался по взорам, которые бросала на Коула спасенная им ведьма. Так они смотрят только на представителей мужского пола, обладающих силой, не банальной физической.

Итак, Коул скрывал свои способности. И еще не понятно, почему он позволил... а скорее всего напрямую повел на гибель корабль своего предыдущего хозяина. Хотя, тут Хенси догадывался: работа осведомителя несколько шире тупого стукачества и порой приводит к прямым действиям. Кому-то этот злосчастный капитан не угодил...

Но главное, от незнакомца веяло тайной... и огромными деньгами. Тайны Хенси любил и сейчас с деланно равнодушным видом прислушивался к байкам Коула. Но несомненно больше всего на свете его прельщали несметные богатства, ради которых он собственно и жил. И каждую ночь он видел во сне, как на него падает ливень золота и драгоценных камней. Не тратить, но обладать которыми Хенси мечтал всю свою сознательную жизнь.

Капитан небрежно перевел взгляд на спутников насадчанина: в другое время он бы с радостью принял на борт этих ребят. В его команде таких головорезов наблюдалось, увы, немного. И каждый месяц Хенси выискивал подобные бриллианты среди отморозков, что хотят наняться на пиратский корабль для скорой наживы. Эти ребята занимались подобным делом из любви к искусству. Но в данных обстоятельствах, Хенси доверял им меньше всего, даже меньше, чем Коулу. Ибо, с первого взгляда ясно, что они с магом давно вместе и преданны ему всей душой. Так что, скорее всего, не поддадутся ни на какие посулы, и даже на реальные деньги.

Хенси завистливо вздохнул: подобного отношения в его команде не наблюдалось. И даже больше, загадочная харизма Коула обратила на его сторону заиндевшие сердца его разбитной команды.

— Ох уж эти сказочки, — раздраженно проворчал Хенси, отворачиваясь от той идиллии, что предстала перед его глазами: открытые рты и распахнутые в восторженном внимании глаза здоровенных грязных полуголых мужиков. — Ох уж эти сказочники!

Поднявшись, он нехотя пошел немного размяться, и заодно отвести душу, может, наорав на членов команды, имевших несчастье быть занятыми на вахте.

Монти со скучающим видом оторвал свой зад от мотка канатов и неслышной тенью скользнул следом. Арбучо продолжал сидеть на месте, неподалеку от Хозяина, с сопением буравя недоверчивым взглядом молодую ведьму. Та, не смея приближаться, ходила кругами неподалеку, жадно прислушиваясь к каждому слову Кошчи. Огромные черные глаза на вытянутом лице выражали смесь немого обожания, почти преклонения и простой человеческой страсти.

Арбучо переживал: кажется, Хозяин забыл, что он на чужой лодке. Конечно, в период бытности его на Альбине, он часто так проводил ночи, к радости всей команды и недовольству капитана. Ведь Кошчи нет необходимости во сне, в отличие от всех смертных. И наутро команда была квелая, рассеянная, а Кошчи как всегда бодр и полон сил. Бравому матросу казалось, что Хозяин выдает себя. И эта... как кошка драная, все глаз с него не спускает. Эх, спустить бы её за борт... желательно, как следует перед этим размахнувшись. А то знает он этих... выплывет, и еще и корабль догонит. У них, на Архипелаге, таких к лошадям привязывали и отпускали в чисто поле.

Рядом опустился неслышно подошедший Монти. Он небрежно похлопал друга по плечу, призывая успокоиться. Не любил Арбучо настойчивых дамочек. Даже к шлюхам ходил лишь за компанию. А если выпьет, то дама всегда оставляла на своем теле память о грозном вояке: то фингал под глазом, то красочную россыпь синяков на запястьях. Вся команда всячески пыталась повлиять на своего товарища: многие бордели потом закрывали перед ними двери «за подпорченный товар», но Кошчи лишь смеялся, призывая «оставить бедолагу наедине с детскими комплексами». Мол, надоест самому, разберется!

Арбучо вопросительно посмотрел на приятеля, тот кивнул головой в сторону капитанской каюты. Хенси отбыл на покой. Ведьму подцепил за локоток тощей юнга и, смачно сплюнув, кивнул на закрытую дверь, за которой скрылся капитан. Молодая женщина, понурившись, обреченно поплелась в указанном направлении.

Арбучо облегченно вздохнул, не обращая внимания на гаденькое хихиканье приятеля.

— Пошли спать, — шепнул Монти, вдоволь насладившись предсказуемым поведением матроса. — Сдается мне, не просто так Хозяин зубы им заговаривает...

— Думаешь? — Арбучо озадаченно почесал затылок: ему такая мысль в голову не приходила. А ведь и верно, с чего бы Кошчи баловать чужих людей, он и своим такие вечера устраивал лишь только в благом настроении, да после очередного удачного исполнения своих чудных планов.

Наутро, как и ожидал Арбучо, вся команда была сонная, люди еле двигались, отчаянно вращая красными глазами. Матрос хмыкнул: да с перепоею люди смотрятся здоровее. Хенси, злой, как сорвавшийся с цепи голодный пес носился по палубе, орал на все, что еще шевелится, яростно пинал то, что уже нагло храпит.

Кошчи насмешливо наблюдал за всем этим безобразием со спокойствием сытой кошки за мышинной возней. Арбучо и Монти подобрались к нему вплотную и всем своим видом выражали готовность исполнить любой приказ. Проносившийся мимо, красный от бессильной ярости, капитан, резко затормозил и уставился на компанию. Внезапно он побледнел, страшная догадка озарила его излишне изворотливый ум: его обхитрили! Теперь такой добренький и умный в глазах команды Кошчи может с легкостью перетянуть его людей на свою сторону. А он, явно проигрывающий в сравнении, канет за борт и никто больше и не вспомнит о капитане Хенси!

Но Хозяин лишь только чуть усмехнулся: мысли капитана не остались для него загадкой, впрочем, он и ожидал такой реакции. Но сейчас ему совсем не это было нужно:

— О, капитан! Доброе утро, надеюсь, ночь прошла... бурно? — насмешливо спросил он, чуть поклонившись.

Хенси перекосялся в лице, теперь абсолютно не понимая, куда клонит Коул. Почему его так интересуют мирские утехы? Или он и сам планировал провести ночьку с зажигательной ведьмой? Может, потому и недоволен, что капитан лишил его прав спасителя? Почувствовав

превосходство, Хенси сразу расслабился и распрямил грудь:

— Да недурно, — хохотнул он. — Баба поди до вечера дрыхнуть будет!

Кошчи полюбовался видом породистого петуха, который так рьяно демонстрировал капитан, а потом как бы невзначай обронил:

— Кстати, дружище, а что там за сборище? Не знал, что у нас будет встреча старых приятелей...

И кивнул в сторону горизонта, где глазастый Монти уже давно заметил три бригантины со спущенными флагами, но беспокойства не выражал. Он знал, что Хозяин всегда в курсе приближающихся кораблей еще задолго до того момента, когда впередсмотрящий увидит их в подзорную трубу. Но сейчас он даже не думал пялиться вдаль, мирно сопя вдали от разъяренного капитана.

Хенси судорожно сглотнул: похоже, Коул завел его в ловушку! Команда недееспособна, от быстроходных бригантин ему не ускользнуть, боя не выиграть. Что на уме у хитрого насадчанина, и почему он так хладнокровен?

— Что тебе нужно? — не выдержав, хрипло спросил Хенси, тяжело осев на деревянный пол. — Кто они? Твои приспешники? Охотники на пиратов? Ты получил приказ на мое уничтожение? Говори!

— Ладно, — неожиданно легко согласился Коул и присел рядом с Хенси, не обращая на начинающуюся панику никакого внимания. Он тихо, но очень четко ответил на каждый вопрос: — Мне нужно, чтобы ты расплатился. Они не мои приспешники, и не охотники на пиратов и я не получал никаких приказов, ибо не следую ничьим приказам, кроме своих. Это просто твои конкуренты, пираты, которым давно не нравится, что ты не следуешь кодексу, что сбиваешь цены и подставляешь их. А особенно, что служишь королю, ибо это давно не тайна, увы...

— Как ты все ловко провернул! — капитан истерически рассмеялся. — Это ж надо додуматься — и ведьму, и команду... Расплатиться. За что я должен расплатиться? Что я тебе такого сделал?

— Не знаю, — бесстрастно пожал плечами Кошчи. — Хоть я и не пользуюсь магией, но выполнение миссии моей никто не отменял. Все должно быть в равновесии и мы встретились не зря... хотя, я правда чувствую некоторое удовлетворение от происходящего, ибо где-то наверняка наши пути пересекались.

— Кто ты? — расширившимися от ужаса глазами Хенси буравил незнакомца. Сейчас, на пороге неумолимой смерти, а другого от подельников ждать не приходилось, капитан почувствовал ледяное дыхание, исходившее от незнакомца. Он вполне мог себе представить его, тощего, в черном, с косой... Воображение писало страшные картины и жутко хотелось сорвать с Коула полумаску, чтобы убедиться, что у того нет носа или глаза горят настоящим огнем.

— Я? — Кошчи пожал плечами. — Хозяин.

Поднявшись и больше не обращая на Хенси никакого внимания, Кошчи увлек друзей за собой в капитанскую каюту. Судно готовилось к обороне, но любому было ясно, какой исход им предстоит. И настроение обреченности витало в воздухе. Но в каюте они словно попали в другой мир.

Да, Хенси любил окружать себя роскошью. Комнатка была полностью устлана роскошными коврами, здесь были представители рукодельного искусства со всего света: и белоснежные, словно мягкие шкуры зверей, с высоким ворсом, ковры ручной работы с

островов Нои, и пестрые, жесткие, как циновки, но удивительно гармоничные по цветовой гамме, коврики в северного Архипелага. Здесь царила тишина: сквозь такой слой ковров не проникал ни единый звук с палубы... и отсюда, наверняка, не проникал ни один звук. Из мебели были лишь многочисленные сундуки, да посередине комнаты царственно возвышалась королевская кровать с множеством балдахин, подушек, роскошных одеял.

Кровать была пуста. Кошчи растерянно моргнул: как же он мог упустить тоненькую ведьмочку? Хотя, она вполне могла воспользоваться каким-нибудь заклинанием, а он сейчас был вполне незащищен перед чарами.

— Что дальше, Хозяин? — деловито спросил Монти, баррикадируя дверь тяжелым сундуком. Арбучо деловито обшаривал комнату в поисках оружия.

— А вот и не знаю, — растерянно пожал плечами Кошчи. Чего он не ожидал, так это срыва плана, ибо лет пятьсот такого просто не могло случиться.

Монти побледнел, но вид имел решительный:

— Будем сражаться!

Хозяин весело рассмеялся и одобрительно похлопал матроса по плечу. Он хотел сказать, как рад тому, что в определенный промежуток жизнь столкнула его с такими славными ребятами. Ибо, он скорее всего пожертвует ими ради достижения своей цели. Как его перебил красноречивый и многообразный мат, которым Арбучо охаживал что-то за дальним сундуком.

Через секунду Кошчи стала понятна причина его недовольства: матрос за ухо вытянул из-под старого линялого ковра нечто черное, мятое, бесформенное. Нечто пищало и извивалось, и на поверку оказалось заспанной ведьмой. Видимо, капитан не позволял даже дамам разделять с ним королевское ложе, предпочитая держать оных в черном теле, и явно специально заведя для таких целей старый ковер, выбивающийся из общей роскоши обстановки.

Кошчи облегченно вздохнул: теперь не придется никем жертвовать, все его планы сбываются сами собой, без вмешательства его хваленной магии. Во всяком случае, он надеялся, что это так.

— Отлично, — Хозяин довольно потер руки. — Арбучо, отпусти ушко дамы, пока не оторвал.

Матрос, набывшись, весьма неохотно разжал пальцы. Недобро сверкая на него глазами, ведьма потеряла распухшее ухо и быстро пробралась к Кошчи.

— Мне нужно, — холодно приказал Кошчи, не замечая, с каким обожанием смотрит на него женщина, — немедленно покинуть корабль. Быстро, незаметно. Справишься?

— Но я думала... — растерянно протянула женщина.

— Некогда, — отрезал Хозяин. — Либо да, либо нет.

— В принципе могу, — она задумалась, потирая свой длинный нос. — Будет сложно... особенно этого.

И ведьма неприязненно мотнула головой в сторону мощного Арбучо. Тот недовольно засопел, лицо его приобрело багровый оттенок.

— Действуй, — жестко велел Кошчи.

Время поджимало. Он уже чуял запах крови, проникающий в каюту с палубы, хоть и не слышал шума борьбы. Через секунду весь корабль содрогнулся: заговорили пушки. Ведьма взвизгнула, вцепившись в черные волосы, заметалась по каюте. Арбучо с удовольствием отвесил ей оплеуху.

— Чтобы привести в чувство, — пожал он плечами в ответ на укоризненный взгляд Монти.

И хоть ведьму мотнуло от удара на противоположную стену, она правда передумала устраивать истерику. Бросив затравленный взгляд на забаррикадированную дверь, она спешно начала копаться в многочисленных мешочках, что обильно украшали её пояс и юбки. Монти покачал головой: если убрать все эти приправы из костюма ведьмочки, от неё совсем ничего не останется, такой тощей была женщина.

— Нужен огонь, — бросила она, не отвлекаясь от травок. По каюте уже распространился пряный запах незнакомых растений.

Кошчи, не долго думая, метнул тлеющий фонарь на роскошную кровать капитана. Вялые искры, получив в питание такой благодатный материал, расцвели веселыми язычками пламени, побежали по расшитым золотом подушкам, азартно взобрались по балдахинам.

Ведьма оглянулась на разгорающийся пожар. И хоть Кошчи значительно ограничил её во времени, на лице женщины пламя отразилось яростной радостью. Запретный, роскошный плод погибает и превращается в пепел. Судя по всему, от жестокого Хенси скоро тоже не останется следа, а она уходит отсюда с лучшим мужчиной на свете — в этом ведьма была абсолютно уверена!

В дверь уже начали ломиться: то ли капитан решил в последний раз взглянуть на свои сокровища, то ли уже его враги добрались до кладовой. Это уже было не важно.

В свете пламени, раскрасневшаяся, в снопе искр сгорающих пучков растений, ведьма была почти красива. Черные волосы развевались, словно от сумасшедших порывов ветра, черные глаза горели неземным огнем. Ясно было, что женщине нравится её работа. И вот уже Кошчи подхватывает тот же сумасшедший ветер, толкает в спину. Он почувствовал полет, в ушах стоял гул глухого бормотания колдуньи...

Они очутились в воздухе. Чуть зависнув, тела спутников рухнули вниз, где их разгоряченную пожаром кожу остудила в миг ледяная вода.

— Что такое? — едва не захлебнувшись, заорал Арбучо. — Мы где?

— В воде, — флегматично ответил Кошчи, без особых усилий удерживаясь на поверхности.

— Это-то понятно, — чуть остыв, пробурчал матрос.

Оглядевшись, он увидел вдалеке четыре судна. Он двух развевался дым. Но если от бригаантины исходила легкая дымка, то судно Хенси жадно охватывал черный столб.

— Вот и все, — озадаченно подытожил мокрый Монти.

Представители рыжей команды постепенно теряли свою маскировку и превращались в самих себя, а вот Хозяин каким-то чудом умудрялся не потерять грим, наложенный умелым Монти.

— И это все?! — снова заорал Арбучо. Едва державшаяся на воде ведьма сжалась в комочек и ушла под воду.

Монти вздохнул и за шиворот поднял женщину на поверхность, одновременно послав другу укоризненный взгляд.

— И нечего на меня так смотреть, — буркнул Арбучо. — Она нас чуть не утопила!

— Трудно от простой ведьмы ожидать большего, — равнодушно пробормотал Кошчи. — И то, что сделано, в принципе, уникально...

Женщина расцвела и от счастья снова ушла под воду. Монти скривился, но помог вернуться её на поверхность во второй раз.

— Хотя, — все так же бесстрастно продолжил Хозяин, — я предполагал, что мы окажемся в каком-нибудь укромном уголке одной из трех бригадин... Это было бы более эффективно.

— И менее мокро, — буркнул Монти, в очередной раз доставая ведьмочку. Та решила уже утопиться добровольно — от стыда.

ХП

Циоан важно восседал в своей карете. Его немного укачивало, но это все равно лучше, чем трястись верхом, натирая себе все причинные места. К тому же в карете он был скрыт от любопытных глаз. Сначала, он, как заправский герой, решил спасти свою будущую принцессу верхом на породистом жеребце. Но реалии дорог сначала сдули геройский ореол, запылили костюм, а потом и совсем погасили боевой пыл.

Все дело в том, что простой народ в этой стране ума явно недалекого, не знает, на что способны герои. И когда приходилось спрашивать дорогу к замку Хозяина, Циоан всякий раз с пафосом заявлял, что едет убить это чудовище и освободить народ от рабства перед этим чудовищем. Народ впадал в ступор, затем впадал в истерику, потом крутил пальцем у виска и шел дальше по своим делам. Сначала Циоан терпел, снося все на социальные унижения и простую жизнь впроголодь, снижающую умственные способности. Но потом, поразмыслив, решил молчать о цели своего путешествия, а затем вообще прятаться в карете.

Дорогу спрашивали теперь двое верных стражей, что отважились идти с ним на такое захватывающее приключение. Теперь люди с пониманием относились к вопросу и не только указывали дорогу, но и сочувствовали «делу», с которым они ехали, и даже успокаивали, мол «Хозяин разберется, не извольте переживать, Ваше благородие».

Циоан больше не прислушивался ни к вопросам, ни к трепетному бормотанию селян о Хозяине, предпочитая мечтать. Каждый раз, в легкой дреме, он представлял себе, как чудовище будет повержено, красotka кинется ему в объятия, а матушка расплачется от умиления и благословит на трон. А потом и империя к его услугам!

А вот в дорогих гостиницах, где принц останавливался на ночлег, Циоан во все уши слушал байки и песни местных сказателей о страшных деяниях Кошчи. И каждый раз крепла его уверенность в собственных силах: вот он — освободитель! Но, памятуя о реакции сельчан, благоразумно молчал.

В Арлейне, маленьком городке, который представлял по сути государство в государстве, ибо законы короля здесь не действовали, Циоан привел в исполнение свой план: отвел безумного Всериила в местную лицедейскую лавку, где из тощего слабоумного уродца сделали вполне сносную даму. А издали даже можно сказать — привлекательную! Стражники принца долго хохотали, увидев результат. И даже сам Циоан решил, что пожалуй бедолаге лучше уж навсегда остаться дамой — от них во всяком случае особого ума не требовалось!

И только Всериил молчал, насупившись — идея ему так и не нравилась. Такую надутую даму везти на свидание к Хозяину Циоан не мог. Что делать, он не знал. Но в лавке смешливый толстячок с блестящей лысинкой подсказал принцу, где в городке можно раздобыть травку одну хитрую, что сделает тощего чудика более стоворчивым...

И вот наконец, путь его подходит к концу: карету пришлось оставить где-то посередине подъема — уже не проходила в каменный проем тропинки. Циоан со вздохом пересел на посвежевшего от езды без седока жеребца. Для советника коня не было и через какое-то время пришлось думать, куда его посадить, так как ноги новоявленной красавицы уже

заплетались, а грим грозил потечь. Стражники отказались наотрез, мотивируя свое несогласие с тяжестью их тел, снаряжения и что кони устали. А вот жеребец Циоана полон сил...

Пришлось усадить «красотку» позади себя и Циоан совсем скис. А с таким настроением нельзя идти на бой. Кстати, о бое, он так и не смог выяснить ничего мало-мальски полезного о возможном местонахождении того самого волшебного дерева, что скрывает тот самый сундук, что прячет... кого-то там, принц уже совсем запутался.

Высокие мрачные стены замка выглядели неприступными, ворота наглухо закрыты. Объехав каменный замок вокруг, Циоан старался разглядеть хоть что-то для себя утешительное или обнадеживающее. Замок словно вытесан из скалы... или превратился в скалу за тысячелетия. Каменная стена поросла зеленью. Там, за стеной, пели диковинные птицы, доносились приятные запахи неизвестных цветов, шумела листва... Возможно, там большой сад. И тут у Циоана родилась идея.

В городке и близлежащих поселках Софию прозвали Дева Ягодка. Или просто Ягодка наша. Она всегда была мила с посетителями, ничем старалась не уронить высокого звания помощницы Кошчи, коим нарекли её люди. Конечно, она мало чем могла помочь в серьезных ситуациях — у нее не было всеобъемлющей магии Хозяина, его безмерной мудрости и своеобразного юмора. Но у неё было доброе сердце и она случалось просто сочувствием могла помочь. Люди сами решали свои проблемы, а магию все равно приписывали ей. Вскоре, София начала понимать, как сложилась слава Хозяина. И еще она поняла, насколько у него доброе сердце. Конечно, он мог все делать от скуки... да собственно так оно и было — подсказывал её разум. Но девушке так хотелось замечать в Кошчи человеческие чувства.

Например, этот прекрасный сад. Кошчи создал в своем дворе изумительной красоты сад, собрав в него такие растения, о которых София даже в книжках не читала и населив его диковинными животными и птицами. Конечно, ему пришлось изрядно поколдовать над каждым экземпляром, чтобы все они, такие разные, прижились в этом месте и друг с другом. Но результат стоил всех усилий. Кошчи очень нравилось отдыхать в своем саду, хоть он и не уставал. Нравилось любоваться красотой творений природы. Он всегда утверждал, что ничто не может быть создано прекраснее.

И София тоже очень любила сад. Она могла часами ходить по нему, нюхать цветы, слушать пение птиц, лежать на мягкой траве и смотреть на проплывающие мимо облака. Но вскоре ей надоело праздно шататься. Деятельная городская девушка привыкла к труду. В замке всегда было чисто, убираться не требовалось, даже пыль не скапливалась. Перестановки были только до следующего утра — замок всегда сам решал, какая вещь где должна находиться. Рукоделие было не присуще Софии, тетушка всегда была очень недовольна её результатами. А София терпеть не могла орудовать иглой, хотя приходилось.

И в конце концов, она нашла себе занятие: стала выращивать в уголке садика овощи, соорудив там небольшой огородик. София очень боялась, что труды целого дня пропадут, и грядка наутро станет некопаной тропкой, как прежде. Но Замок благосклонно отнесся к её чудачеству. Вскоре зазеленели побеги, и даже плоды грозили поспеть явно раньше своего положенного срока в несколько раз. И на грядочку действовала магия Хозяина.

София очень ждала первого урожая, поскольку, хотя кормили её разнообразно и вкусно, но магическая пища была «неживой», и прежде всего сам Кошчи был против подобного утоления жажды или голода, что и показывал ей всегда. Он хотел, чтобы она ощущала

разницу между настоящим и наносным. А магия не содержала теплых рук, заботы, солнышка, природы...

И вот, как всегда по утрам, София корпела в садике, тщательно пропалывая свою грядочку. Рядышком резвился Черныш: он развлекался дрессировкой мышей замка и во многом уже преуспел. И когда усталая София присела отдохнуть под сенью огромного дерева в три обхвата, Черныш решил устроить ей представление.

Мыши ходили строем, словно воины, образовывали замысловатые фигуры и даже пищали на все тона, старательно выводя какую-то мелодию. София смеялась и хлопала в ладоши... как вдруг.

Крона дерева рядом с высокой стеной, что огораживала замок, зашевелилась. Сквозь листья София разглядела тощего паренька, что пытался попасть в сад.

«Какая наглость, — подумала девушка. На её памяти еще никто не пытался залезть в сад Кошчи, хотя тут было чем поживиться любителям чужих огородов. Но страх перед Хозяином не давал повода воришкам. А тут... Надо бы его проучить!

— Черныш, — тихонько позвала девушка.

Черный кот мгновенно смекнул в чем дело и был раз подсобить хозяйке в этом благородном деле. София спряталась в кусты, туда же метнулся Черныш и вся его мышинная рать.

Циоан, а это был именно он, воровато озираясь, спрыгнул на землю. Подвернул ногу и взвывая, плюхнулся на четвереньки. Выругавшись себе под нос, решил продолжить свой путь именно в таком незаметном состоянии, попутно оглядывая все близстоящие деревья. Увидев то, под коим отдыхала София, замер в восхищении. Будь он Хозяином, обязательно сундук спрятал бы в его кроне.

Но не успел он разглядеть хоть что-нибудь в листве исполина, как кусты рядом с деревом зашевелились и под невообразимый писк, скрежет и шипение, из них появилось чудовище жуткое. Оно все шевелилось, словно шерсть его была живая и к тому же не имела корней в чудовище, а двигалась по нему по своим законам. Ног у чудовища не было, а был один огромный столб, также копошившийся живой серой шерстью. Голова чудовища была черным-черна, а страшный черный нос свешивался на грудь. Ничего ужаснее Циоан в жизни своей не видывал.

Пискнув, он выпучил глаза и, как стоял на четвереньках, так и попятился назад, не спуская круглых от ужаса глаз с чудовища.

София, фыркнув: кошачий хвост щекотал ей нос, и едва удерживаясь от хохота, пыталась шагнуть вперед. Мыши, бегающие по её одежде, страшно щекотали девушку, но она пыталась сдерживаться, скрежеща зубами. Мыши пищали, кот шипел, а София еле сдерживалась от смеха. Все удалось. Парень оказался смелым: не заорал, не понесся куда глаза глядят, а просто стал медленно отползать назад, не отводя от неё взгляда. София, представляя, как должна была сейчас выглядеть, была не уверена, что сама вела бы себя столь стойко.

Парень странно раскорячившись и не меняя выражения лица, продолжал пятиться назад, пока полностью не скрылся в колючих кустах, что росли у стены.

Наконец, София позволила себе расхохотаться. Кот мягко соскользнул у неё с головы, стараясь не оцарапать. Мыши разбежались в мгновение.

— Ну что, пойдём, посмотрим, как он будет на стену карабкаться? — предложила девушка довольно ухмыляющемуся Чернышу.

Тот муркнул и пошел вперед. Проследив взглядом за котом, София увидела вдруг тоненькую влажную полоску на песке... как раз в том месте, где проползал паренек. Удивившись, она пошла по намеченному мокрому пути к кустам. Парень и не думал карабкаться по стене. Он так и стоял на четвереньках, странно раскорячившись и с абсолютно круглыми глазами на искаженном лице: мокрая тропка вела к его коленям. А еще нежное обоняние Софии уловило вполне определенный запах...

Зажав нос, она отступила от кустов и обратилась к Чернышу, который принялся бесстрастно вылизывать заднюю лапу:

— Кажется, мы немного перестарались.

Кошчи мрачно наблюдал, как ведьма то краснеет, то бледнеет под его взглядом. Кажется, она готова была добровольно утопиться, лишь бы избежать его. И подтверждала это с завидной регулярностью.

— Ну ладно уж, — буркнул Хозяин после очередного нырка ведьмы. — Ни у кого не обходится без ошибок! Лучше ты сделай так, чтобы мы оказались в более-менее безопасном месте.

— Не надо ничего делать, — пробормотала девушка, постукивая зубами. — В полумиле к югу будет островок, туда нас принесёт течением, лишь бы уцепиться за что-нибудь. А ветер сейчас южный и бригантины пойдут на север.

— И что мы там будем делать, на твоём островке? — рывкнул Арбучо.

— Там не будет ни пиратов, ни охотников за ними, — ведьма пожала плечами, насколько это можно было сделать, оставаясь на плаву.

Её ли волей, случайно ли, но скоро они оказались обладателями целой мачты. Когда-то она бизанью на корабле Хенси, но, видимо, удостоилась сомнительной чести — стать первой жертвой морского сражения. Так или иначе, но вся четвёрка с относительным комфортом устроилась на обломках рангоута, дожидаясь, когда неспешное морское течение доставит их на обещанный ведьмой островок. А три бригантины, одна из которых ещё дымила, удалялись в противоположном направлении, как и предсказывала ведьма. Хозяина до поры до времени это устраивало. Однако в его планы не входило надолго задерживаться в море.

— Может, все-таки, воспользуешься своими способностями и ускоришь встречу с сушей? Или так и будем тащиться до ночи, пока не потеряемся совсем в бескрайних водах? — ворчливо уточнил он у ведьмы.

— Но, господин, — стуча зубами от холода, прошептала женщина. — Я использовала много сил, чтобы выбраться с корабля, нужно восстановиться...

Кошчи неприязненно осмотрел ведьму: свежий бриз трепал мокрую одежду женщины, следы усталости и безысходности отпечатались на бледном лице.

— Почему вы, люди, считаете, что Сила должна накапливаться, капля за каплей, и расходовать ее надо строго ограничено? — раздраженно спросил он. — Это что, по-твоему, моча, которая медленно наполняет пузырь в твоём теле? И, значит, опорожнившись, ты должна снова выработать драгоценную желтую жидкость?

Ведьма растерянно вздрогнула и покраснела: сравнение Кошчи было не из приятных, а его гнев поразил женщину в самое сердце. Меньше всего ведьма хотела, чтобы насадчанин злился на нее.

Кошчи вздохнул и посмотрел в чистое небо: его спутники со страхом наблюдали за

неожиданной вспышкой Хозяина. Это было настолько редко, что мужчины ощущали себя не в своей тарелке.

— Я открою вам тайну, — печально улыбнулся маг. — Хотя, это совсем не тайна, но люди упорно не хотят слышать этого: Сила не терпит, когда кто-то пытается сохранить ее. Что случается, когда перекрывают кристально-чистый горный ручей? Что происходит с пойманным ветром? Ветер пропадает, вода попросту стухнет. И если так же поступать с силой, то рискуешь стать самым неумелым магом в этом прекрасном и удивительном мире. «Ах, я не могу, я истощилась!» — это все взгляд на Силу свысока. Магия терпеть не может, когда к ней излишне серьезно относятся. И Сила не принадлежит ни тебе, ни кому бы то ни было другому! Ты можешь приглашать ее, пользоваться магией в своих целях. Но она не в тебе, так что «использовать все свои силы» ты никак не сможешь.

Кошчи ощущал гнев, досаду... но мужчина вдруг понял, что эти чувства донельзя приятны. Словно Хозяин впервые за столько столетий вдруг снова на минуту стал живым. Он наслаждался последними каплями эмоций, что неожиданно возникли в казалось давно ледяном сердце.

Ведьма сидела позади мага с растерянным видом, пытаясь осознать монолог Коула. Она чувала, что тот прав, но как воспользоваться этим странным знанием, женщина не понимала, ибо много лет воспринимала мир магии сквозь призмы чужих догм, которым с детства обучали ведьму.

— Как же тогда?.. — проблеяла несчастная, не в силах уразуметь, как конкретно она может использовать Силу.

Насадчанин оглянулся на ведьму, глаза его неожиданно сверкнули с хитрецей:

— Магия, как игривый щенок. Не пытайся посадить его на цепь, не пытайся нахрапом брать над ним власть. Просто... поиграй с ним.

Кошчи ухмыльнулся и подмигнул ошарашенной ведьме.

Монти украдкой обернулся и быстро подправил грим на лице Кошчи. Хозяин сгорбился, стараясь спиной закрыть происходящее от взора ведьмы. Но женщина ничего сейчас не замечала: слова мага поразили ее. Ведьма размышляла над услышанным, сопоставляя версию насадчанина о магии с ее собственными наблюдениями. И по всему выходило, что странный человек прав: то, что он говорит было простым объяснением весьма странных происшествий, которые ведьма наблюдала в своей жизни. Она твердо решила испытать Силу.

Монти удовлетворенно любовался своей работой на лице бесстрастного теперь Хозяина, как вдруг ощутил щекотку внезапно налетевшего ветерка. Одежда мгновенно стала сухой.

Кошчи удивленно оглянулся: ведьма с изумлением рассматривала свое отражение в невесть откуда взявшемся зеркале. Женщина изрядно похорошела и теперь растерянно водила длинным пальцем по точеному носику и пухлым губкам.

— Женщины, — хмыкнул Кошчи, довольный тем, что ведьма воспользовалась его советом. И еще больше рад он тому, что у нее получилось: теперь Хозяину не придется прибегать к Силе, чтобы следовать намеченному плану. — Первый опыт, конечно же, на себе. Что ж, поздравляю, результат не практичный, зато впечатляющий!

Ведьма смущенно зарделась под восхищенными взглядами любопытствующих матросов и торопливо спрятала зеркальце в один из многочисленных мешочков, что висели у нее на поясе.

— Это правда, я? — несмело спросила она мага.

— Нет, это преобразившийся Хенси, — жестко усмехнулся Коул. — За одежду спасибо, так действительно, намного комфортнее. Но хотелось бы двигаться к берегу немного быстрее!

Ведьма поразмышляла немного, потом неожиданно весело расхохоталась. Арбучо вздрогнул и в панике заорал:

— Бревно живое!

И хотел было сигануть в воду, но мужчину за шкурку удержал спокойный насадчанин:

— Сиди смирно, — приказал он и вновь обернулся к ведьме: — Молодец, девочка. Вот уж не ожидал, что ты способна слышать и понимать о чем тебе толкуют. — И тихо пробормотал: — Честно говоря, я уже несколько сот лет назад отчаялся что-то объяснить людям.

Ведьма сглотнула, но тщательно постаралась не показать, что расслышала слова, не предназначавшиеся для ее ушей. Похвала насадчанина звучала, как приговор всему роду человеческому. Но была невероятно приятна для самой ведьмы: она ощутила себя уникальной.

Тем временем оживший кусок мачты проворным дельфином плыл к быстро приближающейся темной полоске берега. Вскоре, путники оказались на суше. Кошчи угрюмым взглядом обвел маленький скалистый островок: в лучах заходящего солнца растянутые тени рваных скал мерно поглощали скудную зелень чахлого леса.

Арбучо и Монти, не тратя времени на любование закатом, быстро организовали костер. Парящая от счастья ведьма создала из ржавых сухих водорослей, что соленое море выплевывало на берег, уютные теплые пледы. Коулу она, зардевшись, протянула самый пушистый, усеянный многочисленными красными сердечками. Матросы прыснули от смеха, а насадчанин недоуменно посмотрел на румяную от смущения женщину. Но плед взял и уселся у костра, задумавшись.

Надо срочно попасть в Насад. Но как же ускорить события, не пользуясь Силой?

И тут Кошчи осенило: он же сам, еще при возвращении «Прекрасной Альсины» выдал каждому матросу по амулету. Чтобы те, оказавшись в трудной ситуации, смогли без его помощи вызвать свое судно на помощь.

— Арбучо! — грозно рявкнул он: смуглый громила испуганно подпрыгнул, уронив в костер мягкий плед. — Почему это, стесняюсь спросить, никто из вас не вспомнил про амулеты?

Мужчина растерянно моргнул, не понимая, а Монти спокойно достал из-за пазухи каменную капельку и протянул Кошчи.

Но Хозяин отрицательно покачал головой:

— Активизируй сам, — приказал он.

Монти посмотрел на смущенного товарища и наморщил лоб, припоминая давние слова Кошчи. Потом лицо его озарилось, и он бросил каменный кулон в море. Внезапно дрогнула земля. По глади моря от берега прокатилась мощная волна. Она проворно карабкалась к горизонту, сминая по пути все естественные течения.

И тут изумлению ведьмы не было предела: на горизонте расцвели белоснежные паруса. Вскоре прекрасный корабль лёг в дрейф в непосредственной близости от островка. Шлюпка с рыжими гребцами в несколько минут достигла берега и приняла потерпевших крушение на борт. Повинуясь отрывистым командам рыжего громилы-боцмана, нагруженная шлюпка

вернулась на «Прекрасную Альсину».

Ауш не командовал построения, он просто велел поднимать паруса и дал рулевому команду держать в сторону Насада. Никто не подошёл к Хозяину, не поинтересовался судьбой капитана. Монти и Арбучо вернулись к привычным делам. Было ощущение, что спасения терпящих бедствие никто из команды словно не заметил. Для ведьмы это было настолько дико, что она даже не рискнула предложить своих услуг. Впрочем, в них никто и не нуждался — ветер дул попутный, на «насадского мага» и его спутницу никто не обращал внимания. Хотя нет, подбежавший юнга протянул девушке лепешку и воду, но тем всё и ограничилось.

Ведьма кое-что понимала и в кораблях и в морском деле. Несмотря на довольно юный возраст, она имела представление о том, как долго может длиться путешествие в ту или иную сторону. Поэтому, когда к вечеру из-за горизонта показалась довольно мрачная полоска суши, девушка с суеверным страхом взглянула на мага. Насад, которого они за такое время достичь не могли бы, как не старайся. Маг не заметил её взгляда, поднимающийся берег полностью завладел всем его вниманием. Да и не стал бы он объяснять простой ведьме, что «Альсина» не простой корабль и кусочек Силы, поддерживающий жизнь кораблю способен еще и не на такие чудеса.

По команде боцмана на воду был спущен ялик. Только теперь Коул обратил взор на свою спутницу.

— Ты останешься здесь или пойдёшь со мной?

Ведьма задумалась, лихорадочно перебирая все варианты... Страх, недоверие, непонимание... и любопытство! Обычное девичье любопытство! Оно и взяло верх. Хотя, промедли девушка ещё мгновение, ей пришлось бы признаться себе, что влечёт её к таинственному магу нечто более простое и более женское.

— Я пойду с тобой, — поклонилась она Хозяину. — Может, я тебе еще пригожусь.

— Возможно, девчонка права... — пробормотал тот себе под нос, спускаясь в ялик по верёвочному трапу. Ведьма довольно ловко проследовала за ним. Матрос, придерживавший трап снизу, поднялся на палубу и присоединился к команде, столпившейся вдоль борта. Пара ударов вёслами отнесла утлую лодчонку в сторону от «Прекрасной Альсины». Коул встал, ничуть не беспокоясь, что под ногами у него не твёрдая суша, а морская зыбь, и громко произнёс:

— Питера больше с нами нет! Капитаном назначается Ауш.

После чего сел и отвернулся к берегу. Когда недоумевающая ведьма оглянулась на корабль — перед ней расстилалась чистая морская гладь... Тут ей стало страшно по-настоящему...

XIII

София сидела перед воротами и задумчиво смотрела на тонкую линию горизонта. Сейчас, во время заката, она представлялась девушке смертельно-опасным лезвием меча, отсекающего от кроваво-красного шара солнца по кусочку. Яркие капли плоти таяли где-то за этой нескончаемой линией, которая напоминала девушке миг перехода человека из жизни в смерть. Где она — никто не угадает, искать ее бесполезно, но и убегать тоже совершенно глупо.

То, что девушка тоскует, было понятно и Чернышу, который тихо прятался в колючих кустах. Кот не знал Хозяина, но ощущал его отсутствие в замке: по грустному настроению девушки, по вялым цветам у ворот замка, зелени мха, уже пробирающегося между камнями

толстой стены. Он вообще теперь ведал больше, чем кто-либо из семейства кошачьих, когда-либо живших в этом мире. Возможно, всему причина — его род, колдовской кот не у всякой ведьмы есть. Но, скорее всего, и животное ощущало это, нечто, населяющее замок, словно дух нелюдской, признало кота и пропитало его магической силой.

Чернышу давно надоело строить мышей, он наигрался и с птицами. София все чаще избегала его общества, стараясь все время быть в одиночестве: возможно, чтобы не заразить своей нескончаемой грустью любимого кота. И тогда тот придумал новую забаву: Черныш вдруг обнаружил в себе способность управлять огнем. Так, ничего особенного, просто он мог зубами выбить искру, а дыхнув по-особенному, выдуть струйку пламени. Что было тут же испробовано на городских собаках. Арлейн быстро наполнили ужасные слухи о кровавом оборотне, сжигающем все на своем пути... хотя, Котофей всего лишь палил хвосты бездомным псам. Но заработанное в неравных боях со стаями бродячих животных прозвище: Горыныч, Черныш не променяет ни на что на свете!

Пока кот довольно щурился, вспоминая подробности сегодняшней охоты, София все больше грустнела. Словно тающее светило уносило с собой всю радость из девушки. Вот и еще один день без Кошчи.

Тут София заметила одинокую фигуру, карабкающуюся к ним по тоненькой тропке. Девушка с непроницаемым видом следила за молодым человеком, что шел к ней. Тот пытался, оттирая пот, градом льющийся с высокого лба. Симпатичный, но ума недалекого: София тяжело вздохнула:

— Ну что опять тебе надобно? Новый замок или золотое корыто? — простонала она.

— Нет, — ошарашено замотал головой путник. — Мне бы... это... женщину.

— Тебе завернуть, или голая сойдет? — вяло уточнила девушка: парень все равно не поймет шутки. А вот он бы понял.

Парень растерянно моргнул, потом на лице его отразилась радость и он быстро-быстро закивал:

— Так сойдет!

— Ну так иди, вон она по кустам шарится, — жестко усмехнувшись, София качнула головой в сторону колючих кустов с чахлыми цветами.

Черныш прижал уши и зашипел: в кустах действительно кто-то продирался. Через секунду, Горыныч расслабился и вновь вальяжно развалился: сквозь сросшиеся прутья, цепляя остатки некогда роскошного платья за острые колючки кустарника, вылез лыбящийся Всериил.

— Не, — отчаянно замотал головой путник. — Эта страшная... старая... и вообще, больше на мужика похожа.

Всериил завращал глазами, хохотнул и, высоко подбрасывая колени, попрыгал в сторону замка, двигаясь вдоль стены. Ободранный шлейф колыхался в такт прыжкам бывшего советника, придавая «даме» сходство с кипящим чайником.

— А вам все молодых да красивых подавай, — мрачно ухмыльнулась София. — Ну ладно, что же с тобой делать: чтобы найти свою судьбу, ты должен истоптать пару железных лаптей, сгрызть железный каравай и сбить железный посох. А теперь, повернись-ка к лесу передом, ко мне задом и получи напутствие волшебное...

И когда парень развернулся, София поманила пальчиком кота. Тот, сладко потянувшись, все-таки соизволил вперевалку подойти. Тонкая струйка пламени ужалила штаны гостя, который тут же взвыл и кубарем покатился вниз по тропинке. Горыныч гордо

выпятил грудь, посмотрел на жертву свысока и лениво засеменял на нагретое местечко.

— Зачем ты так? — печально спросил молодой парень, который только что вышел из ворот замка. — За сегодня к нам приходила сотня народу и каждому ты давала какое-то странное, жестокое поручение, абсолютно лишённое смысла!

Так хоть бы один пришел с чем-то стоящим, — зло ответила София. — Все такие мелочные, а желания такие огромные... Знаешь, Иван...

— Циоан, — ворчливо поправил принц.

— Ага, — рассеянно кивнула девушка. — Сначала я так старалась, помогала каждому, кто придет сюда, ощущая себя ответственной за замок. За земли. Оставленные Хозяином без хозяйского присмотра. Но постепенно весь мой энтузиазм пропал. С какого-то момента, я вдруг осознала, что уже почти ненавижу всех этих людей. Вместо того, чтобы что-то делать самим, они плачут, они стенают, они молят о помощи... Нет, они молят: дай! Как малые дети, не слыша доводов разума, не понимая, к чему приведет их непомерная жадность, они маниакально твердят: дай, дай, дай! И сразу стало понятно отношение Кошчи к людям. А я, глупая, корила его за холодность, за жестокость. Да он просто образец милосердия! Страшно подумать, сколько сот лет он живет в этом замке, сколько добрых дел совершил... которые вернулись к нему злом.

София тяжело вздохнула:

— Я сама прочувствовала это: люди просто неспособны иначе на добро отвечать. И в определенный момент мне вдруг подумалось: а что, если не расходовать Силу, и так не особо мне подчиняющуюся, а просто направить все эти хотелки в другое русло? И получилось: многие почему-то добились своего, а кто не добился — нашли другое. Да еще и согласились, что это другое им намного нужнее. Так что все довольны: люди сами решают свои проблемы, а я больше не вмешиваюсь в их жизни и не беру на себя чужой ответственности. Мне, хвала небу, своей более чем достаточно!

Циоан сглотнул, любуясь девушкой. Все, что она говорила, конечно, нелепо. Но София невероятно хороша, и будь на то воля принца, он тут же увез бы девушку к матушке. Но пленница ничего не хотела слышать о свадьбе, дожидаясь своего невесть куда запропастившегося тюремщика.

Может быть, и Циоан себя этим утешал, София хотела убедиться, что он рыцарь. И ждала Хозяина, чтобы принц поверг чудовище и спас ее по-настоящему...

Вот только встречаться с чудовищем пареньку не очень-то хотелось. Правда, и уехать без Софии он уже не мог. И дело тут было вовсе не в рыцарской доблести: девушка, возможно, сама того не желая, навсегда покорила еще никем не тронутое сердечко юного принца.

— Пойдем, — он предложил Софии руку. — Стол давно накрыт, а я не хочу есть в одиночестве.

Пройдя в замок, молодые люди сели за большой стол, ломящийся от разнообразнейших яств.

— Это все опять возникло, когда я расстелил на стол ту самую скатерть! — гордо, словно сам все приготовил, продекламировал принц.

София тяжело вздохнула и достала из кармана собственноручно выращенную маленькую морковку: она больше не могла есть неживую еду. Девушке казалось, что она поглощает кусок деревенского мыла, даже если подносила к устам поджаристую ножку фазана.

А вот Циоан с заметным удовольствием набросился на еду. Принцу не приходило в голову, что Софии это не вкусно: он просто решил, что девушка старается мало есть, чтобы сохранить дивную стройность линий тоненькой фигурки.

— Где же ты бродишь, — печально прошептала София, задумчиво водя тонким пальчиком по краю золотого бокала, наполненного багряной жидкостью.

То ли это разыгравшееся воображение, то ли действительно в глубине бокала сверкающие отражения пылающих свеч сложились в очертания знакомой фигуры на фоне океана...

Узкая песчаная полоса была границей между морем и вплотную примыкающими к нему горами. Хотя, на взгляд Хозяина, какие это были горы — так, каменные холмы. Вокруг его замка действительно были горы, а тут...

— Ты бывала в Насаде? — спросил он ведьму. Та отрицательно покачала головой. Немудрено, насадчане неохотно пускали к себе чужеземцев. Да и сами нечасто посещали иные земли, не считая магов, конечно...

— Нам надо подняться наверх... — пробормотал он, выискивая подходящую расщелину. На девушку внимания особо не обращал — не отстанет, раз сама выбрала его общество. Путь оказался не слишком долгим и не особенно трудным. То, что с моря казалось горами, на деле было краем обширного, но узкого плато, клином вдающегося в море. До противоположного его края было шагов пятьсот и, пройдя их, Хозяин остановился и озадаченно присвистнул. Ведьма тихонько охнула за его спиной.

Грандиозная бухта, раскинувшаяся у его ног, была заполнена боевыми насадскими ладьями. Именно заполнена: корабли стояли борт к борту, количество их не поддавалось исчислению, но уж никак не меньше нескольких тысяч. То, что ладьи боевые — тоже не вызывало сомнений: узкие корпуса были обшиты бронзовыми листами, на носу каждой стояло по старинному метательному орудью. И, если кому-нибудь могли прийти в голову сомнения, что столь архаичное вооружение не имеет солидного подкрепления в виде магии, Хозяину было бы искренне жаль подобного простака...

— Однако... — пробормотал он, всматриваясь в явившуюся ему картину. Из своих источников Хозяин знал об экспансии Насада, но то, что готовятся столь масштабные боевые действия, не предполагал никто. Разведка Его Величества заслуживала хорошей порки и ужина без сладкого... Противоположный пологий берег бухты покрывал военный лагерь. Его размеры поражали — конусы походных шатров уходили к горизонту. Миновать сторожевые посты было просто нереально, но и оставаться на месте незачем. И Хозяин, набросив на себя личину Коула, двинулся вперёд, пока ещё слабо представляя — куда и зачем. Ведьма молча последовала за ним.

Узкая козья тропка петляла среди камней. Коул шагал по ней и пытался прислушаться к этому миру. Что-то было не так... Да, мир другой, и магия в нём другая, но вот ощущения... Он хорошо помнил, как воспринимал «пленившего» его насадчанина. Теперь же вокруг не было ничего похожего. В голову пришла неожиданная мысль — Насад не магическое княжество! Не все жители являются магами. Их может быть не больше, чем колдунов, ведьм и шаманов в остальном мире. Это требовалось обдумать...

Хозяин остановился так неожиданно, что ведьма ткнулась ему в спину. Она тут же отступила на шаг, виновато улыбаясь. Оказалось, он, сам того не замечая, шагал так быстро, что девушка запыхалась. Воспользовавшись случаем, она присела на камень, переводя

дыхание. Впрочем, Хозяин не обратил на это внимания, похоже, даже не заметил. Посетившие его мысли требовали времени на осознание...

Колдуны и шаманы не рождаются таковыми. Конечно, что-то в них заложено от рождения, но без долгого обучения человек может прожить всю жизнь, так и не узнав, кем мог стать, встретить на своём пути Наставника. Магия — иное дело. Она снисходит на избранного, как лавина, не оставляя ему обратного пути. Или — человек принимает её добровольно, но, так или иначе, на всю жизнь. То, что у себя на родине он один является носителем магии, вовсе не означает, что такая же картина во всём остальном мире. Что, если в Насаде тоже есть источник, подобный тому, который создал Хозяина, но иной, и доступный не только хранителю?

Хозяин почувствовал странное возбуждение. Тем более странное, что это была эмоция, нечто несвойственное ему вообще. Он вдруг, впервые за века, ощутил окружающий мир — прохладный ветер, поросшие мхом камни, запах моря. Как в первый раз посмотрел на девушку, исподтишка наблюдающую за ним. И вместе с новыми ощущениями пришло яркое понимание того, что ему необходимо сделать. Пока непонятно — как, но цель определена, значит надо действовать.

— Пойдём, — бросил он ведьме, — Что-то говорит мне, что наши пути скоро разойдутся. Не стоило тебе связываться со мной, хотя и выбора у тебя не было.

Хозяин оказался прав. Через час пути они наткнулись на военную стражу. Мрачного десятника и четвёрку звероватого вида воинов сопровождал классический насадский маг, в полумаске. Ведьма испуганно спряталась за спиной Кошчи, а тот, казалось, не замечал направленных ему в грудь четырёх копий, и с интересом ждал развития событий. И не ошибся. Маг обошёл вокруг парочки, неожиданно ткнул посохом в плечо девушке и проскрипел:

— Ведьма...

Копья опустились, десятник шагнул вперёд и голосом, привыкшим отдавать команды, прорычал:

— Военное положение. Ведьмы и колдуны подлежат мобилизации. Иди в лагерь, девка, солдат тебя проводит. Получишь назначение на ладью и полное княжеское довольствие. Отказываться нельзя.

Ведьма беспомощно оглянулась, с надеждой поймала взгляд Хозяина, но тот пожал плечами. Тем временем маг оглядел его самого и констатировал:

— Нет...

— Хочешь в армию, парень? — вмешался десятник.

— Нет, — постарался остаться серьёзным Кошчи.

— Тогда проваливай, — десятник мигом потерял интерес к нему, — Солдат, дай ему пропуск.

«Однако!...» — удивился про себя Хозяин, — «Порядочки у них тут...»

Стараясь не замечать умоляющего взгляда ведьмы, Кошчи взял из рук солдата металлическую пластинку со шнурком и пошёл прочь. Патруль, потерявший к нему интерес, направился в другую сторону.

Лагерь княжеского войска своими размерами мог поразить самое большое воображение. А составом — ввергнуть в ужас любого. Насадчане присутствовали в войске только на начальствующих постах, ни одного коренного жителя в чине ниже десятника Кошчи не заметил. Пушечное мясо представляли айварцы, болтийцы, називийцы, ардении и огромное

количество иных народов, когда-то свободных и независимых, а ныне входящих в состав княжества. И, как положено, с мясом не церемонились. Дисциплина в насадской армии поддерживалась весьма радикальными методами. За то немалое время, что Хозяин брёл через лагерь, он насчитал не менее полусотни виселиц, отнюдь не пустовавших, а количество скамей для порки и деревянных клеток-карцеров вообще не поддавалось счёту. За одним из шатров человек двадцать лупили дубинками кожаный мешок, в котором кто-то был, правда определить это можно было только по форме мешка, потому что этот кто-то уже не шевелился и не издавал звуков. На небольшом плацу кнутами гоняли по кругу лошадь. За ней на верёвке волочилось чьё-то тело. Оно ещё дёргалось и взвизгивало, но, похоже, кнутобойцы никуда не торопились. Ужас и смерть витали над армией княжества Насад и не было сомнений, что накопившись, они выплеснутся на Шатру и живые позавидуют мёртвым...

Лагерь давно остался позади, а Кошчи шёл, не выбирая дороги, и думал. Его лоб прорезала глубокая складка. Предстояло понять многое, это и огорчало. Хозяин отвык от проблем.

XIV

Дорога вела прочь от моря, это вполне устраивало Хозяина. То, что пролегала она по необитаемой местности, также было ему на руку. Слишком много мыслей... Однако, и они не могли отвлечь мага от наблюдений. Вокруг стояла какая-то нереальная тишина. Нет, Кошчи слышал хруст камней под ногами, шуршание плаща, однако эти привычные звуки окутывали его подобно кокону, за пределы которого вырываться не стремились. Хозяин огляделся. Ветер... Ветер, дувший навстречу ему, не нёс с собой шелеста листьев, птичьих голосов. Низкие холмы, между которых вилась дорога, были усеяны многочисленными пеньками, а трава вытоптана, словно специально. Похоже, когда-то берег Насада был скрыт лесами, но военная колесница прошла по ним без жалости. Видимо те, для кого грядущая война была желаемой целью, не планировали возвращаться, предпочитая в своей родине новые, богатые и обширные земли. Кошчи усмехнулся. Обширные — да, но вот будут ли они богатыми, после того, как смерть пройдёт по ним своей косой?..

В прошлой жизни он почти не думал о смерти...

Еда и отдых не были непременными атрибутами его существования, при желании Хозяин мог обходиться без того и без другого. Однако, прошагав целый день пустынными холмами, он преисполнился любопытства — а как живут в Насаде люди, не впряжённые в колесницу войны? Самый простой способ узнать это — остановиться где-нибудь на ночлег. Скорее всего, через пару-тройку поворотов, дорога приведёт его к какому-нибудь постоялому двору или деревне. Вряд ли в Насаде они располагаются друг от друга дальше одного пешего перехода, во всяком случае — в остальном мире принято именно так.

Ещё только начало смеркаться, как Кошчи убедился в своей правоте. Дороге иногда надоедало змеиться между холмов, тогда она, то взбиралась на один из них, то ныряла в низину. С одного из таких пригорков Хозяин и разглядел одинокую хибару. Внимательный взгляд сразу бы определил, что в былые времена она стояла на опушке леса. Увы, сейчас от него оставались лишь воспоминания в виде пней да отдельных кустов...

По мере приближения к постоялому двору — ни на что другое хибара не походила даже издали — в душе Кошчи росло удивление. К окружающей тишине добавился чуть слышный шелест листьев, но он был единственным звуком, проникшим извне. Ни голосов, ни ржания лошадей... Никаких признаков присутствия человека!

Вблизи хибара представляла собой удручающее зрелище. Было видно, что когда-то, совсем недавно, это был добротный дом о двух этажах, скорее всего, именно постоянный двор. Сейчас от строения остался почти один скелет. Причём, было заметно, что его постигло не какое-нибудь разбойничье нападение. Дом разбирали, грубовато, но тщательно, выламывая только то, что нужно. Не пострадали ни окна, не двери. Но обшивка стен на первом этаже отсутствовала напрочь, пол сохранился лишь частично, от конюшни остались только вкопанные в землю столбики коновязи. Нельзя сказать, что творилось всё с попустительством хозяев, об этом красноречиво намекала пара арбалетных болтов, засевших глубоко в двери, да холмик земли, прямо напротив входа. Видимо, владелец пытался отстоять своё, но у вояк (то, что это их рук дело, Хозяин не сомневался) была иная точка зрения.

Тем не менее, Кошчи решил заночевать здесь. Ночь — не лучший спутник путешествующего пешком. К тому же — из низких серых облаков, сопровождавших его весь день, начал накрапывать дождь. По сохранившейся лестнице Хозяин поднялся на второй этаж, где, как он и предполагал, находились комнаты для постояльцев. Все они были пусты, но маг и не рассчитывал на кровать с периной. Достаточно того, что целы окно и дверь. Растянувшись на пыльном полу, укутавшись плащом, Кошчи велел себе заснуть. У него получилось, но ненадолго.

Проснулся он среди ночи, от того, что тишина кончилась. По крыше, по окну стучали капли дождя. Кошчи мысленно похвалил себя за предусмотрительность — в темноте, в чужом краю, да ещё и в дождь не путешествуют даже самые отчаянные сорвиголовы. Он ещё раз прислушался к дому — тот был мёртв. Даже мышей не слышно, похоже, их здесь просто нет. А вот снаружи к шуму дождя добавились ещё какие-то звуки. Пришлось вставать. Хозяин осторожно выглянул в окно. Благо, комната, служившая ему пристанищем, выходила окном на дорогу. Та, как раз ожила. К шороху дождя добавились чавканье шагов по успевшей размокнуть земле, скрип колёс, грубые окрики. Похоже, насадцы гнали к морю очередную партию пушечного мяса. Щёлканье кнутов говорило об этом весьма недвусмысленно. Мерцающий свет множества факелов высветил целую процессию. Чадающее пламя с переменным успехом боролось с ветром и дождём, но даже его хватило, чтобы заметить, как один из рекрутов вдруг бросился в сторону постоянного двора, посчитав его, видимо, каким-никаким укрытием. Щелчок арбалетной тетивы и короткий свист болта мгновенно доказал, что это ошибка. Конный арбалетчик не спеша взвёл оружие и что-то крикнул. От цепочки конвоиров отделились двое, неспешно приблизились к останкам постоянного двора и, широко размахнувшись, что-то кинули в его сторону. Один снаряд пролетел куда-то внутрь, а второй разбился об стену, совсем рядом с окном, около которого притаился Кошчи. Из-под осколков брызнула какая-то жидкость. Стена мгновенно занялась ярким пламенем. Хозяин присвистнул, представив, что сейчас твориться на останках первого этажа... Остаться не имело смысла, надеяться стоило только на собственные силы. Не теряя времени, Кошчи выскочил в коридор, куда уже добрался дым и запах горящего зелья, и метнулся в комнатку напротив. Ему неслыханно повезло! По какой-то причине мародёры не разобрали здесь стену полностью, выломали из обшивки лишь отдельные доски. По образовавшейся импровизированной лестнице смог бы спуститься даже ребёнок.

Дождь прекратился, не успев начаться в полную силу, пламя быстро охватило весь дом, но Хозяин, к этому времени, успел укрыться в кустах. Там ему и пришлось дожидаться утра, поскольку процессия двигалась мимо догорающего двора почти всю ночь. Было уже

довольно светло, когда Кошчи рискнул продолжить свой путь. Проходя мимо убитого рекрута, он мимолётно подумал об оставленной на берегу ведьме, девчонке, пожалуй, повезло. Неизвестно — надолго ли...

К полудню, такому же хмурому, как весь вчерашний день, холмы кончились, дорога перестала вилять, но это было единственным отличием от всего предшествующего пути. На равнине было так же пусто, о том здесь бывают люди, напоминали лишь следы на дороге, да печальные последствия попыток побегов конвоируемых рекрутов. Бедняга, убитый у постоянного двора, был далеко не первым. Кошчи сначала считал встречавшиеся трупы, но скоро сбился со счёта и оставил это занятие.

К вечеру на горизонте показались горы. В ясную погоду Хозяин увидел бы их раньше, но низкие облака прятали всё. К тому же — равнину начал заволакивать туман, именно из-за него Кошчи и не разглядел притулившуюся у дороги деревушку. Впрочем, предосторожности оказались бы здесь лишними — деревня оказалось хоть и не разорённой, но брошенной. Куда делись жители — можно было только гадать. Мужчины, допустим, готовились к войне, но женщины, дети? Правда, когда Хозяин выбрал домишко для ночлега, выяснилось, что кое-кто всё-таки здесь ещё живёт. Безумная старуха, вдруг возникшая у покосившейся ограды, пробормотала, не глядя на него:

— У-у... Пришёл!.. Туда тебе, туда... — и, махнув клюкой в сторону гор, исчезла так же внезапно, как и появилась. Озадаченный Кошчи не поленился в быстро наступающих сумерках обойти всю деревню заново, но старухи словно никогда здесь и не было...

Ночь прошла относительно спокойно. Насколько спокойным может быть полная тишина, ощущение пустоты и одиночества. Хозяин проснулся незадолго до пасмурного рассвета и с некоторым удивлением прислушался к своим ощущениям. В первую очередь — к тому, что они вообще появились. Он вдруг понял, что устал за вчерашний день, а недолгий и неудобный сон принёс некоторое облегчение. Неприятные ощущения внутри организма были определены, как голод, которого он не испытывал с незапамятных времён. А гнетущее напряжение, сопровождающее его с прошлой ночи, вообще относилось к разряду эмоций, то есть того, что не посещало его долгие века. Было что-то ещё, неосознанное и тревожащее, но с ним Кошчи разобрался позже, когда уже рассвело. Солнца по-прежнему не было, и, подойдя к колодцу, чтобы утолить жажду, Хозяин попробовал, как не раз бывало, разогнать низкие облака. К Силе он решил прибегнуть лишь потому, что не ощутил вокруг себя на много миль ни единой живой души. Первая попытка вызвала недоумение. Силы не было. Кошчи почесал в затылке и попробовал заново, на облаках, на колодезном ведре, на жухлых травинках... Безрезультатно... Нахмурившись, он начал вспоминать, когда последний раз пользовался своими возможностями. Выходило — давно, ещё до принятия решения посетить Насад и разобраться во всех творящихся здесь странностях. Хозяин присвистнул — он уже вторые сутки бродил по территории врага, не подозревая о том, что полностью безоружен, ведь воспользовавшись личиной насадского мага он учёл всё, даже то, что те и ножей с собой не носят... Думая же, что незаметен для окружающих, являлся открытой книгой даже для безумной старухи. Это всё следовало учесть и не быть столь беззаботным, неизвестно — сказала ли утрата Силы на бессмертии?

Быстро обшарив пару соседних дворов в тщетной надежде хоть чем-нибудь вооружиться, Кошчи покинул деревню. Более того — когда дорога свернула в сторону, вдоль подножия подступающих гор, он решительно перешагнул обочину и направился прямо, придерживаясь направления, указанного старухой. На его счастье — горы в этой части

Насада были не те, что в его местах. Пологие склоны заросли травой и редким кустарником, отдельные скалистые выступы виднелись только далеко впереди и, если бы не усиливающееся чувство голода, подъём был бы довольно несложным. К середине дня, присев отдохнуть, Хозяин уже корил себя, что не догадался найти в деревне хоть тыквенную флягу, чтобы набрать в дорогу воды. Оказывается, он успел забыть, каково это — быть обычным человеком. Однако видимо всё, что он делал сейчас, делалось правильно. Иначе, с его бы это судьбе преподнести ему неожиданные подарки.

Через некоторое время Хозяин набрёл на тропинку. Поскольку та вела в нужном направлении, хотя и немилосердно петляла, было принято решение воспользоваться ею. В траве всё чаще попадались камни, а уродовать ноги и сомневаться в мастерстве насадских сапожников не хотелось. Кто протоптал эту дорожку — пастухи или просто ходоки, желающие срезать часть пути через горы, неизвестно, однако о том, что в былые времена здесь было немало прохожих, Кошчи убедился за первой же скалой, к которой шёл, выбрав её в качестве ориентира.

Площадка, укрытая скалой от ветра, служила стоянкой для трёх мужиков звероватой внешности. То, что это были разбойники, сомнений не вызывало. Не удивило и то, что их так мало, видимо, менее удачливые сотоварищи либо расстались с бранным миром, либо пополнили ряды армии. Судя по событиям, свидетелем которых Кошчи стал позапрошлой ночью, среди военных таких было немало. Похоже было, также, что этот образ жизни их устраивает больше, и расставаться с ним они не собираются. Потому как их реакции мог позавидовать любой боец с Южного Архипелага. Только три фразы:

— Чужак!

— Маг...

— Нет, он без маски, — и вот уже вся троица на ногах, и Кошчи почти окружён...

Чувствовать себя потенциальной жертвой — это было таким непривычным, давно забытым ощущением! Для его остроты даже не была нужна Сила! Вспомнились все уроки, которые Хозяин дал сам себе на заре своего пленения. В руках не было оружия, но оно в избытке имелось у разбойников. Пасмурный день, казалось, расцвёл новыми красками!

Раскрутилась, свистнула и пауком метнулась на самой землёй, хитрым образом сплетённая верёвка, усиленная свинцовыми шариками. В последний момент, когда снасть уже собиралась заплести ему ноги, Кошчи подпрыгнул, без труда уходя от удара. Стало весело! Это не помешало ему краем глаза увидеть начало замаха и изящным движением уйти из-под удара. Ещё и прищёлкнуть языком от восхищения — фламберг в руках разбойника отличался высокохудожественным исполнением, вполне был достоин королевской коллекции. Даже в родном Замке у Хозяина такого не было. С третьим разбойником было чуть сложнее, тот предпочитал дробящее оружие и в воздухе уже со свистом раскручивался шипастый шар. Впрочем, против цепного моргенштерна тоже есть свои ухватки. Кошчи их знал, а разбойник, похоже, нет, иначе ему бы не пришлось, спустя мгновение, тяжело осесть на землю. Неестественно вывернутая шея могла подсказать сотоварищам, что их компания сократилась на треть, если бы тем хватало времени оценивать ситуацию. А времени, как раз не было. Моргенштерн полетел в сторону любителя неизвестных Хозяину снарядов, причём более удачно. Встреча шара с головой закончилась не в пользу слабой человеческой плоти. Перед Кошчи остался единственный соперник. Спору нет, фламберг в умелых руках — оружие смертельное. То, что разбойник — мастер меча, сомнений не вызывало. Однако он никогда не встречался с выходцами с Южного Архипелага. Убивая последнего разбойника,

Хозяин с грустью вспомнил Арбучо...

Время потекло с обычной скоростью. Кошчи присел у костерка и с удовольствием съел всё, что приготовили себе разбойники. По телу растекалась лёгкая усталость. Все эти чувства и эмоции осознавались с некоторым недоумением, они не посещали Хозяина с самого начала его бессмертия... Однако, как оказалось — память сохранила и в нужный момент подсказала — что есть что.

Позволив себе отдохнуть, Кошчи, со вздохом, обыскал трупы, позаимствовал у одного из них кожаную перевязь с ножами, полюбовался фламбергом и покинул последнее пристанище разбойников, возможно, последних разбойников Насада. Почему-то теперь он точно знал — куда ему идти. И догадывался — что за встреча ему предуготовлена...

Да, горы в Насаде были не те, что дома. Вот уже почти вершина, а склон не стал круче, скальные выступы, хотя и встречались чаще, не сильно усложняли дорогу. Завернув за очередной, Кошчи оказался на маленьком плато. В самом центре, заметная со всех сторон, расположилась маленькая хибарка. Сторонний путник, вероятно, принял бы её за временное обиталище пастухов, годное для защиты от непогоды, но никак не для жизни. Очень долгой жизни... К сидевшему на пороге древнему старику он обратился просто:

— Приветствую тебя, Хозяин.

Старик медленно перевёл взгляд старческих слезящихся глаз на гостя, помолчал и глухо пробормотал:

— Я ждал тебя...

София резко проснулась, словно от удара. Сердечко сжалось в предчувствии. Что это было за чувство: предзнаменовало оно хорошее, иль дурное, девушка не могла бы сказать. Но то, что скоро наступят перемены, она знала.

Оставалось понять — что это за перемены и откуда их принесет непредсказуемая жизнь. Сон, привидевшийся сегодня Софии с точности повторял вчерашнее видение в бокале: знакомая фигура, холодный взгляд, дурманящий ее сердечко... на совершенно незнакомом, хотя и очень привлекательном лице. Что это означает? Важно ли видение? Девушка понимала: если бы Кошчи хотел прислать ей весточку, то это было бы нечто более осязаемое. Скорее всего, Хозяин просто забыл о простушке-жертве.

Ощувив горький комок в горле, София подняла вверх наполнившиеся влагой глаза: сколько слез она оставила на этой подушке одному Чернышу известно.

— И какой идиот сказал, что утро вечера мудренее, — пожаловалась она коту, мирно свернувшись калачиком в ногах девушки.

Черныш наострил уши, но глаз не открыл, верно посчитав, что время вставать еще не пришло. Да и София вскакивать с постели не спешила: спешить девушке было некуда. А неприятности, если им приспичит встретиться с ней, найдут Софию везде: это было уже неоднократно проверено самой девушкой.

Девушка перебралась поближе к теплему комочку: кот, ощутив руку хозяйки, сладко замурчал. Черныш знал, что этим он всегда поднимает Софии настроение. Девушка мягко проводила пальцами по мягкой шерстке и слушала песню Горыныча, ощущая, как уходит тревога и печаль, оставляя лишь легкие тени. Конечно, они вновь вернуться вместе с темнотой. Но сейчас отступили.

Почувствовав легкость и даже некий задор, София весело вскочила с кровати:

— Давай-ка, сделаем сегодня вылазку в город! — воскликнула она, хватая кота и

прижимая к груди не слишком довольного подобным обращением Черныша. — Может, узнаем, в чем дело.

Циоан, узнав о планах девушки, обрадовался. Он с самой их первой встречи не выходил из замка, боясь, что тот не впустит обратно настойчивого паренька. Ведь не смогли войти в ворота ни стража принца, ни полоумный Всериил. А прогуляться, окунуться в нормальную жизнь очень хотелось.

София переделалась, выбрав мужской наряд. Девушка не хотела привлекать к себе внимание: уж очень многие теперь могли бы узнать Ягодку. Посадив Черныша себе на плечи, она решительно вышла из ворот, оставив Циоана в некоем недоумении. Парень так привык к чудесам, что вообразил себе, как из пустой конюшни выбегают оседланные лошади. Так же, как и из пустой скатерти вдруг появлялись изысканные кушанья. Но конюшня оставалась пустой, а пленная принцесса спокойно выходила пешком, намереваясь прогуляться до города, словно простая деревенская девка.

Тяжело вздохнув, принц последовал за Софией, размышляя: как же портит манеры долгое проживание в замке чудовища.

Спустившись с горы, Циоан захромал: он уже несколько раз спотыкался об острые камни. И вообще, принцу не пристало ходить пешком по такой неухоженной дорожке, да еще в таком темпе, который неожиданно развила целеустремленная София. Кончилось тем, что принц беспрестанно канючил. Девушка морщилась, но пока терпела, постоянно напоминая себе, что парень просто очень сильно избалован.

Не выдержав очередной трели, сопровождаемой закатыванием глаз на бледном лице, София сдалась и остановила проезжающую мимо повозку: мирный селянин вез в Арлейн свежее сено на конюшни. Посадив пассажиров, он продолжил неторопливое продвижение: старая лошаденка с выпирающими ребрами была не способна на скоростные подвиги. Каждый шаг кляча делала размеренно, как научила ее долгая и полная работы жизнь.

Покачиваясь на стог сена, София решила разговорить престарелого селянина, но получив несколько односложных ответов, оставила это занятие, растянувшись на ароматном сене рядышком с Циоаном. Провожая глазами уплывающие облака, София уже почти задремала под бодрый храп принца, как повозка вновь остановилась.

На стог сена, тяжело пыхтя, взобрался давнишний посетитель замка Хозяина. София быстро натянула шляпу пониже на нос, но молодой человек даже не обратил внимания на лежащих парней: он с проклятиями стаскивал со стоп тяжелые галоши.

Приглядевшись, София едва не расхохоталась: да это же железные лапти! И в руках у него железный посох, а за спиной в котомке наверняка железный булыжник, должный изображать каравай. Вот ненормальный — он сразу последовал тому бреду, что другие звали «волшебным напутствием».

— Чего уставился, — с подозрением воззрился на Софию парень. — Железных галош никогда не видел?

— Никогда, — хихикнула в ответ София.

— Ну тогда полюбуйся, — ворчливо отозвался тот, набычившись.

Девушка вдруг восхитилась поведением парня: не каждый сможет пойти вопреки общественному мнению. Это каких должно быть он насмешек уже натерпелся. А зная, как люди любят отмечать все, что не вписывается в их представлении о норме, надо быть незаурядным человеком, чтобы попробовать погрызть на глазах у всех, скажем, железный каравай.

— Спасибо, — с чувством ответила София.

Парень, ожидавший чего угодно, но только не сочувствия, вдруг подобрел и даже решил пожаловаться незнакомцу:

— Нет, ты представляешь, я спрашиваю — как найти мне любовь? А она — «три железных посоха избыешь, три пары железных галош сносишь, три каравая железных сгрызешь»...

— Кто — «она»? — растерянно спросила София, размышляя о возросшем количестве испытаний: это для красного словца или парень решил покрасоваться?

— Да Яга, ясно дело, — сплюнул парень.

— Кто?! — у Софии отвисла челюсть: это ж как народ сократил лаковое некогда прозвище.

— Яга, — снова повторил парень. — Баба злая, как собака. Но колдунья, каких свет не видывал. Говорит: иди, ищи свое счастье. А не найдешь, говорит, женю тебя на полоумной старухе с физиономией мужика!

— Да ты что?! — совсем растерялась девушка.

Вот это фантазия у народа! Конечно, ничего удивительного, что из Кошчи молва чудовище сделала, пожирающее непорочных девиц десятками. Что же тогда о ней говорят в городе? София дала себе слово не спрашивать никого о помощнице Хозяина.

— Правду говорю, — стукнул себя в грудь парень, но закашлялся. Переведя дыхание, он гордо продолжил: — А ведь баба сторожит в замке кучу красавиц — наложниц Хозяина. Завидует им смертельно, они-то красавицы. А на эту уродину даже Кощей не взглянул!

София поперхнулась: ведьма, уродина, злодейка... кто там еще? Ну и репутация у нее! Кошчи вернется — обзавидуется!

— Так зачем же тогда ей держать девиц? Разогнала бы, пока Хозяина нет, — резонно предположила девушка, включившись в игру.

— А чтобы не было у них счастья, — заговорческим тоном ответил парень, выразительно вытаращив глаза. — И не достались хорошим мужикам...

— Вроде тебя, — усмехаясь, закончила за него девушка.

Парень замолчал и мрачно засопел.

— А ты в первый раз к Ягодке обратился? — как бы невзначай спросила София.

Тот засопел еще сильнее, исподлобья уставившись на собеседника. Но, видимо решив не лгать больше, нехотя ответил:

— Да не в первый. Нужно мне было дом купить, строить долго, а старший брат жену в дом привел. Он наследник, значит дом родительский — его. А мне-то где жить? Вот и пошел за советом к бабе этой. А она зернышко мне сунула махонькое, да отправила восвояси!

— И что? — хитро сощурившись, спросила девушка.

— А ничего, — буркнул парень, но, подумав, все-таки рассказал: — Посадил я, значит, в леву это семечко. И как дурак последний приходил туда, пропалывал траву вокруг, поливал. Пока, наконец, не выросла... морковка!

— Поди ругался на чем свет стоит на Ягу-то, — захихикала довольная девушка.

— Ага, — парень потешно покачал головой. — Вот только как стал из земли-то ее вытаскивать, так обалдел.

— Что так, — насторожилась София: улыбка слетела с ее лица.

— Она такая забавная выросла — с двумя хвостами, которые спиралькой сплелись

между собой.

— Ну и что, — недоуменно пожалла плечами девушка, — словно ты никогда кривых морковок не видел.

— Не видел, — согласился задумчивый парень, — чтобы морковка корнями своими, словно пальцами, деньги золотые держала.

— Деньги? — несказанно удивилась София, девушка даже присвистнула.

Раньше вдова очень ругала воспитанницу за подобные проявления, но теперь это все казалось таким далеким, словно происходившим не с ней. К тому же, сейчас София изображала мальчишку, так что могла себе позволить и большие вольности.

— Монета! — прижав палец к губам, парень с подозрением покосился на старика. — И еще три я нашел в том же месте, покопавшись.

— Так, значит, желание твое исполнилось, — подытожила София.

Ну надо же, девушка просто отмахнулась от молодого человека, а он вдруг получил требуемое: прямо чудеса без проявления магии!

— Да, — помялся собеседник. — Но мне хватило только на жалкую полуразваленную хибару, проклятая ведьма могла бы подкинуть денегат и побольше, чтобы я мог прикупить дом лучше, чем у брата.

— Как всегда, — устало вздохнула девушка. — Мол, маловато будет. Кто-нибудь в этом мире умеет быть счастливым?

— Чего? — удивленно моргнул парень.

— Не бери в голову, — отмахнулась София. — Все равно там места свободного нет — сплошной хлам и громоздкие желания.

Циоан всхрапнул, закашлялся и недовольно открыл один глаз:

— Ну сколько можно трещать! Всю дорогу зудите, дайте усталому путнику поспать!

— Ну раз ты вспомнил, что путник, — язвительно усмехнулась София. — То слезай на землю: приехали! Дальше пойдем пешком.

— Опять пешком, — ужаснулся Циоан, но с повозки соскользнул.

Следом спустилась София, махнув пареньку на прощание рукой:

— Ну, удачи тебе в поисках любви: судя по запросам, меньше чем на принцессу, ты не согласен! — Парнишка беспокойно заерзал: Видимо, София попала своим предположением в самую точку. — Смотри, вместо галош ноги не сотри!

Циоан с тоской смотрел, как уезжает неторопливая повозка, управляемая невозмутимым стариком:

— Ну почему мы не могли и дальше проехать с ними? — простонал он.

— Ты спал, — София поморщилась, — а мне надоело слушать брюзжание чокнутого в железных галошах.

— Железных? — удивился принц и пожал плечами: — Странная в вашей стране мода... Но все равно: плохо ехать лучше, чем хорошо идти.

— И когда это, интересно, ты успел стать столь умным? — саркастически уточнила девушка, но потом махнула рукой и рассмеялась: — Да ладно дуться, я же не надеваю на тебя железные лапти! Оцени это, а то передумаю: я же страшная и уродливая баба Яга!

Принц скорчил испуганную рожицу.

Славный город Арлейн раскрыл перед ними свои дружелюбные объятия распахнутыми настежь деревянными воротами и приветливо улыбался большой вывеской. Приглядевшись, София снова присвистнула. На плоской дощечке было написано:

«Уважаемые горожане! Спешите вступить в славные ряды королевской армии: каждому новобранцу три золотых и бесплатное обмундирование. Всем, кто придет со своим оружием, двойной паек».

— Интересно, — пробормотала София.

— Что? — спросил запыхавшийся принц, догоняя девушку у ворот. Та показала на объявление.

Циоан неодобрительно покачал головой:

— И в самом деле, — шатранец высокомерно хмыкнул. — Платить воинам, так казна совсем растает! У нас каждый взрослый мужчина обязан нести воинскую повинность. От года до десяти, как решит королева, а деньги воинам совсем не нужны: хватит и того, что их одевают и кормят!

София пораженно посмотрела на принца:

— Порядки у вас... но я не об этом.

— А, — понимающе кивнул Циоан, — оружие свое. Да, ты права, совсем не дело: мало ли в каком оно состоянии. Оружие должно быть у всех одинаковым. Что же за армия, когда кто с вилами, кто с рогатиной... балаган один!

— Да нет, — раздраженно перебила парня София. — Странно уже то, что набирают в армию, да еще в нашем маленьком городке. Я с детства помню только один небольшой отряд, приезжавший в Арлейн. Да и то воинам просто полагалось время от времени перемещаться по государству, чтобы не застаивались, я полагаю. А желающих попасть в армию и так всегда хватало и без зазывал: платят хорошо, работы немного и особенных мозгов не требует.

— Интересная информация, — задумался принц, а София прикусила язычок: все-таки этот несуразный парень шатранский принц. А шатранцы никогда особенным миролюбием не отличались.

Хоть ворота и были распахнуты настежь, но стража была на месте. Сидящие на казенной скамье мужчины в форменной одежде преувеличенно равнодушными взглядами ощупывали проходящих мимо людей. София поежилась под одним таким подчеркнуто незаинтересованным взглядом: девушка почувствовала себя нагой.

Я ощущаю себя шпионом, - хихикнув, шепнул девушке Циоан.

София покачала головой: ведет себя, как мальчишка. Словно принц не понимает, что его запросто могут обвинить в шпионаже и упечь в тюрьму без каких-либо доказательств. Достаточно будет того, что парень выглядит как шатранец. И никто не станет проверять: принц он там или еще кто. Да еще и шныряет по городу в обществе переодетой девчонки.

Тут София ощутила, как Ционал с силой тянет ее за рукав. Она непонимающе уставилась на парня: тот бешено вращал глазами и подергивал головой влево. В той стороне, на каменной стене сторожевой будки, висело несколько старых, изрядно потрепанных временем и ветром, листков. На одном из них София вдруг углядела собственное изображение. Неизвестный художник изобразил девушку так, как она могла выглядеть еще в то беззаботное время, когда она жила в доме вдовы, и самым страшным для девушки были периодические набеги на городок головорезов под предводительством одноглазого Питера.

Вместо страха от того факта, что ее все еще ищут, София вдруг испытала острую тоску: по бесстрашному Питеру, который отдал за нее свою жизнь, по вдове Кваш, погибшей в пожаре... полковник... сколько еще будет жертв? Зачем она так нужна кому-то? Из-за того, что дружит с Хозяином?

Они продвигались в шумной толпе города. Циоан во все глаза смотрел по сторонам, а София просто задумчиво продвигалась вперед.

— Думаю, нам лучше здесь не слишком мелькать, — прошептал Циоан на ухо спутнице. — Посмотри, сколько здесь военных.

И правда, Арлейн прямо кишел людьми в военной форме: серо-голубая гамма с редкими красными вкраплениями отличительных знаков пестрела в глазах. София сглотнула: она вдруг почувствовала себя так, словно ее родной городок находится в самой гуще военных событий и сейчас осажден неприятелем.

Уже не прогуливаются по этим улицам разодетые дамы с кружевными зонтиками для защиты от солнца. И не принимают солнечных ванн степенные старушки, сидя с вечным вязанием перед настезь распахнутыми оконцами. Все окна наглухо закрыты ставнями, на многих дверях амбарные замки. В некоторых домах окна и двери вообще были тщательно забиты досками. Вдоль улиц множество нищих расположились кто где. Они тянули всех проходящих мимо за полы одежды и вымогали деньги.

— Контуженные, прокаженные, — мертвенно-бледными губами шептала София. — Откуда столько, ведь никакой войны еще нет.

— Вот то-то и оно, что еще нет, — мрачно хмыкнул посерьезневший Циоан. — Но она грядет, уж поверь мне на слово. Мир в твоём государстве так же стоек, как вот этот прохиндей, — принц кивнул на подвыпившего «одноногого калеку».

Тот, цепляясь за грязную палку, пытался устоять на одной ноге. Пятка другой, вполне здоровой, задорно выглядывала из прорехи в рубище. При этом нищий строил жалобную физиономию и тянул к ним свободную руку, считая, что господа заинтересовались его горем.

— Надо пробраться в гостиницу, где остановилась моя стража, — пробормотал Циоан, с яростью отдирая грязные руки псевдонищих от своей одежды и от растерянной Софии.

— Вообще не следовало сюда приходить, — со слезами на глазах шептала девушка.

Циоан, почувствовав себя защитником, уверенно продвигался вперед сквозь толпы военных, таща за собой плачущую Софию.

— Сегодня приедет генерал с проверкой, — слышали они совсем рядом раскатистый бас. — А у нас не хватает новобранцев!

— Значит, надо добрать, — ответил ему сухой каркающий голос.

София, которую тянул за руку принц, пролезла между двумя ухмыляющимися громилами и вдруг оказалась на круглой площади. Некогда именно сюда она каждый день приходила за хлебом. Прямо перед ней стояли два офицера: один невысокий, тощий, похожий на вяленую рыбу, а второй обычного роста, но просто невероятно толст. Оба смотрели на мальчишек, что неожиданно появились перед ними.

— Хватай этих, — отрывисто сказал вяленый.

Толстяк послушно схватил Софию и Циоана за воротники:

— Так сопляки же еще совсем!

— Не до жиру, — отмахнулся тот и пошагал в сторону лечебницы, по случаю переведенной в ранг гарнизона, так как только там было достаточно кроватей. А больных пришлось распределить по домам врачей и сестер, но того требовали государственные дела. Думая обо всех этих проблемах, офицер все больше раздражался: как не вовремя всегда приезжают эти господа от короля!

Толстяк вздохнул и, не обращая внимания на активное сопротивление мальчишек,

поташил тех к небольшому деревянному домику оформлять новобранцев.

Из небольшой группы людей выступил маленький худой человечек с пронзительным взглядом белесых глаз. Он долго смотрел в сторону удаляющегося офицера, пока тот не скрылся за крашеной дверью, протолкнув предварительно внутрь Софию и Циана.

XV

Над пасмурным морем плыл сиротливый туман. Рыбаки привыкли к нему, точнее — не представляли себе иного начала обычного рабочего дня. Миндские морские туманы были издавна известны всем мореплавателям побережья. Рыбаки Минда воспринимали его, как неизменную составляющую своей жизни, в туман они уходили за добычей, а когда утренний бриз разгонял его, предварительно порвав в драные клочья, разворачивали лодки к берегу. Так было всегда, во времена отцов, дедов и прадедов. Так было и сегодня.

Лодки, одна за одной, шурша по шершавой гальке пропадали в молочном мареве. В нём же, как в грязной вате, гасли скрип уключин и плеск воды об склизкие борта. Все знали, что дальше, чем на полсотни шагов, друг до друга уже не докричишься. Рыбацкий промысел в Минде передавался по наследству, не отпускал своих, не принимал чужаков. Рыбаки чуть не с младенчества знали своё изогнутое побережье, особенности неровного дна, по одним им известным признакам придерживались границ морских угодий, принадлежащих разным деревням.

С незапамятных времён все придерживались негласного кодекса, делились добычей, пойманной в чужих водах, дружно гоняли посторонних, а когда их не было — дрались между собой, впрочем — до смерти никогда не доходило. В рыбацком деле каждый был мастером, знал своё дело, не нуждался в подсказках и понуканиях. В сплошном тумане лодки безошибочно выходили на заранее оговорённые места, забрасывали сети, выбирали поставленные вчера, словом — день начинался, как всегда.

Первым неладное почуял слепой Гунтар, прозванный Совой. Он вдруг выпрямился, не выпуская из рук сотни раз перелатанной сети, и всем корпусом повернулся в сторону открытого моря.

— Там кто-то есть, — глухо пробормотал он. Слух у него, как у каждого слепого, был гораздо острее, чем у остальных сельчан. Однако деревенский староста Булга, на чьей лодке издавна ходил Гунтар-Сова, был не в духе — одна сеть оказалась совсем пустой, другая порвалась по непонятной причине, третья зацепилась невесть за что и поднять её не было уже никакой возможности. Этого хватило, чтобы досадливо отмахнуться от слов слепого.

— Отстань, Сова, — буркнул Булга, упорно, но, тщетно дёргая сеть, — Там косою Имыр с Кудой промышляют. Помогай давай, что я тут один тяну...

Гунтар не отозвался, продолжая напряжённо вслушиваться в клубящийся туман. Он не мог определить, откуда берутся незнакомые ему звуки, а те всё приближались, становились громче и отчётливей. Булга уже мог бы их услышать, но ему было не до того. Он как сидел, сердито бормоча и теребя застрявшую сеть, так и нырнул за борт, словив в затылок арбалетный болт. А Сова слышал и скрип вёсел, и щелчок тетивы и даже дыхание гребцов, но, разумеется, не видел выросшую над ним боевую насадскую ладью. А один из воинов, сидевших на носу, перегнулся через борт и взмахом изогнутого клинка снёс слепому рыбаку голову. Через мгновение старая лодка закрипела и захрустела, подминаемая боевым судном... И только гребцы ладьи неслышно ругались, стряхивая с вёсел обрывки рыбацких сетей.

Несколько десятков больших плоскодонок зашуршали по песку. Из них выпрыгивали

вооружённые люди. Молча, словно выполняя нудную и неприятную работу, они зарубили тех немногих, кто оказался на берегу, и двинулись в деревню. Через несколько минут она загорелась: пламя охватило селение сразу со всех сторон. Нападавшие знали своё дело. В живых не осталось ни одного мужчины, включая древних стариков, ни одного ребёнка. Только некоторые женщины перед смертью удостоились сомнительной чести быть изнасилованными, что, впрочем, не повлияло на конечный результат. К тому моменту, как туман развеялся, деревня догорала, всё мало-мальски ценное было свалено в кучу на берегу. А море, до самого горизонта, заполняли боевые ладьи. Будущее Минда представлялось довольно ясно...

— Ваше Величество, беда! — убелённый сединами советник ворвался к Великому Королю Миндскому, нарушая все нормы этикета.

Вельможи королевского совета недовольно загудели. Не то, чтобы их возмутило пренебрежение к правилам, просто большинство приближённых не любили старого полководца. Он-то заслужил своё место без интриг и коварства, и, по мнению многих, давно заслуживал отправки на покой. Искать военную угрозу для мирного Минда — не глупо ли? А старик давно выжил из ума, всё не может избавиться от последствий войны, которая, отгремела, смешно подумать — почти сорок лет назад!

Однако военному советнику было безразлично мнение этих бездельников. Его служба началась ещё при деде короля, под началом Мрачного Руйса тогда ещё молодой военачальник учился бить врага, он же стал военным наставником нынешнему правителю... К сожалению, мирные годы, так радующие обычных жителей королевства, расслабили повелителя. Военная наука отошла на дальний план: погрузневший король предпочитал тратить время на охоту, балы и молодых любовниц. Разумеется, при дворе стали главенствовать дворяне, которым такой стиль жизни повелителя был более чем по сердцу. А военный советник, если и не подвергся опале, то лишь потому, что где-то в глубине души Великого оставались крупинцы уважения к отцу и деду.

— Беда, Величество, — повторил, старик, прорвавшись (кое-где — буквально) к трону. — На Минд напали!

На мгновение в тронном зале наступила тишина. Замолкли выражавшие недовольство, притихли возмущавшиеся крепостью локтей военного советника.

— Кто? — удивился Руйс.

— Насад...

Ещё одно мгновение тишины сменилось не просто смехом, а просто ржанием. Первый министр вполне мог позволить себе и не такое, недаром его юная сестра уже вторую неделю была завсегдаем королевского алькова. Сразу же нашлись те, кто поспешил его поддержать, ведь высокая поддержка всегда может пригодиться. Вдоволь насмеявшись, вельможа вытер слёзы и, задыхаясь, проговорил:

— Bravo, господин советник! А ещё говорят, что у военных нет чувства юмора! Да после вашего заявления королевского шута надо гнать вшаей! Надо же так придумать — Насад напал на Минд! Ха-ха-ха!..

— Вот придурок... — грустно заметил шут, и адресовал господину первому министру неприличный жест, да только кто ж обращает внимание на серьёзных шутов.

А военный советник, багровея и задыхаясь, был вынужден слушать словоизлияния молодого нахала.

— Уж вам ли не знать, что у Насада просто нет армии! Не знаменитые же их маги будут

воевать! В Насаде даже пороха не знают! Случись то, чем вы нас пугаете — рота королевских гвардейцев разгонит их толпу за полдня! Нет, господин военный советник, отдавая дань вашему славному прошлому, вынужден заметить — пора вам на покой!..

Упоминание о королевских гвардейцах — своре бездельников, способных только создавать блеск на приёмах, а в остальное время погрязших в пьянстве и разврате, dokonало старого воина. Он поклонился королю и вышел прочь. Его повелитель так и не узнал, что прямо за дверью тронного зала военный советник повалился навзничь и больше не встал. Даже оказавшийся поблизости королевский лекарь ничем не смог помочь разорвавшемуся сердцу последнего солдата королевства Минд.

О досадном эпизоде не вспоминали. Но через пару дней, глубокой ночью, когда король Миндский Руйс громко храпел в своей спальне, предварительно весьма утомив необычными требованиями сестру первого министра, стены дворца сотряс неопикуемой силы удар. Старинные стены задрожали, посыпалась штукатурка, со звоном повывлетали почти все стёкла... Паника, начавшаяся во дворце, порядку не добавила и ясности не внесла, а вслед за первым ударом последовал второй. Сломал межоконную перемычку, в тронный зал влетел огромный камень...

Господин первый министр был прав дважды — в Насаде не пользовались порохом, и маги в войне не участвовали. Но силы нескольких колдунов вполне достаточно, чтобы удесятерить мощностъ старинного метательного орудия, а заставить гореть, пусть даже недолго, обычный камень, способна практически любая ведьма. То, что получалось в результате их деятельности, было наглядно видно на примере столицы королевства. Боевая армада насадчан стояла границе акватории столичного порта. До королевского дворца, если считать по прямой, было не меньше двух тысяч шагов, а до дальних окраин города — все пять. Тем не менее, специально припасённые валуны, размером в половину быка, методично разрушали резиденцию короля, а пожары, разгорающиеся в разных концах столицы, предполагали скорый её конец...

Неизвестно, чем руководствовался злой разум, объединивший под знамёнами Насада разнообразные племена и народы, но если его целью было разрушение — он своего добился. Наёмники методично уничтожали столицу — одни убивали всех, кто ещё двигался, другие тащили из домов всё ценное, третьи методично вытаскивали всю провизию. Не было спасения женщинам любого возраста, не остался целым ни один опустошённый дом — волна пожаров сопровождала продвижение армии. Военачальники-насадчане не препятствовали солдатам заниматься грабежом и насилием, но жестоко карали за малейшую попытку замедлить движение.

Нельзя сказать, что захватчики не встречали сопротивления. Рыбаки и ремесленники с окраин брались за топоры и дубины, но наёмники сминали их числом и организованностью. Ближе к центру столицы захватчиков стали встречать армейские отряды, но толку от них было не намного больше. Стараниями колдунов и ведьм, которых насадчане практически силком тащили за собой, огнестрельное оружие оказалось бесполезным, ибо мокрый порох — не порох, тогда как луки, арбалеты и пращи наёмников били непрерывно, и каждый снаряд находил свою цель.

Через некоторое время полуразвалившийся королевский дворец оказался в кольце насадских войск. Солдаты обшарили сохранившиеся комнаты, без всяких проблем повывбрасывали из окон не успевших убежать королевских гвардейцев, и в дальних подвалах нашли несколько человек, пытавшихся спрятаться за винными бочками. Пленённые ранее, и

по случайности ещё живые, царедворцы поспешили сообщить, что этот толстый, грязный и трясущийся мужчина в одних подштанниках — Великий Король Миндский Руйс, а испуганно цепляющиеся за него полуголые дамы в железных ошейниках — фаворитки правителя.

Пленными командующий насадской армии распорядился в полном соответствии с тем, какую славу уже приобрели его подчинённые. Молоденьких любовниц солдаты насильовали на глазах князя, пока те не перестали подавать признаков жизни. Впрочем, ему это было безразлично: от страха правитель королевства Минд тронулся рассудком. И даже не попытался сопротивляться, когда насадчане, которым надоело развлечение, засунули его головой вниз в специально привезённую бочку золотаря...

Нескольких человек захватчики оставили в живых. Избитым и покалеченным был дан наказ — дойти до всех сопредельных государств и поставить в известность их правителей — насадская армия неделю будет отдыхать в Минде, а затем двинется дальше. Согласно принятым владычеством Насада даруется жизнь и право считаться рабами Великого Насада. Несогласные — останутся в истории...

— Ты ждал меня? — переспросил Кошчи, хотя и сам прекрасно знал, что это так. — Как ты узнал, что я иду?

— Я слышал, как дрожит земля под твоими шагами, — улыбнулся беззубым ртом старик.

Кошчи присел рядом и окинул взглядом пустынные плато. Странно, он вроде бы весит не так много, чтобы производить при движении много шума. И как старик умудрился отличить звук его шагов, от других, например, от строевого шага насадской армии?

— Вижу, ты не понял, — утвердительно кивнул старик: подбородок с жиденькой седой бородкой задрожал. — А тем не менее, все очень просто — ты удаляешься от источника, а мир начинает дрожать от ужаса. И чем дальше Хозяин, тем больше в мире хаоса и боли.

— Удаляюсь от источника, — тихо повторил Кошчи. — Значит, я потерял свою силу, потому что удалился от своего жилища?

— Нет, конечно, — пожал плечами старик. — Сила мертвой воды всегда будет при тебе, ибо ты давно мертв. Но приближаясь к моему источнику, ты не можешь воспользоваться своей силой. Сейчас словно сошлись вода и огонь, поглощая силу друг друга. Пока это просто равновесие, но стоит тебе возжелать иной участи, как все твое могущество поднимется в воздух белым паром, да вмиг рассеется, словно и не было его. Так же может произойти и со мной, если я буду настолько глуп, что отправлюсь к тебе в гости.

— Твой источник — что это? — уточнил Кошчи, неприязненно поморщившись на предположение старика, что он мертв. Уж очень это было похоже на правду. И лишь совсем недалеко от хибарки старика он вдруг почувствовал первые признаки жизни: ощутил на щеке приятную прохладу ветерка, голод, который не посещал его очень много лет, и странную тяжесть на сердце при воспоминании о маленькой глупой жертве, что скрашивала минуты его одиночества.

— Источник живой воды, — просто ответил старик. — Ты охраняешь не просто мертвую воду. Ты охраняешь информацию обо всех процессах, что происходят в огромном непостижимом мире, охватывающим гораздо больше, чем эту землю, и даже все королевства, княжества и моря. Когда-то эта земля была пустынна, и лишь ветра омывали пыль на безжизненной поверхности.

Старик обвел рукой местность: под воздействием магии Хозяина окружение менялось, словно оплавленная горячим солнцем живописная картина из воска. Тягучие капли медленно стекали в пространство, обнажая под собой растрескавшуюся пустыню. Вода была, но где-то очень далеко, и тоже несла только смерть. Безжизненная, страшная, невероятная картина...

Но Кошчи смотрел на руку старика: иссушенная годами, с сильно выступающими жилами под старческой сморщенной кожей, более похожей на пергамент. Это как раз было нормально. Странно было то, что маг явственно видел, как кожа все более и более сморщивается, как проступают на ней желтые и фиолетовые пятна. Он перевел глаза на лицо старика: кажется, оно стало еще более осунувшимся, из жиденькой бородки прямо на глазах падали волосы.

— Что с тобой происходит? — в ужасе воскликнул Кошчи.

— Ты сам все увидишь, — мягко улыбнулся старик. — Ты слушай... пока я еще могу говорить. В один прекрасный для этой земли просто благословенный день голоса привнесли сюда два источника силы. Источник с мертвой водой, содержащей информацию в очень сжатом виде, недоступном нашему пониманию, дал жизнь этой пустыне. — Под рукой Хозяина в безжизненной местности начали происходить изменения: проклюнулась трава, ветер уже носил семена, а не пустую пыль, Летали насекомые, появлялись звери, люди. — Голоса всегда находили Хозяина, чтобы тот охранял мертвую воду, ибо ни один смертный не мог перенести простого контакта с ней. Точнее, охранял все живое от соприкосновения с высшей информацией. Мы просто неспособны понять очень многое из того, что там содержится, и тем более принять. Человек видит, что небо — голубое, солнце — светит, земля — твердая. Он не может принять к осознанию, что не везде так. Что где-то земля — жидкая и живые существа дышат ею, что вода — живая и может съедать камни, чтобы жить дальше, что солнце — холодное и светит так, что днем все замерзает, а ночью оттаивает... И такой информации невероятно, просто непостижимо много. А коснувшись мертвой воды существо получает доступ ко всей этой информации — мозг начинает работать в настолько усиленном режиме, словно очнувшись, человек понимает — он пользовался лишь очень малой его частью. И в какие-то доли секунды информация начинает перерабатываться. Изначально противоречивая, она сводит с ума каждого. Кто-то раздирает себя в клочья, чтобы прекратить эту агонию, кто-то просто падает замертво. Ни один Хозяин, избранный голосами, не выдержал более десяти лет. Он постепенно отравлялся парами мертвой воды, что витают в пещерах. Так было долгое время... до тебя. Думаю, голоса невероятно удивились такому феномену.

Старик тихо рассмеялся, видимо, растеряв остатки сил, закашлялся и застыл. Кошчи растерянным взглядом следил за торопливым солнышком, исчезающим за вечным горизонтом. Он знал о силе, о том, что все вокруг зачастую не то, чем кажется. Что обыватели крепко держатся за привычную картину мира, в основном совершенно иную, чем она есть на самом деле. Люди упорно окружают себя стеной, защищаясь от окружающего мира, на самом деле добровольно обрекают себя на вечное заточение в четырех стенах, не видя ничего дальше собственного носа. А когда им прорубишь даже не окошко — маленькую дырочку, в этой монолитной стене, они громко вопят — «чудо!», и падают ниц от восторга.

А потом поспешно залепляют дырку всем, что попадется под руку, дабы снова ослепнуть и оглохнуть. Мол, так проще — не надо рушить такую привычную тюрьму. Мало

ли что находится там, за ней на самом деле. И воображение рисует картины, по сравнению с которыми правда — детская сказка: разноцветные бабочки — лишь приманка на ядовитом хвосте чудовища, готового съесть каждого, кто осмелится выйти из-за стены; яркий свет солнца — лишь отсвет прожорливого пожара, готового проглотить все живое...

Кошчи немало сот лет потратил на то, чтобы открыть людям глаза на реальный, такой зыбкий и хрупкий, как крылья бабочки, как мимолетный сон, но такой чуткий, готовый дать счастье каждому существу, что живет в нем. И он упорно долбил дыры в этих толстых стенах, но люди не хотели помощи: они боялись и мира, и Хозяина, так сильно отличающегося от них. Тогда он стал рушить эти стены, зачастую ломая кости тех, кто за ними прячется, а порой и жизни...

Задумавшись, Кошчи проводил последний луч, моргнул, избавляясь от радужных кругов перед внутренним взором, и обратился к старику:

— Если я — мертв, почему я начал ощущать снова человеческие эмоции? — спросил он притихшего Хозяина.

Старик не ответил, даже не шевельнулся. Кошчи привстал, чтобы заглянуть тому в лицо: голова неестественно откинута, рот открыт, с лысого черепа слетали последние истонченные временем волосы. Старик умер! Как же так! Кошчи так долго шел, он уже стоял на пороге разгадки своего существования. Да что там: он встретил единственное существо в мире, которое могло понять Хозяина, может даже, стать ему если не другом, то хорошим знакомым, с которым можно порассуждать на темы, часто недоступные обывателю.

Но старик был мертв: тонкая, точно рваный пергамент, кожа уже слезала хлопьями с рук Хозяина, словно труп пролежал в сердце пустыни неделю, иссушаясь на палящем зное. Кошчи сглотнул и уставился на провалившиеся глазницы старика: труп разлагался практически на глазах! Вскоре, еще до момента, как на небе зажгли свой яркий танец незыблемые звезды, под ногами мага лежала кучка пепла, слабо потревоженная ветерком.

Он снова один! И теперь, когда к нему вернулись чувства, когда только слабо забрезжила надежда, что бесконечный досуг Хозяина будет окрашен в более радужные тона, все тут же развалилось, оставив после себя лишь горстку серого пепла на пороге хибарки.

Маг вздохнул и пошел вперед, не в силах больше смотреть на свое мертвое будущее. Он и сам мертв, так какая разница. Магу хотелось омыть запыленное в дороге тело, заодно смыв в водах печаль по несбывшейся надежде. Надо бы найти реку, озерцо, или, на крайний случай, хоть какой-нибудь ручеек.

Через плато, в небольшой рощице низких коряжистых деревьев, Кошчи заметил блеснувшие на земле звезды — продолговатое озеро манило усталого путника, обещая прохладу. Маг подошел, оценив и прозрачные воды, и густой кустарник, позволяющий укрыться от любопытных глаз, если таковые вдруг найдется. Но, наученный недавним опытом, Кошчи не хотел больше рисковать и встречаться с разбойниками, пока лишен силы. Тем более, что напасть на купающегося прохожего гораздо проще, чем на вооруженного насадчанина, и сулит быстрый успех, так что озерцо вполне могло быть обитаемо.

Но кругом было тихо, и подозрительность Кошчи не подкрепил ни единый шорох. Маг быстро разделся и прополоскал одежду от дорожной пыли. Потом, развесив мокрые тряпки на густой куст, зашел в густые прозрачные воды. Прохлада ночи остро контрастировала с теплом воды, нагревшейся за день: Кошчи испытал жгучее наслаждение от соприкосновения к коже играющих пузырьками струй. Сколько времени он был лишен этого невинного удовольствия, подумать страшно.

Маг нырнул, одним махом растворяя в воде все печали и заботы, которые с рвением бродячих собак накиннулись на его внезапно обретшее чувства сердце. Эта загадочная мышца не давала о себе знать долги, долгие годы, совсем разучившись справляться с нахлынувшими эмоциями. Внезапно маг глотнул воды, закашлявшись: в темных водах ему привиделось лицо Софии. Девушка печально смотрела на него омутами подводных глубин, манила прядями прибрежных водорослей, чуть колыхающихся, поддаваясь чуть заметному течению. Кошчи стремительно вылез из воды и растянулся на берегу: щемящее чувство, словно в молодости, охватило душу. Он что, влюблен? Этого просто не может быть! Ни одна женщина не взволновала его в период бытия Хозяином, как бы ни старалась при этом.

Да, конечно, с Софией было забавно разговаривать, она так трогательно привязалась к нему... Ему это было все равно, но он ценил в девушке то, что она готова к переменам. Она смотрит на мир широко распахнутыми глазами. И ни боль, ни смерть, ни кровь, которые сирота изрядно хлебнула за свою недолгую жизнь, не повлияли на чистую несколько наивную открытость этому миру. Это было настолько редко, что Кошчи как мог оберегал «жертву» от тех, кто мог заставить чуткое сердечко зачерстветь, кто мог подчинить этот незамутненный постулатами разум.

Он видел, что девушка сильно и безответно влюблена в него, в его силу, но маг был привычен к таким вещам: женщины часто влюбляются не в мужчину, а в образ чего-то властного, незыблемого, сильного, отличного от других. Никто не знал, что представляет собой тот человек, что скрывается под маской Хозяина... да и сам Кошчи уже давно забыл об этом: маска приросла, заменив лицо. Он даже подозревал за маской нечто, что еще недавно видел на лице старика, углядел в пустых глазницах и абсолютно лысом черепе.

Мрачно сплюнув, Кошчи натянул на себя мокрую одежду и неприятно поежился: холодная сырая ткань причиняла магу много неудобства. С одной стороны, он был рад ощутить кожей мир, с другой — раз к нему вернулись человеческие слабости, он может и заболеть! Надо было высушиться, а для этого нужно развести костер. При этом просто щелкнуть пальцами, извлекая искру, уже не получится. А как люди разжигают сухие ветки, он уже давно забыл.

— Приятный вечер, добрый путник. — Мягкий мужской голос заставил Кошчи подпрыгнуть от неожиданности: он тут же метнулся к валяющемуся на земле оружию, схватив фламберг...

— Я не причиню тебе вреда, странник. — Темная фигура приблизилась, и Кошчи разглядел высокого стройного насадчанина, примерно возраста молодого мага, которого ему пришлось убить в темнице тайной стражи. — Я такой же искатель, как и ты.

— Приветствую и я тебя, — чуть дрожащим голосом отозвался Кошчи: в мелко трясущемся теле было явно заметно влияние адреналина. Страх, так не типичен для Хозяина, оставил в душе склизкое воспоминание. — Я как раз думал, как разжечь костер. У тебя есть огниво?

— Зачем? — искренне удивился насадчанин и, очертив носком ноги петлю на земле, выбросил в сторону нарисованной фигуры кулак, резко разжимая пальцы: на месте круга сразу весело затрещал костерок, выплевывая в темное небо яркие искры. Огонь горел без дров, но явно не испытывал необходимости в топливе, ничуть не затухая.

Кошчи присвистнул: такая магия была не под силу Хозяину. Молодой человек смущенно зарделся и объяснил:

— Это не я такой сильный маг, это Кудыкина гора помогает в колдовстве. Выйдя с этих

плато, я рискую остаться либо ни с чем, либо унесу лишь малую часть магии жизни, царящей в каждой песчинке.

— Как интересно, — пробормотал Кошчи. — И что — каждый, вступив на эти плато, становится таким кудесником?

— Конечно, — чуть удивился насадчанин. — Если Кудыкина гора пустила тебя, значит, ты достоин ее силы и загадок. Я знаю многих, очень многих, кто потратил всю жизнь в поисках этого места, но оно так никогда и не допустило их до своих тайн. Поэтому я так обрадовался, увидев тебя: говорят, здесь нечасто увидишь себе подобных, так как нас — единицы.

— Похоже, я единственный, кто лишен здесь силы, — мрачно пробормотал Кошчи. — Интересное место, где еще Хозяин может почувствовать себя обычным человеком в окружении волшебников...

— В смысле? — не понял паренек. — Ты не можешь ворожить? Ах, да, ты даже костер не знал, как разжечь... Или же ты и не пытался, не веря в такую возможность?

— Старик мне вполне понятно объяснил, что не стоит и пытаться, если я не хочу стать облачком пара, — жестко усмехнулся Кошчи.

— Старик? — еще больше удивился парень: и так от природы длинное тонкое лицо вытянулось, став похожим на карикатуру. — Какой еще старик? — Насадчанин немного помолчал в растерянности, а потом прошептал, словно боясь высказать свое предположение вслух: — Тебе что, удалось увидеть Хозяина?!

— Удалось, — рассмеялся Кошчи. — А это что — так трудно сделать?

Удивление Кошчи было объяснимо: на его земле к Хозяину мог прийти любой и даже поговорить с ним, если Кошчи был не слишком занят. Как бы люди не боялись мага, но всегда толпой текли к нему с бесконечными просьбами. Это и раздражало, и служило опорой в скучной жизни мага: было чем заняться. А Хозяин живой воды оказывается прятался, видимо, стыдясь своей дряхлости. Ведь он, в отличие от защитников мертвой воды, был тут с самого начала. Страшно подумать, какую длинную скучную жизнь пришлось прожить старику: Кошчи остро пожалел Хозяина живой воды. По сравнению с существованием старика, его собственная жизнь — увлекательное приключение!

— Практически невозможно, — пораженно покачал головой парень. — О нем только легенды ветхие ходят. И я предполагаю, что львиная доля в них — вымысел, украшенный многими поколениями...

«Как и его собственная персона, так и моя», — подумал Кошчи.

— ... и нельзя сказать, где искра истины в ворохе витиеватых сказок, — печально закончил насадчанин, с завистью смотря на Кошчи. — Расскажи, какой он?

— Старый, бормочущий, рассыпающийся на глазах труп, — раздраженно повел плечами маг. — Лучше ты просвети меня на счет древних сказок.

— Ха, — отозвался насадчанин, приняв при этом вид весьма хитрый, — а ты когда его видел — поздним вечером? И он умер на твоих глазах, рассыпавшись в прах?

— Ну, да, — ошеломленно кивнул Кошчи. — Это что-то значит?

— Это значит, — торжественно провозгласил насадчанин, что самые невероятные сказки чаще всего оказываются правдой!

— Тоже мне, открыл тайну, — хмыкнул Кошчи. — Да это всегда так, просто люди упорно не видят очевидного... Так что там со стариком?

— Хозяин, — начал насадчанин, — каждый день вынужден проживать целую жизнь.

Солнышко встает — рождается ребенок. По протяжении дня он растет, становится взрослым, потом стареет и когда солнце покидает землю, умирает, оставляя лишь прах на земле. И за много тысяч лет, с самого дня сотворения мира, он проживает каждый день. А от образующегося пепла и возникли эти плато. А так как этот непостижимый пепел остается частью Хозяина, то он может сам решать, с кем встретиться, с кем нет, кого одарить своими чудесами, кого морочить по пустынным плато...

— Какая интересная сказка, — пробормотал Кошчи. — Выходит, Хозяин всегда знает, кто находится на его могиле, вот только лично встречается не с каждым... Интересно, почему?

— Возможно, — пожал плечами насадчанин, — он не хочет шокировать людей стремительными переменами в своей внешности... да и внутренне он всегда разный: успеваешь быть и несмышленный ребенком, и пылким юношей, и усталым стариком... Не всякий собеседник выдержит столько личностей, хранящихся в одном человеке.

— То есть, до вечера с ним бесполезно о чем либо разговаривать? — уточнил Кошчи, размышляя: значит, он может расспросить Хозяина живой воды еще не раз. — Пока он молодой и глупый, можно побродить по окрестностям, а к вечеру зайти на огонек...

— Ты хочешь сказать, что хочешь снова найти Хозяина? — изумился насадчанин. — Да тебе и так повезло, что хоть минуту с ним поговорил! Да и где ты теперь его будешь искать?

— В его старой хибарке, — безразлично пожал плечами маг: пусть паренек не верит, это как раз для людей нормально. Если бы он верил — говорил бы с Хозяином сам. Не думал Кошчи, что хозяин и правда бежит от поклонников, просто до него добираются лишь те, кто действительно готов к встрече с ним. — С таким-то могуществом, мог бы себе хоромы и получше поставить...

— А, — улыбнулся насадчанин, — это тоже легенда. Хозяин построил великолепный дворец, с множеством комнат, шикарных балконов, высоких окон... Вот только за столетия он почти полностью скрылся под пеплом волшебника, являя миру лишь каменную площадку с небольшим домом. Похоже, со времен создания легенды, дворец еще больше ушел в пепел, оставив лишь смотровую башенку, которую ты принял за хибарку без окон и дверей...

— Любопытно, — протянул Кошчи. — И все же мне интересно: как рождается младенец, у него же матери нет!

— Его рождает земля, — сразу отозвался парень, видимо, наизусть помня все туманные сказания об отшельнике. — Ну, думаю, он возрождается из собственно пепла. А если ты собрался снова говорить с ним, то можешь это выяснить сам — до рассвета не так долго времени осталось. Было бы любопытно узнать. Вот если бы Хозяин и со мной поговорил... — насадчанин мечтательно закрыл глаза.

Да, пока он мечтает, встречи не состоится — усмехнулся Кошчи. Зато если вдруг решит, что Хозяин обязательно примет его, то насадчанину уже не отвертеться от великого чуда, которое стремительно ворвется в его жизнь.

Внезапно на Кошчи навалилась усталость, пригнув мужчину к земле, слепив глаза. Сон — эта роскошь, которой жизнь его давно лишила. Кошчи мечтательно улыбнулся: а вдруг ему и сон приснится? С этой светлой мыслью он погрузился в мягкие грезы, растянувшись на голой земле перед веселым костерком, приятно греющим бок.

Утреннее солнце игриво пощекотало нос мага: Кошчи внезапно чихнул и распахнул глаза. Настроение зашкаливало, грозясь вылиться в какую-нибудь дику выходку вроде ловли бабочек или игры с лягушками, в изобилии обнаружившихся в пруду. Костерок все еще

горел, не изменив высоту пламени ни на долю. Молодой насадчанин по-богатырски храпел с другой стороны костра.

Кошчи решил не брать парня к Хозяину, вдруг тот своим неверием спутает дороги, постоянно отводя от цели? А маг хотел собственными глазами убедиться в реальности древней легенды.

Легко взбежав на плато, где он вчера встретил старика, Кошчи пристально пригляделся к хибарке: Да, паренек был прав — это на самом деле маковка чего-то огромного, что скрывается под землей. В полутьме сумерек немудрено было спутать облезлые каменные стены смотровой башни с пастушьей пристанью.

Из каменной беседки Кошчи услышал истеричные рыдания маленького ребенка. Тот звал маму, которой не было. Сердце мужчины сжалось в приступе жалости: Кошчи растерянно моргнул — а вот от подобных эмоций он бы сам добровольно отказался. Ведь маг ничем не мог помочь младенцу, если это и есть Хозяин. Уносить его отсюда бесполезно, привести сюда женщину, чтобы ухаживала за колдуном — потеряет рассудок, не выдержав.

Посомневавшись, маг все-таки зашел внутрь и уставился на орущего младенца: тот мгновенно прекратил трели и необычно мудрыми глазами уставился на гостя: Кошчи поежился. Рассмотрев мага, ребенок стал орать еще громче. Не зная, что предпринять, мужчина подошел к малышу и попытался успокоить.

Ребенок был абсолютно голым, возможно он замерз на утреннем сквозняке: Кошчи скинул плащ и укрыл младенца. Тот замолчал, внимательно посмотрел на импровизированное одеяло, ловким движением, казалось, еще непослушных пальцев, сбросил его с себя и закричал снова.

— Ну, тогда не знаю, что тебе нужно, — раздраженно отозвался Кошчи. — Еды у меня нет, да и еду тебе еще нельзя...

Ребенок потихоньку затихал. Вскоре Кошчи обратил внимание, что тот уже значительно подрос. Хозяин уже сидел на голом полу и активно сосал кулачок, пристально наблюдая за гостем.

Кошчи вздохнул и опустился рядом: оставалось лишь ждать. Ребенок опустил руки и, удерживаясь на них, выпрямил свои слабые дрожащие ножки. Когда Хозяин пошел, Кошчи заметил на нем штанишки и несказанно удивился: откуда они появились.

Ребенок мельтешил вокруг мужчины, занимаясь какими-то своими, детскими делами. Кошчи задремал, устал наблюдать за ростом ребенка. Когда он проснулся, солнце уже стояло в зените. Перед ним, в белых штанах и просторной рубаше, сидел молодой человек и пристально смотрел в лицо магу.

— О, привет, — обрадовался Кошчи, что Хозяин уже в более осмысленном возрасте. — Помнишь меня?

— Тебя забудешь, — хитро усмехнулся парень. — Что, за продолжением пришел? Ну, как тебе мой распорядок дня?

— Шумно, — вздохнул Кошчи, вспоминая свою жалость, испытанную к беззащитному младенцу. — А ты осознаешь, что с тобой происходит?

— Каждый миг, — серьезно кивнул парень. — И давно научился ценить нетривиальный подарок голосов. Хотя, первые столетия я каждый день проклинал их. И страшно завидовал охранникам мертвой воды — они лишь на короткий миг были причастны к истине. И в одном возрасте...

— А умирать не больно? — любопытствовал Кошчи.

— А вот это лучше у тебя спросить, — неожиданно усмехнулся Хозяин. — Я умираю каждый день, но не по-настоящему. Ты умер один раз, зато реально. Немного неприятно голым лежать, когда еще не можешь толком ни рукой пошевелить, ни ногой, ни перевернуться. А потом уже легче...

— И поэтому орешь? — понимающе усмехнулся Кошчи, заставив себя пропустить мимо ушей замечание Хозяина о смерти. — Ругаешься по-своему.

— Так больше все равно делать нечего, — кивнул Хозяин. — Но меня очень позабавила твоя реакция, как и неуклюжие попытки ухода за младенцем, — расхохотался парень.

К своему удивлению, Кошчи присоединился к веселью собеседника. Смеяться с Хозяином живой воды было так же приятно и интересно, как и разговаривать. Кошчи вдруг ощутил странную привязанность к парню, он мог бы назвать его братом. Жизнерадостность, бьющая в Хозяине через край, подкупала своей непосредственностью. Но как бы ни было приятно болтать с парнем, надо было выяснить вопросы, затронутые еще вчера: мужчина уже оброс шикарной бородой, пока Кошчи выяснял ощущения самого Хозяина в постоянно меняющемся теле.

— Скажи, почему голоса внесли в мир сразу два источника? — серьезно спросил он у Хозяина. — Почему мертвой воды было недостаточно?

— Все просто, — фыркнул бородач. — Мертвая вода приносит в мир обитателей: растения, животных, прочих живых существ, но лишь живая вода может ее одухотворить создания, вдохнуть в них реальную жизнь, наделить чувствами, страстью. А то, ходили бы по земле такие вот, как ты, — подмигнув, рассмеялся мужчина, — скучные, могущественные, без тени страха и прочих эмоций. Одного и так предостаточно...

— Но сейчас я не такой, — удивленно протянул Кошчи. — Я живой: чувствую ветер, воду, голод, страх... любовь. Что со мной?

— Живая вода с тобой, — помрачнел Хозяин. — Она тут везде витает. Под плато, которое смешно прозвали Кудыкиной горой, спрятан источник, который я сторожу. Но эта воды живая, она не будет сидеть в кувшинах. Как твоя подопечная. Увы, ей нужно движение, иначе она просто сама погибнет. Голоса ограничили движение воды в пространстве, но она все равно течет, просачивается, испаряется, проливается дождем. И, конечно, вступив на плато, ты подвергся ее воздействию.

— Я подвергся воздействию, — протестующе поднял руку Кошчи, — еще на побережье... точнее, испытал там первые эмоции. Но не обратил внимания — мало ли какие побочные эффекты у игнорирования силы, ведь я не использовал ее довольно долгое время.

— На побережье? — уточнил Хозяин и нахмурился. — Значит, дело и в самом деле худо. Ты нарушил равновесие. Голоса распределили источники не просто так: определенные места силы держали мир в равновесии. Но ты разбил равновесие.

— Тем, что остался жив, приняв каплю мертвой воды? — удивленно поднял брови Кошчи.

— Сколько раз говорить, что ты умер? — расхохотался Хозяин, но потом махнул рукой: — Ты, конечно, изрядно поразил силы, наполняющие мир, но не это пошатнуло его равновесие. Ты бездумно пользовался силой, вмешивался в людские дела и проблемы... но все было нормально. До тех пор, пока ты не решил охватить своей неумной заботой весь мир. Ты часто нарушал законы жизни, вмешиваясь в дела смерти, возвращая из-за порога давно канувших существ. К тому же, не желая исполнять свои непосредственные обязанности, ты путешествовал по миру, часто нарушая негласные границы — разделение

живого и мертвого источника. Голоса же не просто так поместили их в разные концы света, источники не должны перемешиваться, иначе может произойти нечто ужасное. Возможно, даже мир полностью прекратит свое существование, жизнь закончится.

— Я же здесь, — Кошчи растерянно огляделся. — И мир пока стоит на месте: всеет не погас, неприкаянные души не атакуют Кудыкину гору, все идет своим чередом...

— К гибели, — Закончил за мага заметно поседевший Хозяин. — Пока ты шел сюда, ведомый любопытством, равновесие все больше сдвигалось в сторону мертвой воды. Люди ожесточились, по земле прокатилась война. Это все не просто так: люди инстинктивно пытаются сохранить равновесие мира, даже ценой собственных жизней.

— Я хотел узнать, что за странная магия сочится из Насада, — попытался оправдаться Кошчи, понимая, что все равно бесполезно — Хозяин его ни в чем и не обвинял. Он просто объяснял свои слова, почему при приближении Кошчи «дрожала земля от шагов». — Раньше я ни с чем подобным не встречался...

— Просто не обращал внимания, — спокойно улыбнулся Хозяин. — Но в последнее время магов стало на самом деле больше. Это объяснимо: ты так активно начал вмешиваться в жизнь, что живая вода, дабы сохранить равновесие, подпускала к себе больше жаждущих чудес странников, наделяя их живительной магией.

— Значит, войну я спровоцировал? — мрачно подытожил Кошчи и тяжело вздохнул: — А я, дурак, хотел объединить все государства под одним, чтобы войн вообще больше не было. А сам своими действиями подтолкнул разрозненные княжества к еще большей вражде. А почему наступление начал именно Насад? Они всегда были самые мирные...

— Равновесие, — вновь повторил Хозяин, пожав плечами. — Ну сам подумай — информационная часть мира разрастается, распространяемая тобой с упорством маньяка. Насадчане, с рождения пропитавшиеся парами живой воды, стремятся нести в массы чувства... даже если это — жестокость, жажда власти, и прочие низменные чувства. И, соответственно, они, стремясь уравновесить мир, нападают на страны, пропитавшиеся парами мертвой воды.

— Не представляю, что теперь делать, — буркнул Кошчи. — Как вернуть миру равновесие?

— Просто не нарушать его, — спокойно ответил Хозяин источника. — Постарайся не вмешиваться в мир, просто существуй и выполняй свои обязанности. А мир сам уравновесит себя, совершенно самостоятельно, и даже если тебе не будут нравиться методы, ты не должен вмешиваться. Это лишь будет еще больше раскачивать маятник.

— А если я больше не хочу выполнять свои обязанности? — с вызовом спросил Кошчи. Допустим, у меня другие планы. Я хочу жить, как нормальный человек. Ведь живая вода может вдохнуть жизнь, значит, сможет сделать это и в моем случае. Я вновь стану живым, стану владеть своими чувствами. Стану испытывать желания и потребности. Буду любить...

— Конечно, будешь, — с грустью ответил Хозяин. — Вот только любить ты будешь воспоминания. Я уже предупреждал тебя, что встреча живой и мертвой воды может обернуть тебя в пар. Ты насквозь пропитан информацией. Ты пользовался ей всегда, от тебя просто веет неизвестностью. Для меня, для других, ибо это непостижимо для чувств.

— Что-то здесь не сходится, — покачал головой Кошчи. — Источники действовали вместе, подарив жизнь миру. Почему, вновь сойдясь, допустим — во мне, они принесут мне смерть... если я уже давно умер?

— Я не сказал — это убьет тебя, — хитро сощурился уже пожилой человечек. —

Возможно даже, что ты создашь новый мир, или наполнишь этот новой жизнью... Я-то в любом случае останусь, как твой антипод. Но другие просто исчезнут, станут пылью — пух! — и он махнул рукой, смахивая со стены слой пыли, которую тут же подхватил озорной ветерок.

София! Сердце Кошчи болезненно сжалось: либо он станет живым, и вновь будет ощущать прохладу летних вечеров и солнечную щекотку, но девушка канет в небытие. Либо он останется таким, какой есть и, вернувшись в замок, снова будет безучастно смотреть на жизнь других, разруливая досадливые конфликты от скуки. Но уже не сможет любить ее, такую чистую, отважную, открытую...

— Есть над чем задуматься? — уточнил Хозяин, медленно старея. — Это хорошо: пока человек думает, он существует. А твои думы часто воплощаются в мир и начинают существовать сами по себе. Это интересно, хоть и хлопотно... Лично я очень рад такому антиподу, как ты. Кстати. Если надумаешь поболтать, совсем не обязательно снова переться сюда — просто позови меня.

— Как это — просто позвать? — усмехнулся Кошчи. — Ты что — сразу примчишься, словно послушное привидение?

— Ну, должны же у таких влиятельных дядек, как мы быть свои маленькие преимущества, — старик, кряхтя. Поднялся и заложил руки за спину. — Например, я могу поговорить с существом, находящимся в любой точке мира... точнее, не с ним самим, а с его сердцем. Он-то, бедолага, считает, что это интуиция с ним говорит, — с сарказмом закончил Хозяин.

— А, — хохотнул Кошчи. — Кто-то тоже с энтузиазмом вмешивается в дела людей! А еще мне лекцию прочел о вреде могущества.

— Но, заметь, я не вылезая со своего насиженного веками места, — изогнул седые брови тощий старик.

— Только потому, что боишься не возродиться где-то без кучки своего волшебного пепла, — раскусил Хозяина маг.

— Ну все, — оборвал дряхлеющий мужчина. — Утомил ты меня смертельно, — хитро хихикнул он. Давай, проваливай, не мешай старому больному человеку рассыпаться в пыль.

Кошчи, не прощаясь, вышел из башенки и, не оборачиваясь, решительно пошел к маленькому озерку. Он точно знал, что насадчанин дождетса его, хотя бы из любопытства. А на веселого паренька у Хозяина мертвого источника возникли планы.

XVI

В старом продавленном кресле сидел пожилой генерал. Он потягивал из мутного стеклянного бокала дрянное вино и задумчиво поглядывал в окно. Там, на пустыре, простиравшемся до самого леса, раскинулся воинский лагерь. То есть, воинским он мог показаться лишь неискущённому взгляду: армейские шатры рядами, расчищенный квадрат в середине, люди в военной форме. Генерал же видел, что натянутые кое-как шатры стоят криво, большинство народа шатается без дела. Даже полевая кухня, — объект вечного вожделения всех солдат, — дымит еле-еле, словно через силу.

Генерал вздохнул и перевёл взгляд на застывшего перед ним толстого усатого майора. Воинская статья тому давалась с явным трудом. Это было заметно и по натянувшимся петлям на мундире, грозившим вырвать с мясом форменные пуговицы, и по огромному подозрительно красному носу, и могучему аромату перегара, уже заполнившему всю комнату, несмотря на все старания майора и открытое окно.

— Итак, майор, вы берёте на себя смелость утверждать, что рекруты набраны и соответствуют всем требованиям королевской армии? — намеренно растягивая фразы, угрожающе произнес генерал: майор попытался подтянуть безразмерное брюхо и ещё больше выпучил глаза. — Вы шлёте донесения, что подготовка новобранцев движется полным ходом, что ваши наставники изрядно преуспели и новое войско может хоть завтра выдвигаться к границам королевства, готовое дать достойный отпор любым врагам...

Майор изо всех сил старался сдержаться. Но бессонная ночь, печёный гусь, кувшин вина и попытки доказать вдове трактирщика, что наша армия ещё ого-го, дали о себе знать самым неподобающим образом: его вырвало.

— Вон отсюда! — с отвращением рявкнул генерал, пинком выпроваживая из комнаты позеленевшего мужчину. — Лейтенант, быстро ко мне!

Из-за двери буквально вынырнул молоденький лейтенант в новеньком щеголеватом мундире. Виртуозно избежав попадания в последствия конфуза майора, юноша замер перед начальством.

— Именем короля! — генерал от ярости уже брызгал слюной. — Под трибунал мерзавца! А ты лейтенант, лично проследи, чтобы все документы были оформлены как можно быстрее! Да передай капралу моей личной охраны, что я велел взять под арест этого бездельника и пьяницу! И не как майора, а как рядового солдата! Я лишаю его воинского звания!

Лейтенант с каменным лицом щёлкнул каблуками, выражая полное понимание и подчинение.

— И ещё, — уже спокойнее буркнул генерал, оттирая пот с лица. — Назначаю командующим рекрутским лагерем тебя, юнец. Принимай любые полномочия, бери любых людей из моего штаба и если через месяц, — слышишь? Месяц! — предоставишь мне боеспособный отряд, то я лично буду ходатайствовать перед Его Величеством о присвоении майорского звания... Да предоставлении права выбора места службы и должности. Приказ понят, лейтенант?

— Да, мой генерал!

— Готов исполнить?

— Я исполню его, мой генерал!

Суровое лицо военачальника несколько смягчилось. Он взял юношу под локоть и вместе с ним вышел из комнаты. Не обращая внимания на притихшую свиту, генерал доверительно сказал:

— У тебя, молодой человек, были основания относиться ко мне с неприязнью, уж не суди строго старика...

— Мой генерал, — осмелевший лейтенант позволил себе перебить старшего по званию, — со всем возможным почтением... не ваша вина, что многие юноши из знатных семей делают карьеру, опираясь лишь на имя и заслуги родителей. Смею надеяться, что за время, проведённое в вашем подчинении, я не дал повода так думать!

— Не дал, это верно, — взгляд старого вояки ещё больше потеплел, — К сожалению, новое назначение — единственное, чем я могу подтвердить свое доверие. Кстати... Писарь! Приказ!

Тщедушный солдатик моментально развернул на складной конторке лист бумаги и замер над ним с пером наперевес.

— Сего числа, я, генерал Арроти, волею Его Величества, назначаю Анди Роверс

командующим Арлейнским рекрутским лагерем, со всей полнотой власти и правом действовать от моего имени, присваиваю указанному офицеру звание полевого капитана, со всеми полагающимися привилегиями.

Генерал не успел перевести дух, а под его рукой уже лежал исписанный каллиграфическим почерком лист бумаги, да полное чернил перо. Услужливый писарь готов был капнуть на бумагу расплавленный сургуч для скрепления назначения печатью. Команда старого генерала знала своё дело.

Лейтенант, а теперь уже капитан Роверо, был молод и весьма честолюбив. Юноша с детства мечтал о военной карьере, при этом изо всех сил старался, чтобы его росту способствовали личные заслуги, а не многовековая близость ко двору фамилии Роверо. Ещё не улеглась пыль за каретой, увозившей генерала Арроти, как сияющий командующий лагерем собрал подчиненных. Генерал не обманул, позволил взять лучших людей. Им не требовалось дополнительных указаний, ведь даже подчиняясь капитану, они продолжали служить любимому генералу.

— Старший капрал Бум, вы назначаетесь главным наставником лагеря. Ваша первая задача — проверить действующих наставников. Неудобных — гнать в три шеи, список представите мне. Если вам известны люди, которые будут полезны — так же сообщите мне, они поступят в ваше распоряжение. Исполняйте! — с удовольствием приказал юноша.

Бывший начальник охраны генерала с достоинством отдал честь и, не мешкая, двинулся исполнять приказание.

— Старший писарь Шток, проверьте ведение дел, — капитан обернулся к братьям. — На исправление всех погрешностей в бумагах дайте писарям одну ночь, кто не справится — будет наказан. Младший капрал Шток, сопровождайте господина старшего писаря.

Столь не похожие друг на друга родные братья, — маленький писарь и огромный капрал, — козырнули и скрылись с глаз.

Военная машина завертелась.

***

Наутро капитан провёл первый смотр будущему королевскому воинству. Не прошло и полусуток, а прогресс был заметен даже в мелочах. Рекруты стояли достаточно ровно, хотя новенькие мундиры сидели ладно не на всех. Капитан шагал вдоль шеренги, всматриваясь в лица новобранцев и внимательно прислушиваясь к тому, что негромко сообщали ему писарь и наставник. Этим людям он доверял, как себе. Ещё рано утром, задолго до построения были отправлены восвояси: пара одноногих, бывших храмовых побирушек, невесть чем собиравшихся поживиться в армии, да выпорот на плацу и с позором изгнан известный городской воришка. Трём больным было отказано от призыва в армию, ещё пятерых, до выяснения окончательного диагноза, поместили в спешно сформированный лазарет, о котором, кстати, даже не задумался предыдущий командир лагеря.

Ещё несколько изменений Роверо собирался провести лично. Ничто так не поднимает боевой дух, как осознание того, что командир в курсе всех дел подчинённых.

Остановившись напротив одного из рекрутов, капитан отрывисто спросил:

— А ты не слишком стар для службы в армии?

— Ваша милость, я ещё многое могу, и здоров как бык! — худенький мужичонка с негнувшийся ногой умоляюще уставился на командира.

— Похвально, что хочешь служить королю, рекрут, — мягко усмехнулся Роверо, — но

будет лучше, если каждый принесёт пользу на своём месте. Наставник, этого солдата в обоз, хорошие портные нам тоже пригодятся. Своей иголкой он принесёт больше пользы, чем пикой на поле брани. И пусть не забудет показаться лекарю!

Капитан двинулся дальше, слыша удивлённый шёпот у себя за спиной. Никто и не предполагал, что молодой офицер может знать Хромого Хьюго — известнейшего портного в бедных кварталах. Жесточайшая нужда заставила того рискнуть пойти в армию, и, надо же, как по-человечески обошёлся с ним новый начальник!

— Шатранец? — Роверо остановился напротив очередного рекрута, молодого крепкого парня.

Тот беспомощно оглянулся на соседа, — совсем юного, почти мальчика, — но, не получив поддержки, пробормотал:

— Шатранец...ваша милость...

— Что же занесло тебя так далеко от родины? — чуть нахмурился Роверо.

Сосед шатранца чуть выступил из строя и спешно затараторил:

— Они, ваша милость, уж, почитай, годков двадцать здесь живут! Мне матушка сказывала, что родители евоные из-за гор явились, да в деревне нашей осели, а он уж здесь родился! Парень смирный, только заговаривается иногда, а так здоровый!

Роверо медленно перевёл взгляд на мальчика, минуту смотрел на него молча, все более хмурясь. Под мрачным взглядом София, изображающая из себя худосочного мальчика, окончательно сникла. Капитан чуть растерянно моргнул и бросил наставнику:

— Этого болтуна — на кухню. Рано ему воевать. А дисциплине у котлов можно научиться не хуже чем в строю.

Роверо двинулся дальше, делая вид, что не заметил тычок локтем под рёбра, которым красный, как рак, шатранец наградил своего соседа.

Полевой кухней командовал тощий и длинный Тьи. Как человек с таким телосложением мог стать поваром, было загадкой не меньшей, чем как, много лет состоя при армейской кухне, можно ухитриться не прибавить ни фунта весу. Предыдущий кашевар был изгнан с позором и немало бит при этом за воровство. Тьи вызвали по протекции Бума. Новый мастер котлов и сковородок быстро разогнал всю кухонную обслугу и начал клянчить у старшего наставника новых людей. Необходимые поварята нашлись без труда, кого только не успел рекрутировать бывший командующий... Новую команду Тьи, первым делом, накормил, затем распределил обязанности и для завершения процедуры знакомства молча показал увесистую ложку, медленно вытащив ее из-за пояса. А чтобы все хорошенько уяснили, звучно хлопнул ею по лбу рядом стоящего деревенского увальня с сильно косящим глазом.

Утро в кухонной команде начиналось рано. Первыми поднимались водоносы и костровые. За час до всеобщей побудки вставал сам Тьи. Если к этому времени вода в трёх огромных котлах не начинала закипать — в дело вступала знаменитая ложка. Даже самая простая, солдатская каша выходила у мастера так, что и сам капитан не брезговал угоститься ею. Тьи был везде, всё замечал и везде успевал. Просто не могло такого случиться, чтобы без усиленного пайка остались лазарет, карцер или караул. Мизерный набор продуктов, положенный королевскому войску, с лихвой покрывался подношениями местного населения, с которыми шеф-повар быстро наладил взаимовыгодный обмен. Что менялось на дары природы — никто не знал, но даже старший писарь Шток, проводя ревизию, не смог ни к чему придраться.

Софии досталось место на разделке овощей, в компании двух подростков, сбежавших в

армию в надежде прославиться. Военный мундир сделал ее почти неотличимой от других. Разве что выглядела София настолько симпатичным мальчишкой, что не было отбоя от деревенских девушек. Смазливого пацана солдаты сперва хотели побить, чтобы не отбивал у них девчонок... Но потом поползли слухи, что поваренок общается только с тугоумным шатранцем.

После нескольких напряжённых минут выяснения отношений, недовольный принц был вынужден признать, что в их ситуации лучше быть пришлым недоумком, чем шпионом недружественной державы. В целом же — все складывалось неплохо. Хотя у Циоана и была в прошлом неплохая воинская подготовка, физический труд и свежий воздух явно шли ему на пользу. Мальчишка словно попал в свою среду, только теперь он мог показать способности и быть уверенным, что похвала идет за дело, а не за звание. И то, что Яна, — как теперь называли принца, — капитан выделял как отличного воина — настолько льстило Циоану, что тот старался еще больше, забыв о капризах.

Две недели пронеслись незаметно: София и принц даже не помышляли о побеге. Однажды утром София вызвалась отнести легкий завтрак в шатер командующего. Роверо хорошо относился к поваренку: девушка чувствовала, что тот подозревает о ее маленькой тайне, но так же ощущала, что молодой капитан не выдаст Софию. Не дожидаясь разрешения, она проскользнула в приоткрытую щель полога и, вскрикнув, уронила поднос с завтраком для Роверо.

На столе, окруженном высшими чинами офицеров, лежала отрезанная голова старого генерала. Глаза мужчины были выколоты и смотрели на девушку кровавыми провалами, в рот всунут лист бумаги. Офицеры настороженно смотрели на поваренка.

— Фил, — раздраженно прошипел Роверо. — Тише! Ты хочешь, чтобы в лагере началась паника?

Девушка мелко-мелко задрожала и, бросив беспомощный взгляд на командующего, почувствовала, как по щекам покатались слезы. Сглотнув, она попыталась успокоиться: это же война! Но старый генерал оставил в сердце Софии теплые воспоминания, поэтому видеть то, что с ним произошло, было вдвойне больно.

— Дев... — капитан чуть поперхнулся и продолжил: — Ревешь, как девчонка! Быстро сюда! Еще не хватало, чтобы снаружи услышали...

София прошла к столу, с трудом переставляя ватные ноги, и с ужасом покосилась на окровавленную голову: седые волосы спутались, на шее кожа была словно старый, неловко разодранный, пергамент. Роверо обвел напряженным взглядом мрачных и насупившихся мужчин, обступивших стол:

— Насадские войска уничтожили дворец. Династия Руйс прекратила свое существование...

Напряжение в шатре нарастало. Капитан поспешно выдернул изо рта генерала смятую бумагу и облегченно вздохнул: простое действие далось молодому офицеру с великим трудом. Уже спокойнее он развернул лист и потрясенно уставился на неровные буквы, выведенные кровью... видимо, самого погибшего Арроти.

— Предлагают сдаться добровольно, — отрывисто произнес он, бегая глазами по неровным строчкам, — иначе все погибнут!

— Так может, сдаться? — неуверенно проблеял невысокий мужичок. — Теперь уже все равно...

— Нет! — неожиданно для самой себя заявила София. — Ни за что!

— Сопляк, — раздраженно отозвался мужчина. — Тебя, что ли, главным назначили? Глупый поваренок! Насадчане — сплошь маги! Что мы сможем им противопоставить?

— Говори, Фил, — Роверо так посмотрел на зарвавшегося офицера, что тот съежился в углу. — Молодость не значит глупости! Что ты предлагаешь?

— Попытаться разведать, — девушка воодушевилась вниманием капитана, — где враги. И нанести удар... Думаю, Ян сможет предложить что-то более конкретное. Может, объединиться с другими лагерями. Говорят, что магов в Насаде не так уж много. Руйса не раз предупреждал... — девушка осеклась, не зная, стоит ли упоминать о Хозяине. Ведь это может повлечь подозрения, расспросы. — Так говорят... что слухи давно ходят о нападении насадчан. Но король был слеп — собирал армию для нападения, а надо было защищаться. Недооценив врага, подверг Минд страшной опасности... и сам погиб.

— Да как ты смеешь судить короля! Капитан, за такие слова мальчишку надо выпороть! — зашипел низенький офицер, но Роверо лишь отмахнулся.

— Не те сейчас времена, когда за правду бьют, — сурово произнес молодой командующий. — Возможно, лишь она и даст шанс уцелеть. Я не спрашиваю тебя, Фил, откуда ты все это знаешь. Сдается мне, не так просты вы с приятелем-шатранцем. Если ты прав и бояться магии не стоит, то надо попробовать хотя бы отомстить за храброго генерала. Старший капрал Бум! Приведите шатранца...

Кошчи приближался к озеру. Еще издалека он заметил одинокую фигуру на песчаном берегу. Он был прав: насадчанин терпеливо ждал возвращения нового знакомого.

— Долго тебя не было, — с грустью произнес молодой маг, ловко кидая голяш в озеро: на поверхности воды Кошчи с удивлением узрел замысловатое кружево, покачивающееся на волнах. Еще один мелкий камешек послушно занял свое место в одной из витиеватых линий. — Ну как, нашел Хозяина?

— Нашел, — кивнул Кошчи, осторожно пробуя носком ноги импровизированное покрывало, украшающее озерцо. К его изумлению, по нему теперь можно было ходить, словно по суше. — А ты что тут устроил?

— Скучно, — отмахнулся парень и с любопытством уставился на Хозяина. — Ну, какой он? Правда, что утром он младенец? А правда, что он всегда разный? А он как разговаривает?

— Сколько вопросов, — чуть повел плечами Кошчи. — Уже поздно и я устал. Если хочешь узнать, иди сам посмотри! Если не будешь сомневаться, может, и найдешь...

Он еще раз наступил на каменное кружево, убеждаясь, что оно непоколебимо. Вздохнув, — вечерний моцион отменяется, — Кошчи растянулся на еще теплом песке. Насадчанин, не в силах смириться с жестокостью путника, и не думал отступить:

— Все равно, до утра бесполезно! — нетерпеливо взмахнул он руками. — Хозяин только утром воскреснет — с первыми лучами солнца!

— Раз бесполезно, то и разговаривать не о чем, — буркнул Кошчи и закрыл глаза: у него абсолютно не было желания сейчас общаться с кем бы то ни было. — В любом случае, нужно дождаться утра...

Он лежал на остывающей земле и слушал шаги насадчанина, который, не в силах смириться с необходимостью снова ждать, ходил вокруг его тела. Кошчи вздохнул: может, тишина и сон принесут покой его душе. Сейчас он почти жалел о том, что вновь обрел чувства. Тот, что мечется между противоречивыми желаниями, должен принимать решения.

А Кошчи уже давно разучился это делать. Нет, конечно, он с легкостью решал судьбы других людей. Тех путников, что приходили к Хозяину мертвой воды за советом и помощью. Так долго, что он уже стал презирать никчемных человечков, не способных взять на себя ответственность за свою судьбу.

Теперь он всем сердцем понимал те мучения, что испытывал каждый из них. Конечно, выбор Кошчи был гораздо жестче и более непредсказуем... Так приятно помечтать о том, что могло бы быть с ним в новой, — полной чувств, — жизни!

София. Нежная, мягкая, смешливая и одновременно робкая, словно изящная стрекоза на цветущем лугу. Она видела краски жизни, путь порой и весьма мрачные. Но жила и принимала все таким, каким видела. Не приукрашала, не принижала. Просто радовалась аромату цветов, яркому солнышку, веселому ржанию черного жеребца, которого Кошчи ей когда-то подарил...

Он сейчас мог себе представить, как они идут по шумному лесу, держась за руки. Как девушка заглядывает Кошчи в глаза: пытливо и немного смущенно, как она всегда это делает. Но теперь он отвечает Софии мягкой улыбкой. Как рука ласково касается атласной кожи на светлом личике. Кошчи почти воочию вдохнул аромат волос Софии... Суровые тиски нежности сжимали сердце мужчины, не зная жалости и передышки. Кошчи уже задыхался от яркого потока ощущений и образов. Да! Так могло бы быть...

Если бы не одно но: если старик прав, то Кошчи уничтожит обитателей мира... и саму любовь, если сейчас пойдет на поводу собственных чувств. Вот это было уже по части Хозяина: уничтожать он привык за долгие столетия. Убивал с легкостью, будто играючи обращался с чужими жизнями. И как теперь поступить со своей? Жить дальше — бесчувственным чурбаном сидеть в своих пещерах и равнодушно наблюдать, как некогда любимая женщина стареет и умирает, не дождавшись ответной ласки? Или рискнуть и позволить себе напиться из родника живой воды. Может, старик ошибается? Может, голоса просто призовут еще одного Хозяина. А он, теперь живой, будет наслаждаться полным существованием!

Но мудрость мертвой воды, что жила в Кошчи, не взирая на появление чувств, тихо и спокойно шептала: нет у тебя будущего. В любом случае. Ты мертв и это навсегда. И если выпьешь живой воды, то не ты будешь жить... а скорее умрет весь мир, подчиняясь воле живого мертвеца.

Кошчи застонал и распахнул глаза, впериwв взор в холодное небо. Равнодушные звезды наблюдали за ним, словно ожидая, когда Хозяин примет решение. Мужчина не мог себя обманывать бесконечно: решение принято давно... и не им. И пытаться искать иной участи просто глупо. Он уже смирился раз — тогда, много лет назад, когда обнаружил мертвую воду. Теперь идти по проторенной дорожке было легче... и одновременно труднее. Тогда он делал свой выбор, теперь просто следовал ему.

Рывком сел и с ненавистью уставился на озеро, покрытое каменным кружевом. Зарывав от неумной ярости, Кошчи стукнул кулаком по краю плетения: мощный взрыв потряс землю. Сеть мгновенно рассыпалась в пыль и растворилась в водах. Земля все еще содрогалась: она трещала и стонала, словно старое высохшее дерево под напором ураганного ветра. И, не выдержав колебания таких разных сил, растрескалась, словно сухая глина. Озеро стремительно стало мелеть. Кошчи растерянно наблюдал, как в густом иле, оставшемся на дне бывшего озера в панике плещутся серебристые рыбки.

На шум из кустов вылетел заспанный насадчанин и оторопело посмотрел на озеро:

— Что произошло?

— Хороший вопрос, — растерянно прошептал Кошчи.

Ну конечно! Чем дольше он остается на плато, тем глубже проникает в тело живая вода. Скоро Кошчи не надо будет пить из родника, он и так станет кем-то иным. Тем, в ком смешались две, такие разные, силы. И что будет с миром, в котором живет такой маг, Кошчи мог наблюдать сейчас перед внутренним взором: трепыхающиеся тела в абсолютном хаосе!

— Надо уходить! — закричал он, вскакивая. — Быстро!

Он бежал вперед, не разбирая дороги и, скорее ощущал, чем слышал позади сбившееся дыхание насадчанина. Кошчи понял, что с ним происходит: когда-то он смешивал различные жидкости... так, от нечего делать. И они меняли цвет, свойства. А порой результат был настолько непредсказуем, что будь Кошчи живым, то давно бы перестал им быть. И то же сейчас происходит с телом Хозяина: словно две опасные, непредсказуемые жидкости тягуче смешиваются между собой, порождая нечто. То, чего в мире еще не было. Возможно, это закончится взрывом, возможно — они просто погасят друг друга. Все будет зависеть от пропорций. Кошчи очень надеялся, что частички живой воды в нем все-таки очень малы...

Вдруг его осенила неожиданная мысль, и Кошчи резко остановился: насадчанин, не ожидавший такого поворота событий, врезался в спину Хозяина. Мужчины покатались по земле, натываясь на острые камни и комья засохшей грязи. Распластавшись, насадчанин глухо простонал:

— Что это было?

— Объяснять некогда, — Кошчи аккуратно привстал, ощущая ломоту во всем теле: ощущения не из приятных, но весьма отрезвляли. Пока Хозяин не обрел свою настоящую силу, не стоит так рисковать ставшим таким уязвимым телом. С носа тягуче капала кровь. Прямо на лицо молодого мага. — Ты обрел силу на Кудыкиной горе? — Насадчанин кивнул, машинально облизываясь: одна багровая капля попала ему на губы. — Предлагаю обмен!

Маг сел на землю, вытер кровь Кошчи с лица и внимательно поглядел на собеседника:

— Обмен?

— Ты хочешь узнать про Хозяина живой воды, — кивнул Кошчи, прижимая рукав к носу. — А я сейчас... не то, чтобы слаб. Но Силой своей пользоваться мне нельзя. Если не хочу повторения случая на плато. Твоя же магия сейчас просто необходима. Ты сможешь добраться до Минда, а я поделюсь с тобой знанием. Согласен?

— Жаль, что Сила не дает ответа на все вопросы, — пробурчал насадчанин, потирая ушибленную спину, — у меня, кажется, любопытства только прибавилось. Судя по началу нашего знакомства, путешествие предстоит не из приятных...

— Просто ты не той Силы глотнул, — мрачно усмехнулся Кошчи. — Но об этом потом...

— Умешь ты задеть за живое, путник, — ворчливо отозвался маг, тяжело поднимаясь на ноги. — Конечно, я согласен!

— Радуйся, что есть за что задевать, — саркастично хмыкнул Кошчи. — Нам бы добраться до побережья, там мой корабль. Но тут полно разбойников... да и других опасностей хватает. Ты можешь летать?

— Как это? — растерялся насадчанин, — Разве это возможно? Никогда о таком не слышал...

— Возможно. Уж поверь мне, — усмехнулся Кошчи, отшвыривая в сторону фламберг: на побережье Хозяину не будет нужно оружие. А от лишнего веса нужно избавиться:

мальчишка неопытен и случиться может всякое. — Так что, придется научиться. Сила у тебя есть... попробуй ей воспользоваться.

— Знать бы еще — как, — пробубнил раздраженный юноша, передернув плечами: он и сам не мог сказать, что в незнакомце заставляет подчиняться любому приказу. Но, вспомнив глубокие трещины в земле и в момент высохшее озерцо, содрогнулся: Сила у путника была опасная, незнакомая...

— Как, как, — фыркнул Кошчи, а потом задумался: а, правда, как он летал? Что делал для того, чтобы подняться в воздух? И немного приуныл: — Это словно... само. Просто намерен взлететь, и летишь. Не думая о том — получится или нет, без малейших сомнений. Просто знаешь, что умеешь... как ходить.

— Как ходить? — уныло переспросил насадчанин: он вспомнил, как учатся ходить малые дети. Не очень-то хотелось столько раз падать.

Но все-таки предложение незнакомца было очень заманчивым. И в то же время, от путника исходила опасность. Не насадчанину лично... а словно всему живому вокруг. Ролл словно замороженный наблюдал, как Кошчи сорвал цветок, на который упала капля крови, и внимательно рассматривал его. Маг растерянно моргнул: цветка больше не было. Небольшое облако пыли медленно оседало на землю. Незнакомец недовольно отряхнул руки и посмотрел на Ролла.

Маг мотнул головой и выбросил случай из головы, решив, что ему показалось. Он просто не заметил, как путник выбросил растение. Потом обратил взгляд к звездному небу. Кто же не мечтает летать? Каждый, кто хоть раз глядел в глубокую яму высоты, ощущал сосущее чувство зависти к птицам. И он, Ролл, тоже. Может, поэтому и пошел на поиски Кудыкиной горы. Потому что верил в чудо... и еще не знал, что даже маги не могут оторваться от земли. Поднять что-то, и даже перенести на небольшое расстояние — пожалуйста. Но сами — никогда.

Словно наяву, перед глазами стояло вздыбленное глыбами камня озеро. Такого он тоже никогда ранее не наблюдал. И даже не знал, что так возможно. Может, незнакомец прав, Сила поможет ему взлететь... Решившись, маг подпрыгнул и, зависнув в воздухе, отчаянно замахал руками, словно птица — крыльями. При этом, он понимал бесполезность этого действия.

— Получилось, — немного удивленно прокомментировал Кошчи, наблюдая, как молодой человек барахтается в воздухе, словно муха, попавшая в невидимые сети паутины. — Способный юнец!

Насадчанин тем временем громко икнул от испуга и рухнул вниз.

— Над приземлением надо поработать, — высокомерно произнес Кошчи. — Не хочется биться оземь... Перед тем, как опуститься нужно как бы сжаться — тогда чуть зависнешь у поверхности и спокойно ступишь на землю.

— А ты не тот, за кого себя выдаешь, — парень исподлобья посмотрел на Хозяина, — Кто ты, чужеземец?

— Коул, — привычно отозвался Кошчи, — пока это все, что тебе нужно знать... И не пытайся меня перехитрить, парень. По сравнению со мной, ты даже не сопляк. Так, недоразумение. Но если будешь слушаться и все делать так, как я скажу — многое приобретешь. А главное — научишься владеть своей силой. И не для того, чтобы украшать водоемы сомнительными сооружениями... А теперь — попробуй поднять меня.

Ролл послушно обнял Коула, и вдруг перед глазами его потемнело. От путника шел

такой поток Силы, что юношу словно накрыла волна. Что-то маленькое внутри мгновенно отозвалось на зов. Потоки невиданной мощи горячили кровь, туманили голову, рассыпались искрами вокруг них.

Кошчи удивленно воззрился на молодого человека. Сила в его руках хлестала, словно струи фонтана. Лицо преобразилось. Узнав это выражение, Хозяин вздрогнул, словно от удара. Именно так выглядели девушки, хлебнувшие мертвой воды в его пещерах... Но как такое могло получиться? Ролл был магом живой воды. Именно эту Силу ощущал он в пареньке. Или... да, неужели, та капля крови?!

Юноша расхохотался, сильнее сжимая ребра Кошчи. Ощущая себя практически всемогущим, он взметнулся в светлеющее небо, торопливой стрелой достигнув редких облаков. Под ногами разверзлась зеленая чаша долины, очерченная вдалеке темными чернилами морских вод, уходящая далеко в белые пески выжженных степных земель... Весь мир принадлежит только ему! Как много разгадок несло с собой мощное течение силы. Он знал, что за человек в его объятиях. Но страха не было. Ролл ощущал себя превыше мертвого Хозяина. Ведь у него в жилах текла и мертвая, и живая вода!

Насадчанин остановился. Улыбка застыла на лице юноши. Он вдруг с ужасом осознал, что с ним происходит. Нет, в его жилах не слились воедино две величайшие Силы, как он сперва подумал. Нет... Это мертвая вода отравляет тело, подчиняет себе, угнетает... убивает. Воочию он представил себе, как пеплом рассыпается цветок в ладонях Хозяина. Сейчас он стал этим цветком. Капля крови. Капля мертвой воды... мертвой...

Хозяин пристально наблюдал за всеми изменениями, которые происходили с юношей, поняв сразу, что помочь ничем не сможет.

— Прости, — шепнул он, глядя в стеклянные глаза насадчанина.

Губы юноши сложились в подобие улыбки. Так, словно он получил все, о чем мечтал. Но за это пришлось заплатить жизнью. Маг медленно опускался, как будто желтый осенний лист в безветренную погоду. А Кошчи видел, как осыпаются волосы, медленно превращаясь в легкий пепел. Как исчезают черты лица, истончается шея. И ни единой капли крови. Так, словно маг был лишь статуей, а пески времени постепенно обтачивали его. Движение вниз все ускорялось. Тело насадчанина уменьшалось в объемах, отравляя воздух душной черной пылью.

Увидев, что земля неумолимо приближается, Кошчи рванулся из мертвых объятий Ролла. Краем глаза он заметил, как руки разлетелись на куски, — словно сухие ветки — на щепки, — и тут же рассыпались в прах. Сгруппировавшись, Хозяин попытался зависнуть. Но Сила не откликнулась, поэтому пришлось кувырнуться, смягчая падение на землю. Удар выбил воздух из легких, и Кошчи долго откашливался, пытаясь восстановить дыхание. С трудом поднявшись, хромя, он подошел к груди тряпья.

Одежду насадчанина, жалкой кучкой разметавшуюся по траве, толстым слоем покрывала черная, словно сажа, пыль. Почему же так произошло? Неужели невероятно малое количество мертвой воды в крови Кошчи все же способно так губительно воздействовать на живое? Раньше такого не случалось. Или так произошло именно потому, что в теле юного мага были частички живой воды? И самое важное: если при таком малом столкновении Сил возникает такой эффект, что может произойти с ним самим, с хозяином Мертвой воды?

Кошчи мучительно захотелось поделиться сомнениями и предположениями со старцем. Но сейчас, ночью, тот тоже лишь прах, как и невезучий насадчанин. Вздохнув, Кошчи

задумчиво любовался мерцанием неба. Казалось, что там, за горизонтом, кто-то раздувает тлеющие угли. Скоро рассвет. Но и утром Хозяин живой воды будет лишь ребенком... И все же, Кошчи решительно направился к горе праха, расположившейся среди живописных холмов, на вершине которой все еще виднелась смотровая башенка некогда великого замка. Споткнувшись обо что-то, едва сохранил равновесие. Наклонившись, тихо усмехнулся: верный фламберг упорно не хотел покидать нового хозяина.

Скорый рассвет застал его на одном из абсолютно одинаковых холмов. Казалось, Кошчи заблудился. Пейзаж вокруг никак не менялся, словно путник ходил кругами. И только лишь яркие лучи золотили нежные лепестки остроконечных головой маленьких соцветий, да ветер нежно скользил по щекам. В какую бы сторону не пошел Кошчи, легкий ветерок всегда дул в лицо, словно намекая... А под ногами медленно оседало мутное облако. Оглянувшись, Кошчи увидел путанный след черной тропинки. Неужели прах молодого мага до сих пор сыпется с его одежды? Там, где черная пыль коснулась земли, съезживались цветы, мгновенно сохла и покрывалась тленом трава. Может, это Хозяин живой воды не желал визита коллеги? Помнится, насадчанин рассказывал, как многие путники бродили по этим холмам десятилетиями в бесплотных поисках Кудыкиной горы.

Разозлившись, Кошчи сел на землю и хмуро глянул на одинокую тучку, шустро передвигающуюся по небу, расцветающему яркими красками дня. Та, словно почуяв взгляд человека, кокетливо зависла над ним. Кошчи удивленно приподнял брови. Совершенно неожиданно сверкнула молния, ударил гром и на путника обрушился сильный ливень. Одежда мгновенно промокла, зато дождь смыл прах насадчанина, казалось навсегда въевшийся в кожу. Ему почудилось, или он действительно услышал хриплый смех старика? Земля под ногами загудела, словно огромный недовольный шмель, словно вторя веселю Хозяина Кудыкиной горы. Кошчи раскинул руки так, словно пытался обнять незваную стихию, и тоже весело расхохотался. На душе вдруг стало легко и спокойно. Казалось, что найдены ответы на все вопросы, или, по крайней мере, сами вопросы не стоят того, чтобы ломать над ними голову.

Конечно! Старик обладает Силой в любом обличье. И знает обо всем, что происходит вокруг. Другое дело, что ответить он сможет лишь тогда, когда научится говорить... Кошчи еще раз рассмеялся. Незачем подвергать себя опасности, ожидая ответа, который и так жил внутри. Теперь, когда обновленная кожа его покрылась пупырышками от сырости, а тело дрожало от холода, но стало словно моложе, он сильнее ощущал бушующую стихию под ногами. Там, под холмами могучие течения, словно артерии земли, несли Силу, губительную для него. И, словно ощущая присутствие Кошчи, рьяно рвались на поверхность, чтобы захлестнуть, утопить, смыть с поверхности земли тело, насквозь пропитанное мертвой водой.

Закинув фламберг на плечо, он резво побежал в сторону скал. Но, прежде чем свернуть на каменистую тропу, оглянулся и вздрогнул от неожиданности. На месте невысокого холма оказалась Кудыкана гора. А на пороге хижины без окон и дверей стоял маленький мальчик и махал ему вслед пухлой ручкой. В золоте непослушных кудрей играли лучики утреннего солнышка. Кошчи махнул ему в ответ и пошёл прочь.

Обратный путь казался легче и проще. Жаркое солнце высушило одежду, тропинка вела под уклон и, самое главное, постепенно и незаметно к Хозяину стала возвращаться Сила. Правда, необходимости в ней не было. Как и в оружии. Поэтому, миновав стоянку разбойников, Кошчи, походя, превратил ее в маленький могильный курганчик, заодно вернув

фламберг бывшему владельцу. Криво усмехнулся: то-то будет радости какому-нибудь ценителю древности, расхитителю могил, лет через сто!

Странно, но тропинка, вроде та же самая, по которой он шёл сюда, вывела его совершенно в другие места. И дороги, от которой она начиналась, не было и в помине, и обгорелые останки постоянного двора Хозяину не встретились. Подумал он об этом только тогда, когда к полудню, обогнув очередной холм, увидел перед собой море. Берег оказался совсем незнакомым и совершенно пустынным. Даже странно, что где-то совсем недалеко базируется огромный флот и формируется армия, а здесь — никакого намёка на войну... Кошчи пожалел, что не может обсудить это с Новорождённым Старцем. Однако ситуацией можно воспользоваться для своего блага, например — искупаться. Удивительно, но скорое возвращение Силы не убило в нём эмоций и не заглушило желаний.

Удобный спуск к воде нашёлся быстро, берег оказался песчаным, чистым и довольно уютным. Хозяин скинул с себя одежду и с мальчишеским визгом бросился в море. Волны, медленные и невысокие, добродушно приняли его в свои объятия. Кошчи с наслаждением заплыл подальше и нырнул, набрав побольше воздуха в лёгкие и попутно отметив, что Сила никуда не делась, а вот пользоваться ей он теперь может по желанию. Не она ведёт его, а сам он руководит ею.

Стоило зелёной глубине поглотить Хозяина, как тут же обнаружился сюрприз: в ушах зазвучал ворчливый голос повзрослевшего Новорождённого Старца.

«Ну вот, догадался, наконец! Что ж так долго-то?»

Кошчи чуть не захлебнулся от неожиданности.

«О чём это он?» — промелькнула мысль.

«Он о том» — передразнил его другой Хозяин, — «Что нам надо как-то общаться! Или не надо?»

«Надо, надо!» — поспешно заверил его Кошчи, интенсивно работая руками, чтобы удержаться на глубине.

«Ну вот! Что нас с тобой объединяет? Вода! Вот через неё ты со мной и свяжешься. Я тебя слышу и так, а вот ты меня — только через воду. О чём хотел спросить? Да примени Силу, наконец, а то потонешь ещё!»

Кошчи спохватился, и аккуратно устроившись на дне, спросил:

«Да, я тут не понял — как и куда попал? Вроде, тем же путём возвращался, что к тебе шёл...»

«А, это я слегка мир свернул, чтобы ты поближе к дому оказался. Тебе сейчас лишние хождения ни к чему, самые главные решения ты сможешь принять только в том месте, где стал Хозяином. К тому же... мне нравятся мои холмы. Вид безупречно ровных возвышенностей и гладких озер меня успокаивает и настраивает на безмятежность вечности... А тут являешься ты, губишь водоемы, цветы, волнуешь подземные реки. Еще деть твоего присутствия и мне пришлось бы все творить заново!»

«Зато было бы чем занять эту вечность» — улыбнулся Кошчи, не испытывая ни намека на вину. И тут же поинтересовался: — «А как ко мне Сила вернулась? Я же потерял её на подходе к твоему обиталищу?»

«А вот это самое интересное, приятель! Наша встреча послужила началом к возвращению Гармонии! Ты пользуешься Силой когда хочешь, а я могу сколь угодно долго находиться в любом из своих возрастов! Только учти — Гармония, она как волна, если мы не примем правильных решений вовремя, всё вернётся к тому, с чего началось».

«Ясно...» — Кошчи оттолкнулся от дна и поплыл к берегу, — «Я буду думать...»

Море, раскинувшееся перед ним, казалось совершенно пустынным. Это радовало. Кошчи, почему-то, меньше всего хотел сейчас видеть насадские ладьи. А вот домой захотелось очень сильно. И впервые он подумал о Замке, как о доме, а не о тюрьме. То, что до Замка не один день пути, промыслилось как-то между делом. Сила была с Хозяином, поэтому, не долго думая, он решил сам себе, что домой придёт пешком, через пару часов. Для этого достаточно пройтись берегом моря, а затем немного подняться в горы.

Двор Замка встретил его привычной, но такой забытой тишиной. Кошчи огляделся. Что-то было не так. Ничего тревожного или опасного, просто иное... София? Нет, не похоже... Девушки в замке не было, хотя её присутствие ощущалось. Хозяин прошёл в сад и сразу наткнулся на огородик. Это становилось интересным.

Пройдясь между грядок, Кошчи не удержался, украдкой выдернул морковку и обтёр её о куртку. София действительно жила в Замке и жила немало времени. Только сейчас Хозяин задумался о том — сколь долго его не было на привычном месте? Огород вот... Понятно, что Сила, хранящаяся в подвалах, и морковке поможет вырасти, но, по-любому, это не одного месяца дело.

За грядками его ждала ещё одна встреча. В тени кустов развалился здоровенный чёрный кот. Зверь явно отдыхал, но одним глазом посматривал на бегущую перед ним мышку. Та, как будто что-то ему оживлённо рассказывала, подпрыгивала и возбуждённо попискивала. Впрочем, заметив человека, мгновенно замолчала и юркнула в траву. Кот же неторопливо встал, внимательно осмотрел пришельца и, как показалось Хозяину, осуждающе фыркнул. Увернулся от руки, пытавшейся его погладить, и неторопливо направился к дверям Замка.

XVII

Лагерь разрастался. Рекрутов свозили чуть ли не со всего королевства. Капитан Роверо и его штаб спали по три-четыре часа в сутки, чтобы оправдать доверие генерала. И пока всё получалось. Правда, разрастались и тыловые службы. Так, на дальнем конце лагеря пришлось организовать ещё одну полевую кухню. Ты передал дела надёжному преемнику и, отобрав себе лучших помощников, перебазировался на новое место. Нет нужды упоминать, что София и Циоан (точнее — Фил и Ян, так они себя именовали) были среди тех, кому шеф-повар оказывал особое доверие.

Кое в чём новое место было гораздо удобнее старого. Пустынная луговина здесь заканчивалась, сменяясь кустарником. Совсем близко протекал ручей, молодой подлесок не мешал добывать оставшиеся после давней вырубки дрова. Так что, несмотря на полную занятость, у молодых людей появилось немного свободного времени. Его так прекрасно было проводить вдвоём на какой-нибудь укромной полянке, наслаждаясь доброй погодой и болтая обо всём на свете!

Правда продлилась такая идиллия недолго. Уже на третьей вылазке Циоан вдруг оборвал на полуслове светскую беседу и к чему-то напряжённо прислушался. София удивилась — кроме лёгкого шелеста листвы и птичьих голосов тишину ничто не нарушало.

— Эй! — она дёрнула принца за рукав, когда его молчание наскучило, — Что слышно?

— Птицы... — юноша встал, пристально всматриваясь в деревья, окружающие полянку, — Слышишь?

Циоан помедлил и весьма умело изобразил щебет одной пичуг, чей хор оглашал окрестности.

Девушка прислушалась:

— Ага, слышу. И что?

— Вчера я её тоже слышал, думал — обознался... А третьего дня её ещё не было...

— И что тут странного?

— Это дубовая синица... — Циоан вдруг широко улыбнулся.

— Мало ли птиц в лесу... — София откровенно не понимала своего спутника. А он вдруг встал, двинулся к деревьям, и уже на ходу пояснил:

— В округе нет ни одного дуба. Дубовая синица поёт только в мае. И водится она только в Шатре!

Пока София пыталась понять, о чём говорит её приятель, принц уже поравнялся с крайним деревом. Вдруг, практически бесшумно, из его кроны вывалилось нечто бесформенное, непонятного цвета, но практически неразличимое в листве и на фоне травы и самое главное — живое! Девушка не успела даже испугаться, нечто что-то сделало с тем местом, где у людей бывает голова и... там действительно появилась голова, обыкновенная, человеческая. Она склонилась перед принцем, что-то говоря по-шатрански.

Широко улыбаясь, Циоан обернулся к Софии и радостно произнёс:

— Госпожа, позвольте представить барону Эргу, полковнику первого королевского егерского отряда Шатры!

Более дурацкого, чем реверанс в этой ситуации, представить себе сложно, тем не менее, София присела в поклоне, как учили её когда-то более искушённые подруги. Одетый в немислимое одеяние барон учтиво поклонился и на понятном языке продолжил, обращаясь к принцу:

— Мы обнаружили Ваше Высочество ещё позавчера, но удобного момента для обращения не случилось, недалеко были другие солдаты, и я не рискнул обнаружить себя. Нынче в округе спокойно, дозорные сообщили, что кроме Вашего Высочества и вашей спутницы никто лагерь не покидал.

— Принц, а ведь они, наверное, голодные? — встряла в разговор София, но Эрг, с лёгкой улыбкой, возразил:

— Не беспокойтесь, сударыня, королевские егеря способны добыть себе пропитание в любых условиях!

— О, да! — радостно подхватил Циоан, — По нашей традиции все принцы проходят службу в королевских войсках. Для меня матушка выбрала егерский отряд. Там я поступил под начало ротмистра Эрга! Боюсь — ни один новобранец не испытал того, через что пришлось пройти мне! Первый месяц я даже плакал по ночам, представляешь? Но, по окончании службы, барон сказал мне, что я был не самым безнадёжным его подопечным!

— Это так, Ваше Высочество. По крайней мере — вы не забыли моих уроков. Однако не настала ли пора мне выполнить поручение Её Величества? Разумеется, Ваша спутница так же будет находиться под нашей защитой, и мы доставим ее, куда будет приказано.

— Подождите, барон! Введите меня для начала в курс дела — что вокруг твориться? Наша информация крайне скудна и противоречива!

— Собственно, Ваше Высочество, половину задания мы уже выполнили, заметил барон Эрг, — Мы нашли вас. Дело за малым — вместе вернуться домой.

Циоан поскрёб в затылке.

— Сдаётся мне, барон, вы что-то недоговариваете...

— Вы правы. За последние три дня обстановка обострилась. Насадчане сжали кольцо вокруг столицы, и уйти тихо, боюсь, не получится.

— Как — кольцо? — встряла в разговор София, — Нам который день твердят, что враг наступает вдоль побережья...

— Увы, сударыня, боюсь, что ваши командиры не говорят всей правды, беспокоясь о боевом духе солдат.

София беспомощно оглянулась. Там, за кустами, был огромный рекрутский лагерь, несколько тысяч еле-еле обученных юнцов, которым через несколько дней грозила страшная мясорубка... Циоан думал о чём-то другом.

— Скажите, барон, — медленно, размышляя о чем-то, проговорил принц, — Как точно было сформулировано приказание моей матушки?

— Найти принца и обеспечить его безопасность, — отчеканил Эрг.

— Угу... А эта война — мы в ней участвуем?

— Нет. Но командующий тайно объявил повышенную готовность.

— Замечательно... Барон, я ещё числюсь помощником командующего?

— Безусловно, Ваше Высочество.

— Значит, мои приказы действительны для егерского отряда?

— Рад служить Вашему Высочеству.

— Тогда слушайте приказ, барон! Первое — своей властью я формирую из ваших людей летучую команду. Цель — проведение диверсий против насадской армии на территории дружественного королевства. Командовать группой назначается барон Эрг. Второе — приказываю вновь принять в состав команды капрала Тука в чине и звании, полученным указанным лицом во время службы в егерском отряде. Третье — прошу принять под защиту гражданское лицо. Четвёртое — с этого момента я снимаю с себя полномочия помощника командующего. Всё.

София слушала принца, открыв рот. Барон же, напротив, коротко кивнул и командным тоном распорядился:

— Уходим, все! Капрал Тук — сопровождать охраняемое гражданское лицо до особого распоряжения.

Огорошенная София только и смогла сообразить, что «капрал Тук» это и есть принц Циоан, потому что тот довольно бесцеремонно подхватил её под локоть и потащил за собой.

Словно из ниоткуда, появились ещё две фигуры, напоминающие то ли кусты, то ли лесных чудищ. Они бесшумно двигались чуть позади и занимались совершенно непонятным для Софии делом — поправляли траву и ветки...

Впрочем, далеко идти не пришлось. Бойцы-егеря остановились в дубовой роще, в паре сотен шагов от того места, где произошла встреча с нашими героями. Вся группа оказалась невелика, полтора десятка человек, но Циоан, увидев их, восхищённо прищёлкнул языком и потом, по секрету, поведал Софии, что это — лучшие.

Распоряжения барона были коротки и понятны. Пара слов — и вот уже принц неотличим от остальных бойцов. А, глянув на Софию, Эрг нахмурился. Еще раз пристально всмотрелся в нескладного паренька. Девушка медленно краснела, понимая, что ее раскусили. Но барон лишь еще больше нахмурился, бросил недовольный взгляд на спокойного Циоана и буркнул в пространство:

— Белка...

Появившемуся из-за кустов егерю, самому низкорослому в команде, поставил задачу:

— Переодеть и охранять.

— Но... — раздался высокий, почти детский голос. София удивлённо приподняла

брови, а Циоан расплылся в ухмылке.

— Никаких «но»! — рявкнул барон, — Если ты решила, что это освободит тебя от остальных задач — ошиблась!

Белка молча ухватила девушку за рукав и потащила куда-то. Циоан, поймав недоумевающий взгляд Софии, только показал ей два больших пальца.

Белка, юная воспитанница отряда королевских егерей, несколько месяцев назад получила звание младшего капрала. Вылазка барона Эрга была её первым настоящим боевым заданием. Всю свою недолгую жизнь безродная сирота пыталась доказать окружающим, что не зря занимает место под солнцем. Трагикомедия её была в том, что никому из окружающих эти доказательства не были нужны и даром. Егеря знали и любили девочку с детства, с того момента, как с высочайшего разрешения королевы взяли сироту на воспитание. Когда, повзрослев, Белка решила связать жизнь с отрядом, девушку отговаривали недолго и то лишь, ради приличия. А над влюблённостью в принца Циоана даже не подшучивали — вряд ли бы во всей Шатре нашлась хоть одна девица, чьё сердечко не билось бы учащённо при мыслях о наследнике престола. Циоан подружился с ней ещё в те годы, когда проходил военную службу, но не позволил себе ни обнадёжить, ни, тем более, обидеть девочку. Услышав боевое прозвище старой знакомой, принц только искренне за неё порадовался.

Тем временем, скрывшись за кустами вместе с Софией, Белка споро выполняла приказ командира. Из небольшого мешка было извлечено одеяние, не такое непонятно-бесформенное, как у всех бойцов, но тоже делающее обладателя невидимкой в лесу, из-за странной пятнистой расцветки. Хотя София выглядела крупнее — помехой это не оказалось, одежда королевских егерей была скроена весьма хитроумно и при помощи нескольких шнурков подгонялась под любую фигуру. Форма была явно женской, что несколько удивило Софию — в Минде женщины не служили в королевских войсках. Видимо, в Шатре были совсем другие порядки. И теперь стройную девчушку за паренька принял бы только абсолютно слепой.

От оружия София хотела отказаться, но Белка молча перепоясала её кожаным ремнём с перевязью. На спине, между лопаток, удобно устроились ножны с большим, но лёгким ножом. По требованию егеря девушка тут же научилась быстро извлекать его и прятать обратно. Чуть помыслив, София решила, что её опекунша, пожалуй, права, на войне — как на войне. Когда с переодеванием было закончено, оказалось, что группа в полном составе собралась на крохотной полянке. София пристроилась рядом с Циоаном, Белка села рядом с ней. Барон оглядел всех и негромко произнёс:

— Общий совет.

Первым ладонь поднял Циоан. Эрг кивнул.

— Что мне надо знать?

— Насад осуществляет захват королевства. Есть опасение, что на этом они не остановятся и замахнутся на весь мир. Армия наступает при поддержке магии и колдовства. Войска продвигаются быстро, препятствий практически не встречают. Наше слабое место — магия.

— Почему? — спросила София, подняв ладонь и дождавшись кивка командира.

— Шатранцы исстари не жаловали колдовство, особенно в бою.

— А если без волшебства — армия Насада очень сильна?

Барон чуть улыбнулся.

— Вы попали в точку, сударыня. Их армия состоит из всякого сброда, большей частью — привлечённого насильно и удерживаемого колдовством. И если бы мы могли противостоять магии — трудностей было бы намного меньше.

София задумалась. Циоан сразу понял — о чём, не удержался и схватил девушку за плечо:

— Слушай, а ты ведь можешь нам помочь!

— Как? — заинтересовался барон, и все егеря дружно повернулись к девушке.

— Ну... не знаю, надо как-то попробовать... — стушевдалась она под всеобщим вниманием. А принц радостно воскликнул:

— Она сможет, точно сможет! Она жила в замке Хозяина!

Королевские егеря Шатры — поистине лучшее армейское подразделение. Не всякое войско может похвастаться бойцами, которые столько умеют и знают. А ещё — они всегда в курсе того, что происходит не только в их королевстве, но и в остальном мире. После слов принца повисла мёртвая тишина, через мгновение прервавшаяся суеверным шёпотком.

— Яга... — прошелестело над поляной.

Кошчи смотрел на стены замка, увитые плющом. Интересно, куда делись его колючие кусты с цветами, огромными, словно экзотические птицы? Он повел носом: чужой дух витал в воздухе. Именно он заставлял настораживаться своевольного белоснежного коня. Тот беспокойно всхрапывал, переступал копытами и косил на хозяина мудрым взглядом черных глаз. Хозяин кивнул и успокаивающе похлопал жеребца по крупу.

Возвратившись в родную пещеру, где он когда-то умер и воскрес, Кошчи беспрестанно проверял свою силу. Странно, что результат каждый раз получался совсем не таким, как он рассчитывал. Это словно отбросило его на много веков назад — вот так же он не мог предположить, как подействует новообретенная магия. Словно он снова случайный пленник древних пещер, которому голоса велели охранять скрытые знания земли.

Он попытался сотворить вино, как делал уже тысячи раз... но получил обычную воду. Нет, не обычную. Хозяин глотнул прозрачную жидкость и задумчиво вылил остатки на землю: земля шипела, словно обжигаясь о капельки силы. Вода была почти что живой... Это было что-то новое. Он и раньше колдовал воду, вино, напитки, еду... Но все это было мертвым, словно вкус был безвкусным. Кошчи решил, что это потому, как в его творения не вложена душа и энергия человека, создававшего пищу.

Все оказалось совсем не так. Мертвая вода рождала смерть и только. Живая вода, каким-то загадочным образом просочившаяся в его тело, рождала живое. Но, в нем было много и мертвой силы. И поэтому результат был невероятно странным. Вот и конь. С виду это обычное животное, хоть и невероятно красивое — Кошчи знал толк в лошадях и много раз создавал идеальные образцы. Но в нем содержалась капелька живой силы, наполняющая его особым разумом. Своенравный жеребец на все имел свое мнение, иногда такое же, как у Хозяина, но чаще — противоположное. Его невозможно было заставить что-то делать. Это было в новинку для Кошчи, который привык, что ему подчиняется все на свете. Пришлось учиться договариваться с животным. Не то, чтобы это было так уж необходимо, просто Хозяину стало очень любопытно.

Жизнь приобрела новые оттенки, стала словно объемной, вновь обрела нечто важное, что было утрачено с его смертью в промозглых пещерах. Надолго ли? Этого Кошчи не знал. Но очень надеялся, что у него будет время подробно изучить свои новые возможности.

Со смешанным чувством Кошчи обошёл Замок. Как-то легко, без боли он снова ощутил, что потерял внутреннее чувство Хозяина. На смену ему пришло новое, доселе неизвестное ощущение — дом... Он вернулся домой. И вот теперь, стоя напротив ворот, он размышлял: то ли Замок наполнен чужим духом, то ли это он для Замка теперь чужой... Забавно! Впервые Кошчи посчитал свою клетку домом... а вот пещеры не признавали в нем бывшего Хозяина.

Он зашел в ворота, оставив их открытыми: жеребец пожелал еще погулять. Капризы животного Кошчи мало волновали. Захочет, вернется. Не захочет — мир огромен, и этот красавец быстро найдет себе место по душе.

Кошчи осторожно коснулся белых камней стен. Кто он теперь? Замок был холоден, словно никогда не встречал Хозяина радостной дрожью земли, не распахивал перед ним ворота и двери, не дожидаясь, когда Кошчи применит свою силу... Кот, вальяжно выступивший ему навстречу, немного сгладил холодный прием, который вновь оказал ему Замок. Черный отъевшийся зверь без труда запрыгнул Хозяину на плечи и устроился поудобнее, свесив длинный хвост. Кошчи улыбнулся, вспомнив, как с ним познакомился.

Он обходил владения. Внутри дома никаких изменений не произошло, кроме комнаты, которую своевольный Замок определил для Софии, всё оставалось как раньше. Только черный кот, не отстающий ни на шаг, сердито мяукнул, покрутившись около пустой миски. Кошчи понял, что усилиями девушки, у него появилась ещё одна забота.

Черныш замурлыкал, словно зная, о чем думает Хозяин. Вибрация в районе затылка была на редкость приятна: хоть кто-то его ждал здесь. Раньше, еще совсем недавно, Кошчи не обращал внимания на такие мелочи. Они были не важны. Сейчас все было иначе. Прогулка по местности не принесла положительных эмоций. Леса наводнили озлобленные горцы, чей разум пленен насадчанами. Небольшой городишко, раскинувшийся в основании горы, стоял насмерть, противостоя врагу в несколько раз превышающему по численности скудное население Арлейна.

Магия... Насадские маги несли в себе живую воду, но сеяли кругом лишь смерть. Это было так же странно, как и то, что происходило с ним самим. Может, покинув свой родной берег, где витала сила Старца, они утратили нечто важное? Или, напыжившись от собственной важности, отравили гордыней силы, наполняющие их? Или мертвая вода, действующая через него самого, наделила магов новыми возможностями? Столько вопросов... Впервые в жизни Кошчи не знал, что именно творится на его землях.

— Ну что, Черныш, как дела? — спросил он у кота.

Тот лениво махнул хвостом:

— Лучше, чем у того бедолаги, что бродит вокруг замка.

Кошчи подумал, что сила порой преподносит приятные сюрпризы. Вот, например, сначала он хотел избавиться от кота. Не то, чтобы зверь мешал... но обычно коты отгоняют мышей, а вокруг этого грызуны вились целыми стаями, да еще и прислуживали, словно королю. Они умудрились пробраться даже в заветный подвал — это Кошчи понял по нескольким трупикам рядом с кувшинами.

В гневе, так несвойственном ему ранее, Хозяин направил руку на сжавшееся в страхе животное, выпуская силу смерти... Засверкали молнии, комната, где Кошчи застал кота, окруженного мышами, наполнилась черным дымом. Закашлявшись, Хозяин опустил руки и щелчком разогнал туман. Кот, как ни в чем не бывало, сидел в углу, ожидая немедленной смерти, мыши разбежались по невидимым норам. Хозяин вздохнул: увы, снова осечка. Зверь

приоткрыл желтый глаз. Увидев, что Кошчи задумчиво рассматривает свои ладони, кинулся ему в ноги и завопил человеческим голосом:

— Хозяин, не гневись! Я больше не буду метить твои сапоги!

Вот так вместо смерти Кошчи одарил кота даром речи. Это оказалось очень полезно. Для начала Хозяин узнал, как кота зовут, и как он попал в замок... ну, и почему у него мыши строем ходят. Выяснив, что именно его маленькая армия подставила кота, Черныш очень разозлился. Кошчи не стал уточнять, что его новый друг предпринял, но с тех пор ни одной мыши он в Замке не видел. Улыбнувшись воспоминаниям, Хозяин уточнил:

— Бродит вокруг? Это тот, который даму изображал?

Кот важно кивнул, а Кошчи отмахнулся от щекочущих шею усов. И задумался. Не о несчастном Всерииле, тот сам избрал свою судьбу. Он думал о Минде. Все государство сейчас страдает из-за его любопытства. Конечно, после возвращения Хозяина в Замок, силы немного уравнились. Поэтому насадчане сейчас не так сильны, чем в то время, когда он пребывал во владениях Старика. Но последствия, кровавым ковром стелющиеся по землям Минда, не давали покоя.

Нужно восстановить естественный порядок вещей. Но как, если он не может толком управлять своей силой? Существовал лишь один способ — уравновесить силы в себе самом. Кошчи вздохнул: жаль, что парнишка-насадчанин, которого он встретил на берегу озера, погиб. Хозяин рассчитывал на его знания и помощь в освоении неизвестной Кошчи стороны — силы живой воды. Сейчас он мог лишь гадать — помогает ему живая вода, или медленно отравляет... В любом случае, он должен поспешить. А иначе спасать будет уже некого — Минд окончательно падет.

Кошчи задумчиво посмотрел на закрытую дверь Замка. Нет, лучше проводить испытания здесь, Замок и так серьезно пострадал во время последних, неудачных, попыток. В том, что Замок живой, Хозяин теперь не сомневался. Огород, с такой заботой возведенный Софией, потихоньку приходил в запустение без заботливых рук девушки. Такое же запустение потихоньку завладевало сердцем самого Хозяина, но он запрещал себе думать о девушке. Даже если Софии не сильно повредила мертвая вода, то он, сейчас такой непредсказуемый, может невольно навредить ей гораздо серьезнее. А этого Кошчи себе не простит и спустя века. Пусть все остается, как есть. К тому же, ему сейчас не так уж одиноко... теперь можно поговорить с котом.

— Черныш, — Хозяин осторожно снял животное с плеч и поставил на землю. — Отойди-ка подальше...

— Ну вот, опять, — проворчал кот, впрочем, немедленно отступая к стене. — Снова будем змей в небо запускать?.. Или ограничимся падающими звездами?

— Попробуем сад немного облагородить, — улыбнулся Кошчи. — А то София старалась-старалась, а мы все испортили...

— Плохая идея, — прошипел кот, забиваясь под камень. — Очень плохая идея...

Кошчи же, не обращая больше внимания на стенания зверя, поднял обе руки и простер их вперед, обратив ладони к земле. Земля дрогнула, потом еще и еще, словно огромного великана, погребенного заживо, разобрала икота. Грядки вспучились, свежая сырая земля вываливалась из ямок, оставленных трудолюбивыми кротами, зелень увеличилась в размерах, скрыв собой сорняки.

— Кажется, получается, — пробормотал Хозяин, не веря сам себе.

Кот вздрогнул всем телом и метнулся к узкому лазу, проделанному в двери специально

для него. И вовремя: земля отчаянно содрогнулась. Все растения съжились в размерах, окончательно затерявшись среди травы. Следом уменьшились и деревья, и кусты превратились в чахлые тонкие веточки, торчащие из земли. Дрожь усиливалась, стены Замка разукрасили кривые трещины, скала стонала, камни посыпались по склонам. Прямо перед Кошчи вырос небольшой холм. Он становился все больше и выше, расшвыривая в стороны комья слипшейся земли. Все стихло, но холм продолжал увеличиваться.

В середине показался росток. Он выполз из земли огромной змеей, а затем стремительно направился ввысь. Тонкий пруттик очень быстро утолщался, обрастая чешуйчатой коричневой корой. Вверху пруттик словно взорвался, распуская в стороны мощные стебли. Утолщаясь, ветви обрастали сочными зелеными листьями.

— Дуб, — опешив, прошептал Кошчи. Недоверчиво покрутил в пальцах лист, упавший с мощного огромного дерева, лишь немного ниже самого Замка. — Обычный дуб... только невероятно большой, — и осторожно коснулся дерева кончиками пальцев, словно убеждаясь в реальности растения.

В этот миг толстых, в несколько обхватов, ствол вдруг распался вдоль на несколько частей, словно его расщепил великан. Хозяин резво отпрыгнул и сделал первое, что пришло на ум. Руки взметнулись в сложном пассае. Части дерева вновь сложились в один ствол, удерживаемые длинной широкой цепью. А Кошчи запомнил, что только что содеянного лучше не касаться. Видимо, силы, облекшие форму, очень нестабильны...

Из своего убежища крайне осторожно вылез кот. Пугливо обнюхав дуб, он немного расслабился и махнул хвостом. Оглядел опустевший сад:

— Bravo, Хозяин.

Затем осмелел и, обойдя дуб, стал к нему хвостом. Задрал его и потряс, помечая территорию. Понюхал, довольно фыркнул. И тут взгляд его упал на мощную цепь, обвивающую дерево несколько раз до самой верхушки.

— Золотая, — уважительно прокомментировал он.

Осторожно потрогал лапкой, мягко ступил на первое звено. Потом смелее, еще шагком. И вскоре, Черныш забрался на самый верх. Осмотрелся.

— А вот и наша красotka пожаловала, — промурчал он.

Кошчи резво обернулся, но вместо Софии позади стояло сущее недоразумение: тощий человек в старом, изодранном платье и парике, повязанном на шее, словно платок. Хозяин недобро усмехнулся, подзывая сумасшедшего к себе. Всериил попытался убежать, но только забился бабочкой в невидимых силках. Неведомая сила тащила его к огромному дубу, на вершине которого благим матом орал черный кот. Глаза бывшего советника почти вылезали из орбит от страха, ноги подкашивались...

— Какой-то ты нервный, — вкрадчиво обратился к нему Кошчи и сделал жест, словно забрасывая невидимую веревку на нижнюю ветвь. В тот же миг Всериил оторвался от земли и, стрелой взлетев на дерево, повис на широкой ветке. — Так-то лучше, — спокойно сказал Кошчи. — Не двигайся...

— Хозяин, — взволнованно крикнул Черныш. — Можно, я сперва слезу?

— Сиди там, — приказал Кошчи. — А то еще сбежит... Такой прыткий. Лови его потом. А я хоть потренируюсь на людях...

— И на котах, — в голосе кота звучала откровенная паника. Первое колдовство открыло в животном дар речи и этому Черныш радовался. Но сила Хозяина настолько непредсказуема, что они с человеком вполне могли стать яблоками на этом дубе...

— Сейчас я тебя подлечу, — пробормотал Кошчи, прицеливаясь в бывшего королевского советника.

Сноп искр посыпался на дерево. Кот заверещал и отчаянно вцепился всеми когтями в кору, чтобы не упасть, и зажмурился. Все дерево горело яркими огнями так, словно звезды решили немного поплясать вокруг. Когда последние искры потухли, Кошчи открылась чудная картина: дерево сияло, словно позолоченное начиная с корней и доходя до самой высокой ветки. Кот наверху осторожно приоткрыл один глаз. Поняв, что все уже закончено, а он остался жив, Черныш встряхнулся. Золотой пепел пыльным облаком медленно поплыл вниз, соскользнув с черной шкурки. Сам кот важно ступил на цепь. Спустившись до злополучной ветки, на которой некогда повис сумасшедший советник, Черныш остановился и задумчиво рассмотрел большой золотистый ком.

— Любопытно... какой приятный запах, — кот вытянул шею и осторожно коснулся предмета мягкой лапкой.

Золотая пыль взметнулась в воздух. Черныш чихнул и недовольно юркнул к стволу. В облаке Кошчи с изумлением разглядел миловидное девичье личико...

— София? — недоверчиво протянул он.

Яркие искры осели на землю золотым ковром, а Хозяин удивленно ощупывал взглядом золотые длинные волосы, белую шею, обнаженную грудь. Но не это изумило Кошчи. Начиная от пояса, девушка превращалась... в рыбу!

— Да, Хозяин, — ворчливо прокомментировал Черныш, недовольно рассматривая девицу. — Колдун ты знатный, а толку никакого! Ну что тебе стоило ее полностью рыбой сделать? Теперь ходи тут, давься слюной...

Кошчи расхохотался, кот все брюзжал:

— Вот ведь напасть! Хорошо, что у меня лапы остались... а то смешил бы всю округу... жабрами! Давай договоримся — меня ты никогда не будешь пытаться подлечивать!

— Будешь продолжать ворчать на хозяина, я тебе вместо хвоста клешню приделаю, — Кошчи шутливо нахмурился и щелкнул пальцами.

Черныш подпрыгнул и зашипел. Черная шерстка встала дыбом. Не успел Хозяин и глазом моргнуть, как кота и след простыл. Мужчина усмехнулся: то-то же! А то совсем зверь страх потерял. Но потом пригорюнился и задумчиво глянул на русалку. Та ошалело хлопала пушистыми ресницами. Рот у девицы постоянно приоткрывался в немом крике, — словно у рыбы, вытащенной на берег. Может, она не может жить на суше? Кошчи невесело рассмеялся: какая суша! Он ее вообще на дерево посадил! Или его?.. Хотя, теперь уже без разницы.

Приглядевшись, Кошчи понял, что русалка не так уж и похожа на Софию. Видимо, черты девушки ему чудятся в каждом молодом личике с голубыми глазками. Милая, нежная жертва... Хозяин улыбнулся, взгляд стал рассеянным. Он вспомнил далекий день, когда городская сирота постучалась в его ворота. Пираты...

Брови Кошчи снова сошлись на переносице. Его жертвами теперь стали все жители государства Минд. Насадчане приносили бед в тысячи раз больше, чем самые кровожадные пираты. Они околдовывали людей, заставляли брать оружие и идти брат на брата. Он видел, как молодые маги обращали пленных миндчан, пополняя свое войско.

Хозяин медленно побрел к двери Замка. Удивительно, но та распахнулась при приближении Кошчи, совсем как в старые времена. Возможно, даже Замок ощутил бурю эмоций, раздирающих Хозяина на части. Живая вода вдохнула в Кошчи часть жизни. Но это

приносило больше боли, чем удовольствия. Сердечко нежно трепетало при воспоминании о печальной улыбке сироты. Но вместе с тем, он заново познал сомнения, сожаления, вину, сочувствие и жалость... А еще беспомощность — самое болезненное чувство.

Да, то, что происходит в Минде — его вина. Кошчи страстно хотел все исправить, но не мог. Непредсказуемая смесь противоположных сил, каким-то загадочным образом поселившаяся в нем, преподносила сюрприз за сюрпризом. Как же быть? Конечно, теперь, когда он в Замке, силы уравниваются сами собой. Словно весы, которые перестали раскачиваться. Но на это нужно время. Сколько — никто не сможет предположить. И перекос может быть то в одну сторону, то в другую. Сколько людей погибнет, попав под качели судьбы?

И все же, где-то в груди теплился огонек надежды. Противоречивые желания раздирали его на части. Хотелось сейчас же броситься на поиски Софии, рассказать ей обо всем, заглянуть в синий омут глаз, разглядеть в загадочной глубине ответное чувство... И в то же время он яростно желал запереться в Замке на веки веков, забыть обо всех людях, вырвать из души росток привязанности. Почему он решил, что девушка любит его? Ведь еще недавно он был абсолютно холоден. Возможно, он принял жалость за любовь. А вдруг она рассмеется в ответ на его признания?

Кошчи зарычал и ударил белоснежную стену: сейчас он готов распрощаться со всем могуществом, лишь бы снова вернуть былую бесчувственность. Под кулаком на камне зазмеились трещины. Кошчи моргнул и тут же отдернул руку: это не трещины! По стенам резво ползали странные каменные змеи. Они извивались, осыпаясь песком на пол. Но сколы не мешали змеям передвигаться по стенам так же легко, как по ровному полу.

Хозяин подхватил факел и ткнул одну в бок. Змея зашипела и обвила ствол факела. Камень, из которого она состояла, треснул сразу в нескольких местах. Змея попыталась укусить огонь, снова и снова щелкая каменной пастью. Кошчи с омерзением отбросил факел в сторону.

Что ответит девушка, не важно. Он не должен ни спрашивать, ни приближаться к ней. Кошчи опасался сам себя. Нутром он ощущал, что созданные им каменные змеи очень опасны. Чем? Это еще предстояло понять. А если при встрече с Софией подобная вспышка ярости наплодит существ еще более чудовищных? Жар в груди раздирал Хозяина изнутри, гнев и отчаяние давили на него снаружи.

В приступе ярости он расшвыривал в стороны каменных змей. Из маленькой дырочки в полу метнулась серая тень. Мышь бежала от гнева Хозяина, но наткнулась на одну из тварей. Зверек застыл в ужасе... и остался стоять, не шевелясь. Змея шустро уползла в ту самую щель, из которой появилась мышь. Кошчи в гневе пнул застывшую от страха мышь. Та вдруг упала и покатила по полу с гулким звуком, словно была не живой, а старательно сделанной мастером из куска гранита.

Весь гнев Хозяина мгновенно улетучился. Кошчи присел и задумчиво рассмотрел зверька. Без сомнения — взгляд змеи превратил того в камень. Теперь понятно, чем же так опасны каменные змеи. На Хозяина их магия не действует... возможно, что они просто не смотрели в глаза человеку. Надо сказать Чернышу, чтобы был осторожнее...

Ноги сами привели Кошчи в круглый зал, единственным украшением которого было огромный зеркальный куб, установленный посередине. Рядом с ним сидел кот. Черный хвост чуть подергивался, уши наострены в сторону одной из сторон куба. Кошчи подошел ближе и заглянул в зеркало.

По гладкой поверхности плавали веселые образы рынка. Такие были в мирные дни. Многочисленные палатки, снующие продавцы, заинтересованные покупатели, разноцветные товары, крикливые бабы с румяными яблоками на широких подносах... Странного вида женщина — явно гадалка. Рядышком терся о старую корзину его старый знакомый.

— Черныш, — позвал кота удивленный Хозяин, — как ты управляешь зеркалом мира? Даже мне оно теперь показывает только то, чего на самом деле нет.

Кот по-человечески пожал плечами и взглянул на Кошчи круглыми глазами:

— Как-то само получается. И у Софии получалось... иногда. Но оно показывает нам лишь прошлое. Когда мне грустно, я вспоминаю свою жизнь.

— Отчего тебе грустно? — присаживаясь прямо на голый пол, спросил Хозяин.

Кот снова потешно пожал плечами:

— Я понимаю, что мне повезло. Мне выпала жизнь, наполненная чудесами... Но иногда я тоскую о том, простом и понятном, наполненном весенними песнями, помойками и пинками прохожих, простом кошачьем существовании...

Кошчи задумчиво смотрел на зеркало. Стоило Чернышу отвести взгляд, как по поверхности куба поплыли разноцветные пятна. Вскоре они сменились кровавыми битвами несуществующих чудовищ, борющихся и на земле, и в воздухе. Огромными прямоугольными камнями с миллиардами сияющих звезд по всей поверхности. Порой одни звезды гасли, другие загорались. В этой световой пляске явно существовала какая-то взаимосвязь, но она ускользала от понимания Хозяина. Человечки бродили где-то внизу, под каменными чудищами, и казались муравьями на их фоне. Люди одеты в странные наряды. Женщина носила маленькие, словно обрезанные платья, и старательно вышагивала на острых, словно пики копий, ходулях. Так, если бы боялись улететь в небо, поэтому тщательно цеплялись за землю...

Хозяин моргнул, видения рассеялись. Вот, опять чушь какая-то... Перевел взгляд на Черныша. Кот тщательно вылизывал черную лоснящуюся шкурку.

— А ты можешь вспомнить о том времени, когда жил здесь с Софией?

— Конечно, — кот широко улыбнулся, показывая ряд ровных белых, явно человеческих, зубов. Хозяин вздрогнул: видимо, золотая пыль подействовала и на животное. — Это было самое счастливое время в моей жизни!

По серебристой поверхности заструились образы. София тщательно пропальывала грядку с морковкой. Кошчи улыбнулся, с нежностью взирая на девушку.

XVIII

Всюду, куда достигал взгляд, колыхалось людское море. Но не сильно, не так, как в шторм, а еле-еле, будто при вечернем бризе. Там и сям, между походных шатров, курились костры, люди, большей частью, сидели вокруг, лишь отдельные фигуры шатались без цели...

— Караулы расставлены грамотно, — доложил барону егерь, вернувшийся из разведки, — Есть посты вокруг лагеря, есть патрули внутри, поэтому дальше второго круга я идти не рискнул, тем более — такого приказа вы не давали.

— Правильно! Кто есть в лагере?

— Наёмников нет, только насадчане. Тех разослали по ударным направлениям, вокруг столицы, а эти выжидают, чтобы безопасно снять пенки с варенья.

— Здесь нам пока делать нечего, силы не те, — Эрг полуутвердительно глянул на принца, — А вот с наёмниками можно попробовать... Карту!

Несколько минут барон совещался с разведчиком. Принц тихонько отошёл в сторону и

понаблюдал из-за кустов за Белкой, которая гоняла Софию, как капрал новобранца. Девушка не возражала, понимая, что та следует приказу и, одновременно, старается облегчить себе его выполнение. Кроме того, за милую было видно — Белка увидела в ней конкурентку и по-своему мстит, ревнуя к вниманию принца. Кстати, София это тоже понимала и в подруги Белке не навязывалась. Сейчас их связывает общее дело, пройдёт время — и разбегутся.

— Общий сбор, уходим! — скомандовал барон.

Действия группы были отработаны до автоматизма. Пара дозорных впереди, столько же прикрывают фланги и арьергард. Барон с принцем и Белка со своей подопечной неизменно оказывались в ядре, надёжно прикрытые остальными егерями. Передвигалась летучая команда довольно быстро, но размеренно. Барон успевал следить, не устали ли его подопечные, при необходимости командовал либо краткий отдых, либо продолжительную остановку. София уже знала, что первой целью был избран отряд, сформированный из гедзейских горцев. Обсудив ситуацию, она согласилась, что заставить воевать этих горячих, но мирных пастухов можно не иначе, как с помощью колдовства. А сейчас они представляли собой реальную опасность, поскольку ближе прочих наёмников приблизились к родному городку Софии — Арлейн, где миндцы сформировали временный штаб.

Гедзейский отряд не пришлось искать долго. Те ломились через лес подобно стаду. Как отметил барон — ни одному военачальнику в здравом уме не пришло бы в голову заставлять воевать в лесах людей, чья жизнь прошла в горах, где деревья выше человеческого роста считаются просто огромными. Егеря нашли удачную позицию и через некоторое время смогли во всех подробностях разглядеть горцев, бредущих по лесу с решительными лицами и совершенно пустыми глазами. Циоан первым разглядел «пастуха» этого стада и, толкнув Софию под локоть, указал на насадского мага. Закутавшись в длинный черный плащ, словно отгораживаясь от плебеев, тот мрачно шагал среди горцев. Барон подал знак, и егеря незаметно рассредоточились по позициям.

Эрг здраво рассудил, что в положении летучей команды, будет лучше, если прольется как можно меньше крови. Впрочем, огнестрельным оружием егеря себя не отягощали. Маленькие мощные арбалеты, снаряжённые специальными свистящими болтами, внесли полную сумятицу в, и без того нестройные, ряды горцев. Лес огласили истерические вопли, гедзейцы ломанулись по кустам, в надежде спрятаться от неведомой опасности. И тогда вперёд выступила София.

Уже пролилась первая кровь в этой схватке. Парочка горцев, вооружённых пращами, оказались посмелее прочих и попытались использовать своё оружие против девушки. Одного упокоила Белка, строго выполняющая приказы своего командира, другого — Циоан, доказав, что обучение у барона не прошло бесследно.

София и насадчанин стояли друг напротив друга, шагах в двадцати. Маг бормотал заклинания, приобретающие видимость чёрного дыма и длинными плетями тянущиеся к девушке. Будь он посообразительнее, то может и догадался бы, что главная опасность таится не в ней, а в её спутниках, умело владеющих оружием. Так или иначе — магу пришлось прерваться, чтобы остановить болт, летящий ему в лоб. Действие магии прервалось, дымные плети рассеял ветерок, тут-то и вступила в бой София.

Впрочем, «бой» — сильно сказано про человека, отличающегося редкостным миролюбием, хотя и перенесшего уже немало страданий. И сейчас, в родном лесу, ей вспомнился Замок. Вид из окон на море, каменная стена, увитая плющом... Мгновение — и густая сеть вьющегося растения опутала мага с ног до головы. Несколько жёстких стеблей

перетянули рот насадчанина, и по выпученным глазам сразу стало можно догадаться, что творить магию он больше не в силах. Белка посмотрела на девушку расширившимися глазами, полными суеверного ужаса, и попятилась. София вздрогнула и на мгновение отвлеклась на испуганную девушку. Поэтому не увидела, как несколько метко брошенных ножей прекратили его существование. Маг — не Хозяин, бессмертия ему не дано.

Барон вышел вперёд. Гедзейцы, выйдя из-под влияния мага, стали приходить в себя, как после глубокого и долгого сна. Хотя они ещё не вполне понимали — где и как оказались, события последних минут сохранились в памяти у всех. Высокий бородатый горец смело встал перед Эргом.

— Кто из вас убил моего брата? — спросил он, указывая на одного из убитых пращников.

— Ты и твой брат пришли туда, куда их не звали, чтобы творить зло. Если ты сейчас уведёшь своих людей домой — твоего зла не вспомнят и трусом не назовут, — барон одной фразой показал, что ему хорошо знакомы нравы и понятия гедзейских горцев.

— Но, кровь моего брата... — возразил предводитель. Ясно было, что другие детали его не интересуют и возражений не вызывают.

— За кровь твоего брата отвечу я! — вперёд выступила бледная, но решительная Белка, — Я обещаю тебе священный поединок. Только не сейчас, я найду тебя, когда закончится эта война. Если победа будет за мной — ты скажешь, что крови между нами нет. Если проиграю — войду в твой дом вечным пленником.

Барон мог бы гордиться своей воспитанницей.

— У гедзейцев нет рабов, — возразил горец, — Ты войдёшь в мой дом женой моего сына. А сейчас мы уходим.

Эрг мягко отодвинул вспыхнувшую Белку и завершил церемонию:

— Вам никто не препятствует.

— Подождите! — вмешалась София, выступая вперед: и шанранцы, и горцы неосознанно отступили, словно проявляя почтение силе, которую они не понимали. — Их надо защитить от магии. Если они встретят насадчан, всё может начаться снова.

Барон кивнул и пригласительным жестом указал на побледневшего бородача, предоставляя девушке полную свободу действий. А она обратилась к горцу, даже не успев сообразить — откуда к ней пришла эта идея:

— Маг, что привёл вас сюда, мёртв. Но есть ещё много других. Чтобы не стать послушными их воле, пусть каждый из вас сорвёт лист с растения, которое помогло справиться с ним. Пока они будут при вас — никакое колдовство вам не страшно. Но поспешите, зелень вянет быстро. И магия растает вместе с угасающей жизнью растения...

Вождь — всегда первый, в бою, в труде и в мудрости. Гедзеец коротко поклонился девушке, первым сорвал с трупа мага листок плюща и махнул рукой своим людям — берите и уходим. Каждый горец, завладев заветной защитой, одаривал почтительным Софию поклоном, но дожидаться конца церемонии было некогда. Барон молча кивнул Белке на подопечную, но та решительно отступила и помотала головой. Эрг нахмурился, но девушка лишь закусил губу. Тогда вперед выступил Циоан. Он без церемоний ухватил задумавшуюся Софию за рукав, и через мгновение егеря скрылись за деревьями.

Спустя некоторое время, барон уважительно обратился к Софии:

— Я рад, сударыня, что вы с нами.

Циоан довольно улыбнулся, пожав спутнице руку. А Белка, следующая за ним, словно

ть, лишь тихонечко вздохнула.

София зачарованно осматривала место, в котором оказалась. Словно маленькая, заполненная светом, точно водой или воздухом, коробка хранила в себе хрупкую фарфоровую куклу. Как такое возможно? Где она? Что это за комнатка? Девушка с изумлением проследила, как по поверхности стены словно пробежала рябь. Она немного подумала и легонечко подула на серебристую гладь. И снова маленькие волны заструились во все стороны, переливаясь всеми оттенками веселой радуги.

Она несмело прикоснулась к стене кончиками пальцев. Кожу словно обожгло холодом. Отдернув руку, София подула на пальцы. Тут по стене словно скользнула тень. Вздвогнув от неожиданности, девушка пристально всмотрелась в то место, где ей почудилось некое движение. Стена словно стала прозрачнее... как зыбкое живое стекло, по которому изредка пробежали волны света и играли солнечные лучики, невесть как взявшиеся здесь.

Бесформенная тень постепенно приобретала четкие контуры. Словно некий призрачный художник тщательно прорисовывал детали, оставляя общий план на потом. София прижала к груди горячую ладонь. Сердце колотилось так, что казалось, это — вольная птица, попавшая в силки. Разрез глаз, резко очерченные тонкие губы, вечная усмешка...

— Ты, — прошептала девушка, протягивая руку навстречу Хозяину, но не смея прикоснуться к стене. Вдруг, это — лишь иллюзия. И милый сердечку образ растает от неловкого движения. — Это ты...

Кошчи улыбнулся и провел рукой по воздуху, словно погладив Софию по щеке. Та закрыла глаза, представив, что ласка коснулась кожи, и прижалась щекой к своему плечу, словно удерживая призрачное прикосновение.

— Я видел тебя, — прошелестел тающий в мерцающих стенах голос. — Все, что ты делала, когда жила в Замке, слышал все, о чем ты думала...

Щеками девушки завладел яркий румянец, но она не опустила взгляда. Она просто боялась хоть на мгновение потерять Кошчи из вида. Вдруг тот растает, словно предрассветный сон.

— Я скучала по тебе, — прошептала она, ощущая, как одинокая слезинка скользнула к подбородку.

— Я знаю, — улыбка исчезла с лица Хозяина. Теперь он смотрел почти грозно. София сжалась в маленький комочек, ощущая себя глупой девочкой. Жаль, что она не может читать его, как открытую книгу. Душа девушки всегда была открыта для Кошчи, сердце принадлежало ему с первой минуты знакомства... Но всегда он оставался загадкой. Далекой, холодной вершиной, сверкающей серебром в лучах ее восхищения.

— Умница, — помедлив, словно преодолев некое сомнение, Кошчи продолжил. — Молодец, что покинула Замок. Здесь не место... живым. — София сильно побледнела, поэтому Хозяин поспешил перевести тему: — А вот за кота спасибо. Хотя он вредный и излишне ироничный.

— Этим он очень похож на тебя, — шепнула девушка и несмело улыбнулась, попытавшись прогнать тень страшной правды, которую Кошчи только что обрушил на нее. — А еще умный и не любит чужих.

— Надеюсь, что он и этим на меня похож, — рассмеялся Кошчи, а девушка поразились, сколько жизни было в этом смехе. Совсем не похож на тот, кашляющий звук, что она

слышала раньше. Хозяин отвел взгляд: — Не смотри на меня так...

— Как? — удивилась София. — Я смотрю на тебя как-то иначе, чем прежде?

— Нет, — покачал головой Кошчи. — Так же, как всегда. И поэтому тебе не стоит на меня так смотреть. — София, тебе никогда... Слышишь, никогда и ни при каких обстоятельствах не стоит возвращаться в Замок!

— Но... — На глаза навернулись слезы, обида травила душу отчаянием. — Но почему? Тебе стало неприятно мое общество? Может, я сделала что-то не так?..

Кошчи печально улыбнулся. Но через мгновение, словно одернув себя, нахмурился и с угрозой сказал:

— Если ты вернешься — умрешь!

— Ты... убьешь меня? — Глаза девушки расширились, в голубой бездне плескалось отчаянное недоверие.

— Ты убьешь себя, если еще раз переступишь порог Замка, — устало объяснил Кошчи и продолжил чуть мягче, словно извиняясь за холодность. — Пойми, девочка — то, что ты осталась жива, это уже чудо! Так стоит ли испытывать смерть еще раз? Ты знаешь, что сокрыто в моих пещерах. Но не знаешь, что пещеры не в силах удержать ту силу, что таится в Замке. Она живая и действует по собственной воле. Раньше я этого не замечал... Но теперь я увидел, — он сплотнул, ощущая, что стало очень трудно произносить слова. — Замок действует точно так же, как знаменитая Кудыкина гора в Насаде...

— Что? — опешила София. — Я не понимаю...

— Просто, — улыбнулся Кошчи. — На самом деле, все очень просто. Вода испаряется. Я этого не учел... Она все время в движении. Даже сокрытая в кувшинах, она может проникать сквозь глину, рассеиваться по воздуху, проникать в почву, в еду, питье... Помнишь, я рассказывал про женщин, отведавших запретный напиток?

Девушка кивнула, снова сильно побледнев. Хозяин — хороший рассказчик, она словно сама видела, как несчастные разрывали на части собственное тело.

— Ты тоже приняла его, — Кошчи смотрел на Софию в упор. Он понимал, что его слова сильно напугают девушку, но иначе было нельзя. Глаза ее расширились от ужаса, рот открылся в немом крике. Хозяин качнул головой: — Неосознанно. Ты вдыхала его, прогуливаясь по Замку, вкушала вместе с овощами, которые росли на твоём огорожке, пила вместе с ключевой водой... Поэтому я и говорю: то, что ты еще жива — чудо! Может, Замок пощадил тебя и насытил запретным напитком лишь в той мере, которая удержит в теле хрупкий стебелек жизни. А может, вода все равно убьет тебя... только очень медленно. В любом случае, возвращаться тебе нельзя ни в коем случае! Я даже сейчас ощущая силу, которая живет в тебе...

София глубоко задумалась, прижав кулачки к губам. Личико ее расслабилось, глаза стали задумчивыми и спокойными. Кошчи пристально взгляделся в девушку: неужели страх ему лишь привиделся? По лицу Софии пробежала легкая тень беспокойства. Она отняла руки от губ и прошептала:

— Вода... она отравляет всех, кто находится в Замке?

— Думаю, да, — недоумевающее пожал плечами Кошчи: к чему она ведет. Потом расхохотался: — Ты про Черныша? Не беспокойся за свою зверюгу... он еще меня переживет! Что бы я ни делал, ничего не берет наглого кота!

— Нет, — качнула головой София, но губы ее непослушно расплывались в улыбку. Черныш был необычным котом, — ведьминским. В Замке он ощущал себя как дома...

пещеры были для свободолюбивого кота самым лучшим домом, который только можно найти. — Я о другом. Если вода проникла в мое тело, значит она отравила и Циона?

— Мальчишка! — Кошчи вздрогнул так, словно получил пощечину. Он и не обратил внимания на юношу, который постоянно крутился около Софии. Какое-то время тот жил в Замке. Это значит, что юный принц тоже мог быть заражен. Хозяин раздраженно передернул плечами: — Я не знаю. Возможно... Мне это не интересно.

Укол ревности оказался более болезненным, чем он мог себе предположить. Кошчи уже сожалел о словах, сорвавшихся с губ, но было уже поздно. Следовало поддержать девушку в ее увлечении... живым человеком. Да еще — принцем. А он ведет себя, как собака на сене. Возвращаться запрещает, но и уйти не дает. Кошчи скрипнул зубами, всем телом ощущая беспокойство Софии за жизнь принца.

— Ну это мне... Какое дело Хозяину до жизни несчастного смертного! А вот тебе должно быть интересно, — процедил он, ощущая ненависть и к принцу, и к самому себе. — Если, конечно, хочешь спасти его жизнь...

— Спасти? — София оживилась. — Чем я могу помочь?

— Я видел, как ты смело воевала в лесу, — Кошчи вспомнил сцену с обращением гордого горного народца к действительности. — Ты победила мага из Насада. Как ты думаешь — почему?

— С некоторых пор, — задумчиво объяснила девушка, — со мной происходят странные чудеса. Люди верят, что я — колдунья. Но я сама ничего не делаю... словно кто-то действует через меня. Я лишь направляю поток в нужное русло.

— Поток? — приподнял бровь Кошчи. Он хотел, чтобы София и сама догадалась, что же это за загадочный «поток».

— Да, — рассеянно кивнула та и помялась: — Я не знаю, как еще объяснить. Порой... не всегда, — меня словно омывает водопад некой силы. Она проходит даже сквозь меня! В такие минуты я ощущаю страх и одновременно невероятный восторг. За спиной словно вырастают крылья, и кажется, что я — все могу! Но этот краткий миг проходил, и я снова становилась никем... Но постепенно научилась управлять потоком, вызывая его когда надо... — София вдруг нежно улыбнулась и протянула руку к Кошчи, словно хотела коснуться его лица. Пальцы осторожно дотронулись до прозрачной поверхности стены, по которой, словно по воде, тут же разбежались круговые волны. — Стоило лишь подумать о тебе...

Хозяин понял, что переоценил свои силы. Душу раздирали противоречивые эмоции, сердце кричало о бесплотности его страхов, разум доказывал обратное. Сладкие картины возможного счастья безжалостно разбивались об утес жесткой логики. Но, тем не менее, с девушкой случилось невероятное: сила мертвой воды отзывалась на ее чувства! Ранее он считал, что София просто не может не источать силу — вода, просочившаяся в нее, руководит возможностями тела. Как он ошибался...

— Нет, — Кошчи покачал головой и отступил, словно опасаясь горячего прикосновения руки Софии. — Это не ты думаешь обо мне, — глаза его стали пусты, как пепелище после пожара. Он словно убеждал сам себя: — Это моя сила пробуждается в тебе при воспоминании о Хозяине! Глупая. Это я действую через тебя!

Кошчи презирал ложь, справедливо рассуждая, что обманывают лишь слабые. Но сейчас он был слаб и... презирал себя. Как был прав Старик! Не нужно было пытаться вернуть себе жизнь. Он отступил, но забыл, что желания его всегда исполняются. Даже отвергнутые. Рано

или поздно они достигают своего господина и жестоко расправляются с ним. Мертвый, он научился ничего не желать. Это было просто — смерть сводит на нет все удовольствие от исполнения желаний. Но с возвращением частички жизни робкая надежда вражеским лазутчиком пробралась в сердце. Пустила корни и, питаясь соками возрожденных эмоций, разрослась и расцвела буйным цветом желаний.

Но Софии незачем знать обо всем этом. Человеческий разум просто не выдержит подобных испытаний. Хорошо, что он не человек... Жаль, что не человек.

— Я знала об этом! — воскликнула София. — Я всегда об этом знала! Это ты... Ну конечно, это был ты!

Глаза сияли радостью. Тень печали и отчуждения, некогда затаившаяся в них, рассеялась, словно утренний туман. Кошчи видел, что девушка испытала огромное облегчение. Понимающе хмыкнул: в свое время он дорого бы дал за то, чтобы кто-то взял на себя ответственность за чудеса, вытворяющие с ним невообразимые вещи. Он едва сдержал вздох.

— Послушай меня, — проникновенно заговорил Хозяин. София широко улыбнулась и кивнула, выражая полное внимание. — Я хочу попросить тебя об очень большом одолжении. Впрочем, все миндчане заинтересованы в твоей помощи. Увы, я не могу покинуть Замок. Но войну нужно остановить как можно скорее. Ты будешь и дальше помогать шатранскому принцу. А я буду помогать тебе... действовать через тебя. Будь рядом и пристально наблюдай за ним, отмечая малейшие изменения. Это очень важно! Ни на миг не покидай его...

— Почему же Циоан так важен для Минда? — удивленно спросила София. — Он принц, но шатранский...

— Потому, — Кошчи на ходу пытался придумать разумное объяснение. — Потому, что именно ему суждено занять трон Минда! Руйс скончался, наследников он не оставил... Генералы сейчас заняты войной, но вскоре они перегрызутся между собой, доказывая причастность своей фамилии к королевской крови. После подобных испытаний, Минд не переживет гражданской войны и легко распадется на несколько слабеньких княжеств. Те в свою очередь скоро приберут соседние государства... да тот же Насад! И выиграет без войны... А ты видела, что делают насадские маги с обычными людьми.

София передернула худенькими плечиками, вспомнив пустой взгляд горцев. Этого нельзя допустить!

— Но двор никогда не допустит, чтобы королем стал шатранский принц, — рассудительно возразила она. — Закон говорит...

— Что наследовать престол может лишь тот, в чьих жилах течет королевская кровь, — закончил за нее Кошчи и усмехнулся: — Я сам когда-то этот закон придумал, чтобы объединить вечно воюющие княжества. — Он искоса посмотрел на девушку. Та в задумчивости водила указательным пальцем по высокому лбу. Махнув рукой, добавил: — Руйс не оставил прямых наследников... Но в Арлейне жил человек, в жилах которого течет королевская кровь.

— Да? — заинтересовалась девушка. Личико просветлело: — Мы сегодня же проникнем в город... Правда, там от города почти ничего не осталось. Мой родной городок переходил несколько раз к врагу, а потом войска Минда его всякий раз отвоевывали... Погоди, ты сказал — жил? Надеюсь, он не погиб?

— Нет, — Кошчи через силу улыбнулся Софии: — Это — ты!

— Я?! — девушка недоверчиво качнула головой и даже отступила на шаг. — Ты что-то путаешь. Я — сирота без роду и племени... принцесса?

Хозяин печально наблюдал, как сомнения одно за другим покидают ее. Видимо, некоторые события, произошедшие в жизни, теперь стали понятны.

— Стража, — пробормотала София. Кошчи с удивлением увидел, что она разозлилась. — И насадские маги... Да они просто хотели заранее избавиться от наследницы!

Кошчи вспомнил, как София рассказывала ему о нападении. Конечно, это сам Руйс хотел узнать — почему он не убил девчонку, поэтому приказал ее схватить. Возможно, хотел шантажировать Хозяина... А насадские маги почуяли проявление мертвой силы, поэтому и напали. Но самой девушке знать об этом было совсем не обязательно.

— Да, София, — Кошчи кивнул со всей серьезностью. — Ты — наследница престола. Но так как трон переходит по мужской линии, тебе необходимо выйти замуж, чтобы править своим народом. Шатранский принц подходит как нельзя лучше. Это полезно для Минда. Ты обретешь мощную поддержку Шатрана.

«А я позабочусь о том, чтобы твои права признали», — закончил он про себя.

София побледнела. Потом щеки окрасил яркий, неестественный, румянец. Огромные глаза наполнились слезами.

— Замуж? — едва дыша, переспросила она. Всхлипнула, изо всех сил пытаясь не разреветься. — Но... но...

— Это твой долг, — слова Хозяина прозвучали, как приговор.

XIX

Сон. Яркий, раздирающий, колючий... Кошчи резко открыл глаза и сел, уставившись на гладкий куб зеркала мира. Кот, который зажмурившись, мурлыкал что-то себе под нос, свалился с груди Хозяина. Нервно подергивая черным хвостом, отошел в сторону, сел и принялся недовольно прилизывать шерстку, вздыбившуюся на боках. Но Кошчи словно не видел его — странная мысль пронзила все тело. Он что — спал? Видимо, это еще один подарок живой воды. Образы, плавающие в боках зеркала мира, как-то незаметно сменились другими — сладкими и ласкающими. Он был рядом с Софией.

Вздрыгнул, вспомнив волнующий взгляд голубых глаз. Их разделяла призрачная стена куба. Но Хозяин прекрасно осознавал, что эта стена — крепче самых высоких и толстых каменных ограждений. Они словно были рядом... но находились врозь. Это — магия куба. Некогда сотворив себе интересную игрушку, Кошчи без усилий наблюдал за всем, что его интересовало в мире. Жаль только, что интересовало его малая часть мира, иначе бы все было сейчас иначе. Возможно... а может, и нет.

Странно, что куб все-таки отреагировал на приказ Хозяина. Что это? К нему возвращаются привычные силы? Или живая вода утратила свою власть над ним, пока он спал? Нет, тогда бы он не ощущал разрывающих на части страданий от разлуки. Не ощущал бы себя предателем за то, что толкнул Софию в чужие объятия. Не испытывал бы к себе такой лютой ненависти за то, что подло обманывает ту, что дороже всего на свете...

Кошчи застонал и схватился за голову:

— Я не хочу ничего чувствовать! — закричал он, не понимая — кого просит. — Прекратите это немедленно! — Сжавшись от испытываемой боли, обхватил себя руками. — Почему это происходит со мной? Как такое могло случиться? Я же не стал пить живую воду...

Черныш, испугавшись странной вспышки Хозяина, шмыгнул из зала. А тот раскачивался из стороны в сторону и причитал. И тут в мерцающей поверхности равнодушного куба мелькнули знакомые черты. Старец! Он зовет его к общению. Вода... немедленно нужна вода!

Кошчи вскочил на ноги и метнулся к выходу.

— Теперь этому дому требуются обновления! — захохотал он, как сумасшедший.

Около скалы, примыкающей к крепостной стене, Кошчи хотел сотворить маленький прудик с удобным спуском к воде. Он был необходим для общения с Новорождённым Старцем, как ему раньше эта мысль не пришла в голову. Может, ироничный старик объяснит, что с ним происходит. Покосившись на погубленный огородик Софии, посередине которого стоял огромный дуб, Хозяин решил украсить пруд водопадом. Русалка на ветке раскачивалась на ветру, словно огромный блестящий лист. Странно, но она была еще жива. Может, русалкам не так уж необходима вода... во всяком случае, рыба бы давно издохла.

Чёрный кот, внимательно наблюдал за ним из-за угла. Кошчи простер руки к небу, призывая силу. В воображении уже существовал небольшой прудик с прозрачной водой. Черныш недовольтно фыркнул: ему не понравились брызги, полетевшие во все стороны от Хозяина. Кошчи открыл глаза и, опустив руки, раздраженно хлопнул ладонями о бедра. Пруда не было. Но над головой грянул гром, чистое небо осветили многочисленные зигзаги молний. Словно из воздуха стала образовываться огромная черная туча, из которой немедленно пролился требуемый водопад, мгновенно вымочив Кошчи до нитки.

— Не так я себе это представлял, — расстроился он.

Зато русалка на дереве извивалась всем телом и счастливо смеялась, купаясь в сплошной стене дождя. Хозяин философски пожал плечами:

— Что ж, все-таки, это — вода. То, что в данный момент необходимо...

— А я говорил тебе — уходи быстрее, — захихикал в голове насмешливый голос старика. — Ну, что ты все медлил? Я уже весь извелся, ожидая тебя, а ты заставляешь волноваться старого больного человека!

— А ты вспоминал обо мне только перед смертью? — с сарказмом в голосе уточнил Кошчи.

— Ишь, какой догадливый, — хмыкнул Старик. — А когда еще вспоминать о мертвецце? Ну ладно, все обо мне, да обо мне... Что ты хотел спросить?

— Я снова живой, — Хозяин рассматривал мокрые ладони. Нещадный дождь забирался под рубаху, противной змеей скользил между лопаток. — Как такое может быть? Ты же говорит, что мир погибнет!

— Я знаю, что говорил, — фыркнул Старец. — Вот глянь, ты навелитл меня. Провел буквально сутки, но твоя кожа уже успела впитать живую воду при купании в моем озере, твои легкие втянули из моего воздуха, твое тело переварило пищу и тоже оставило частички живой воды... И что теперь? Ты беззащитен, словно младенец! — Старик расхохотался сравнению. Даже Кошчи улыбнулся, вспомнив золотоволосого мальчугана в каменной беседке на горе праха. — Любое невинное колдовство отзывается такими последствиями, что я уже устал смеяться...

— Весело ему, — недовольтно буркнул Хозяин. — Скажи лучше — что мне делать. Ты говоришь, что доля живой воды во мне очень мала. Но меня буквально рарывает на части!..

— От любви, — в голосе Старца мелькнули сочувственные нотки. — А теперь представь, что бы было с тобой, сделай ты хоть поток... — Кошчи вздрогнул, не в силах

представить бурю эмоций, которая обрушилась бы на него. Даже водопад, льющийся прямо с небес, казался грибным дождиком. А Старец грустно добавил: — И что бы стало с миром, попробуй ты колдовать...

— Понятно, — протянул Кошчи. Да, с силой он теперь на «вы». Вон, русалка весело подмигивает с дерева, как живое тому подтверждение... Хорошо, что живое. — Так что же мне делать?

— Я не знаю, — Слова Старца оказались для Хозяина ударом. Все-таки, он очень рассчитывал на помощь коллеги. — Точнее, не знал до сегодняшнего дня, — Поправился тот. — Удивительно, но ты сам нашел лекарство...

— Какое? — с любопытством уточнил Кошчи, ощущая огромное облегчение.

— Вода испаряется! — ответил Старец тоном, словно открывал великую тайну. Чуть помолчал, оставив Кошчи в недоумении, а потом соизволил объяснить: — Что живая вода, что мертвая... это все-таки обычная влага. И она испаряется. Но есть нюансы. Мертвая вода сама выбирает, где ей оставаться. Она может испаряться, но возвращаться обратно... как в случае с тобой... и твоей голубоглазой красоткой. А живая вода всегда стремится объединиться с источником!

— То есть, — голос Кошчи слегка дрожал. — Живая вода скоро испарится из меня?

— Насчет скоро — не знаю, — хмыкнул Старик. — Это покажет только время. Но испарится, факт! И вернется на мои плато.

— Подожди, — вдруг осенило Хозяина. — Значит ли это, что она испаряется и из насадских магов?

— Молодец! — с гордостью в голосе похвалил Старик. — Правильно мыслишь, коллега! Насадчане на чужой земле слабеют с каждой минутой.

— Значит, нужно просто подождать, пока они не обессилят, а потом прогнать из Минда! — решил Кошчи.

— Не знаю, не знаю, — засомневался Старец. — Останутся ли те, кто будет прогонять?

Рассудив, что две головы лучше, если только они не на одних плечах и не отдельно от тел, Хозяин предложил Старцу осмотреть королевство с помощью силы. Тот не преминул уколоть Кошчи шуткой на счет последствий, но тут же заверил, что вдвоем они это смогут с легкостью. Объединив мысленные взоры, они совершили полёт над захваченным королевством.

Половина моря была покрыта насадскими ладьями, тёмная полоса войск зловеще шевелилась вдоль побережья. Однако, чувствовалась какая-то разница с теми ощущениями, что испытал Хозяин, находясь в Насаде. Мысленный взор Кошчи долго витал над вражеской армией, однако, понять природы изменений так и не смог. Старец понял его с полувздоха. Они снова совершили полет над неприятелем. Идея оказалась плодотворной, напарник сразу заметил то, что ускользнуло от внимания Хозяина.

— Здесь одни насадчане, — сообщил Старец, спустя некоторое время.

— Ну и?

— Что — ну! Ты видел, сколько у них было наёмников?

— Слушай, верно! А куда же они делись? Не заметно, чтобы пролилось столько крови, что от целой армии осталась половина...

— И я крови не чувствую... Поищи причину повнимательнее, мне кажется, это что-то на твоей земле...

— А ты?

— А я, пожалуй, займусь этими мореплавателями. Надо их как-то вернуть домой, глядишь — и остальные образумятся...

Он исчез из мыслей Кошчи. Тот моргнул, снова ощущая себя во дворе Замка. Вода, льющаяся с неба, заполонила небольшое углубление рядом с дубом. Со скалы, к которой примыкал Замок, струился ручеек. Видимо, вода размывла для горного ключа новое русло. Что ж, не сразу, но Хозяин все-таки добился желаемого. Колдовской ливень сменился обыкновенным дождиком. Русалка счастливо улыбалась и махала рукой золотистым рыбкам, которые невесть откуда появились в прозрачном пруду.

Черныш вылез из убежища, решив, что худшее позади, и теперь с видом охотника наблюдал за шустрой стайкой рыб. Иногда он макал в воду лапу, но каждый раз добыча ускользала от него.

Кошчи зашел в Замок, скинул насквозь мокрую лдежду и насухо вытерся большим полотенцем. Теперь эти простые человеческие действия доставляли ему огромное удовольствие. Что ж, война это зло, но его вполне можно обуздать. А уж своему городку и его самой прекрасной жительнице он защиту обеспечит, можно не сомневаться. За несколько столетий слово Хозяина слабее не стало.

Живая вода потихоньку испаряется! Эта новость обрадовала его. Нужно разыскать Софию и все объяснить... Экспериментировать с кубом он пока не решился. А поиск Кошчи запланировал на утро, предполагая перед этим хорошо выспаться. Однако первые лучи солнца внесли в планы коррективы — в ворота громко постучали.

Снаружи все еще шел дождь. Перед воротами переминался с ноги на ногу незнакомый крестьянин. Увидев Хозяина, он удивился настолько, что, похоже, забыл, о чём хотел спросить.

— А... Мне... Эта... Молодую хозяйку бы...

— Нет их, — невежливо ответил Кошчи, спросонок недобро зыкнув на крестьянина.

Он уже отвык спать, и забыл, как неприятна неожиданная побудка. Крестьянин побледнел и покачнулся, ощутив слабость в ногах. В заспанном господине он с ужасом признал Хозяина. Тот же некоторое время с недоумением разглядывал пышнотелую деревенскую красотку, восседающую на тележке позади струхнувшего парня. В повозку был впряжён грустный ослик. Девица, не обращая внимания на остолбеневшего спутника, спрыгнула, рассыпалась в приветствиях, затараторила о погоде, планах на рыночные цены, одновременно освобождая тележку от кувшинов и мешков. Передав благодарность от крестьян за дождь, которого ждали уже несколько недель, красотка с мужицкой силой отвесила парню оплеуху, взгромоздилась обратно и отправилась восвояси, поминутно оглядываясь, хихикая и отчаянно строя Хозяину глазки. Пока тот окончательно проснулся, цокот копыт и скрип колёс уже скрылись за поворотом.

Продукты пришлось перетаскивать в Замок вручную, — Кошчи не рискнул пользоваться силой, — под бдительным наблюдением Черныша. Тот внимательно обнюхал всё, что принёс Кошчи и, кажется, остался доволен. По-хозяйски махнув хвостом, он показал Хозяину неприметную дверцу, за которой нашлась крохотная комнатка, весьма удобная для хранения продуктов. Кошчи внимательно осмотрел новое помещение: стены чулана были покрыты нетающим льдом. Кажется, он недооценивал силу Софии, а это настораживало. Кот же был вознаграждён кольцом деревенской колбасы и миской сметаны, после чего Хозяин и сам позавтракал. Впервые за очень долгое время — с аппетитом и удовольствием.

Старец вчера показал, как пользоваться объединенной силой живой и мертвой воды, поэтому проблем у Кошчи не возникло, он с легкостью взлетел в бестелесное небо, бесплотный сам. Следы пребывания наёмников обнаружили к востоку от столицы, в густых лесах, в местах практически незаселённых. Мысленному взору предстали становища, оставленные несколько дней назад и почти никаких следов схваток. Нет, он нашёл несколько свежих захоронений, причём в некоторых из них были упокоены маги, но ничто не говорило о том, что в этих местах проходили сколько-нибудь серьёзные сражения. Кошчи даже вспомнил свою битву с королевскими рыцарями несколько столетий назад, но тогда последствия побоища были скрыты его волей, с использованием Силы.

Сила! Ну надо же?! Как он мог не сообразить сразу?! Сосредоточившись на поиске следов Силы, Хозяин без труда их обнаружил... София?!!

Картина прояснилась через несколько минут внимательного обзора. Девушка, живая и красивая, совсем такая, какая привиделась ему в недавнем сне, в довольно пёстрой компании, готовилась к самому настоящему бою. Её окружали странно одетые воины, судя по внешнему виду — шатранцы, и простые деревенские парни, похоже — охотники. Судя по всему, этот странный отряд собирался вступить в схватку с немаленьким насадским войском. Кошчи не был стратегом, но представшая перед ним картина не обещала насадчанам ничего хорошего. Даже присутствие нескольких магов не давало захватчикам преимущества, ведь именно им собиралась противостоять София.

Находясь в измененном состоянии, Кошчи с легкостью видел следы Силы. Софию окружали многочисленные потоки разъяренных сил. Хозяин с досады прищёлкнул языком. Девушка слишком часто общалась с ним, слишком часто бывала в Замке, недопустимо много времени пробыла под воздействием мёртвой воды. Для того чтобы справиться с насадским магом, Силы ей хватит. Хватит ли обычных, человеческих сил, чтобы жить потом обычной жизнью? Первой мыслью было оказаться рядом... Но тут Кошчи увидел около Софии молодого шатранца. Нет, мертвая вода не поразила его — ни единого всплеска Силы Кошчи не заметил.

Зато заметил, как нежно и бережно юноша поддерживает Софию. С каким трепетом склоняется к ней и что-то рассказывает. Девушка благосклонно принимала знаки внимания принца, впрочем, без особого восторга. Ну да, он же сам приказал ей... Болезненный укол ревности неожиданно раскрыл глаза Хозяину: да, вода испаряется... И вскоре он станет вновь тем самым Кошчи, который столетиями жил в Замке. Да, он будет не так опасен, ибо Сила вновь будет подчиняться беспрекословно. Но ему уже будет все равно, поскольку жизнь исчезнет из него вместе с неприятными последствиями Силы живой воды.

Хозяин вернулся в тело, но вставать не спешил. Он прощался с последними иллюзиями. И с Софией.

София сидела под деревом, подставив лицо солнышку. Вот уже третью неделю летучая команда барона Эрга активно мешала насадским войскам вести разрушительную войну. Барон разумно оценивал силы и возможности своей немногочисленной группы, зря не рисковал, поэтому потерь среди шатранцев не было. А вот насадчане уже начали ощущать урон, наносимый тайным противником. Слабела единая магическая сеть. То тут, то там наёмные армии вдруг разворачивались и покидали поле боя, даже не начав сражения. Участие колдунов и ведьм оказывалось бесполезным, наведённое колдовство необъяснимым

образом теряло свою силу. Собственные же маги гибли один за другим.

Софию это огорчало, но что же поделать, если они все, как один, оказывались весьма несговорчивыми субъектами. Командование насадских войск, так надеявшееся на магию, вдруг осознало, что она далеко не всесильна, поэтому своими людьми предпочитало не рисковать. Вторжение заметно застопорилось, словно телега, застрявшая в грязи. Кстати, грязь появилась буквально, из-за затяжных дождей. Что само по себе, для этого времени года, было довольно странным. Но непогода не продолжается вечно, тучи, наконец, ушли, чем и воспользовался барон, дав соей команде однодневный отдых. Принц деликатно оставил Софию в одиночестве, к немалому удовольствию Белки.

Впрочем, одиночество стало ей самым близким другом. После происшествия в лесу, шатранцы стали относиться к Софии с уважением, и даже почтением... Но вот общества девушки старательно избегали. Даже стремились не касаться ее, передавая все через Циона. И лишь барон обращался к девушке напрямую, явно не одобряя суеверного поведения своих егерей. Но увы, он не мог заставить их не бояться магии, поскольку это естественная реакция. Все, что люди не могут понять, вызывает страх. И надеялся Эрг лишь на то, что шатранцы привыкнут.

Общество Циона, который проводил рядом с ней почти все свое время, тоже не приносила большого удовольствия, поскольку юноша неоднократно намекал на питаемые им нежные чувства. Ответить тем же принцу София не могла. Сейчас она была очень рада своему единственному другу — одиночеству. Поэтому девушка просто наслаждалась хорошей погодой. Даже если ты бесконечно мирный человек — армейская служба быстро приучает тебя к реалиям походной жизни. Тут научишься ценить и сон под крышей, и нормальную еду и солнечное небо над головой.

Кстати, именно еда была одним из вопросов, сильно удивляющих барона. За последние дни егеря трижды находили на своём пути схроны с провизией, замаскированные тщательно, но с прицелом на то, что опытный глаз их обязательно обнаружит. На общем совете пришлось признать, что существование летучей команды для кого-то уже не секрет, более того, её деятельность поддерживается и одобряется. Оставалось узнать — кому и как это стало известно? Однако София пока не забивала себе этим голову, просто сидела и грелась.

К реальности девушку вернуло деликатное покашливание. Приоткрыв глаза, она совсем близко увидела старика, вооружённого луком. Впрочем, оружие покоилось за спиной, да и не выглядел незнакомец опасным. Убедившись, что замечен, он снял с лысеющей головы охотничью шляпу и с достоинством поклонился:

— Доброго здоровьишка, молодая госпожа! Уж прощения просим, что побеспокоили, да только поговорить хочется с вашими спутниками. А уж коли та девица (старик указал в сторону, где на дереве слегка шевельнулись ветви), да те два молодца (в кустах раздался лёгкий шорох) арбалетки свои опустят, и вовсе ладно будет! Оружие доброе, уж я то понимаю, да и в деле видеть сподобился, вмиг старого Гунделя стрелками утыкают, что твой ёж буду!..

Никто не мог понять — как смог столь незаметно появиться старик? За последние дни София твёрдо уверовала, что по части скрытности шатранским егерям равных нет. Похоже, для барона это тоже явилось открытием, во всяком случае, взгляд, брошенный им на дозорных, ничего хорошего не обещал. Однако старик Гундель заметил и это, и поспешил Эрга успокоить:

— Вы, ваша милость, людей-то своих не браните, охотнички из них справные! Да

только и мы не первый день по лесам гуляем, а уж в своих-то местах мимо никого не пропустим. Дозволите ли словечком с вами перекинуться? Пока тут тихо, вражина неблизко, а потолковать ох как есть о чём!

Старый Гундель оказался охотником. Причем, самым обычным, деревенским. Однако, прослышав о начавшейся войне, отсиживаться на месте не стал, а сколотил фактически партизанский отряд. Сейчас под его началом собралось до полутора сотен молодых парней, в основном из дальних деревень, куда ещё не добрались королевские рекрутёры. Все охотники, то есть люди, знающие не только каким концом стрелу к тетиве прикладывать, но и куда та стрела полететь должна. Вместе со своими помощниками старик наблюдал несколько поединков летучей команды с наёмниками и сделал единственно правильный вывод — объединить усилия. Переглянувшись с принцем, барон ответил согласием.

С первых же слов стало ясно, что помощь охотники окажут неоценимую. Оказалось, что за прошедшие полмесяца летучая команда разогнала практически всех наёмников, наступавших в этом направлении. Основное войско насадчан ещё не знало, что осталось без поддержки. Следовательно, разгромив остатки захватчиков здесь, можно было обезопасить королевскую армию от удара во фланг.

Эрг не без удивления признал в старом охотнике крепкого стратега. Оба командира, обсудив детали, сошлись на мысли, что неплохо бы оповестить о неожиданной помощи королевских генералов. Правда, Циоан настоял на том, чтобы участие шатранцев в боях осталось тайной, да и об участии Софии распространяться не стоило. Дело оставалось за малым — выманить противника на бой, да не абы куда, а в место, специально подобранное и тщательно подготовленное.

Хитро подмигнув, Гундель заверил, что подобная поляна в этих местах имеется, и двадцатка его помощников ставят там сейчас ловушки отнюдь не на кроликов. Не забыли и о Софии. Уж коль скоро её слава и до Шатры добралась, охотник не стал притворяться, что имя Девы-Ягодки ему незнакомо. На сей раз, её задача было куда как сложнее. Девушке противостояли трое магов, два горских колдуна и шаман с Восточных островов, невесть как оказавшийся у насадчан. В помощь молодой госпоже Гундель предложил своего внука. Судьба, казалось бы, обидела мальчонку, тот был слеп от рождения, однако и наградила его изрядно, внутренним зрением — иначе назвать способности мальчика было нельзя. И хотя Софии совсем не хотелось рисковать, ребёнок и война — вещи несовместимые, она понимала, что помощь в противостоянии шести противникам может оказаться бесценной.

XX

Кошчи задумчиво наблюдал за шустрыми рыбками, шныряющими в небольшом прудике. Черныш на противоположном берегу тоже не отрывал заинтересованного взгляда от воды. Время от времени он трогал лапкой поверхность воды, но тут же отдергивал. Русалка на дереве ревниво наблюдала за ним и беспрестанно облизывалась. Хозяин заподозрил, что девушка еще та хищница. Чтобы проверить это, он приказал коту поймать рыбку и отнести по цепи русалке. Черныш, с утра объевшийся сметаны, неохотно подцепил рыбешку и направился было к дереву, как рыба в его зубах вдруг молчит голосом человеческим:

— Не ешь меня, я тебе еще пригожусь...

Кот от неожиданности выронил добычу, зашипел и залез на цепь.

— А еще ведьминский кот, — пожурил Черныша Хозяин. Посмотрел на рыбу, трепыхающуюся у его ног. — Чего испугался? Словно говорящая рыба тебя съест...

— Здесь всякое может случиться, — недовольно буркнул Черныш, поднимаясь еще на

ВИТОК.

А Кошчи присел на корточки и ткнул золотой бок.

— Ну, поведай — чем же ты можешь пригодиться.

— Я буду звать тебя, когда вода будет говорить, — загадочно пропела рыба.

— Вода говорить? — удивился Кошчи и оглянулся на Черныша: — Может, это заразно?

Сперва ты заговорил, потом рыбы, теперь вода...

— Не заразно, — фыркнул кот и кивнул на русалку: — Эта же молчит!

— Может, ей сказать нечего, — качнул головой Хозяин и тут же щелкнул пальцами: —

Вот оно что!

Черныш прижался к ветке, русалка икнула и поджала хвост. Но искра, сорвавшаяся с пальцев Кошчи, попала не в них. Рыба, лежащая у ног Хозяина, вытаращила глаза, засветилась изнутри и начала медленно расплываться, словно болотная жижа. Постепенно золотистый оттенок пропал, переливаясь в мутную зелень. Чешуйки превратились в лохмотья, похожие на сгнивший еловый лапник. Жабры вспухли, надулись, и вскоре Кошчи изумленно смотрел на зеленые уши странного существа, свернувшегося калачиком у его ног.

— Леший! — истерично взвизгнул кот и забрался еще выше. Русалка же улыбнулась и игриво распушила волосы.

— Леший? — Хозяин озадаченно покачал головой. — Ну что же, это хорошо, что ты знаешь нашего гостя. — Пнул ногой существо, но в ответ услышал лишь богатырский храп. — Значит, покажешь ему, где выход... когда проснется. — Оглянулся на пруд и добавил: — Мне кажется, я догадываюсь — о чем толковала золотая рыбка.

Скинув деревенскую рубаху и заморские брюки, Кошчи спешно нырнул в воду.

— Да, — прошелестел в ушах знакомый голос. — Как же трудно до тебя докричаться...

Главнокомандующий войсками королевства Минд состоял из одних недостатков. Что хорошего можно сказать об армии, во главе которой стоит всего-навсего генерал, к тому же полевой? Что можно сказать о генерале, который не может похвастаться ни знатностью, ни древностью рода? Наконец, если этот генерал успешно воюет там, где терпели поражения его кадровые предшественники — не пощёчина ли это всему Миндскому войску? Впрочем, штабные чиновники были не лишены здравого смысла и амбиций. Если командовать некому, пусть будет этот. Тем более сейчас, когда нет ни короля, ни наследников. А если даст Создатель, и война не будет проиграна, то, представив удачливого выскочку народным героем-освободителем, на его плечах можно будет легко подняться к вершинам власти и даже основать новую династию. Вполне подходящую для того, чтобы греться в лучах её могущества до конца своих дней. Так думали военные и штатские, представлявшие Главный штаб Королевских войск, но подобные измышления никогда не приходили в голову полковому генералу Айселю. Молодой человек, бросивший все дела и с первых дней войны завербовавшийся в армию, никогда не помышлял о военной карьере. Они с братом рассуждали просто и приземленно — раз идёт война, родину надо защищать. Но не что-то общее, возвышенное, а вполне простые, бытовые вещи. Братья Айсели защищали родной Арлейн, в котором прошло их детство, городское кладбище, где нашли последний приют их предки, тётушку, сестру — всё, что нормальные люди называют одним этим словом — Родина.

Риго, младшему брату, не повезло. Смерть настигла в одном из боёв в самом начале войны, у безвестной рыбацкой деревушки на побережье. Как на грех, старшего брата рядом

не оказалось...

Потеряв самого близкого человека Дан Айсель не ожесточился и не озлобился. К войне он относился, как к ремеслу, страшному, но необходимому, которое тоже надо кому-то исполнять. Первые шаги по карьерной лестнице будущий командующий сделал, когда командиры заметили умелого и толкового бойца. Так Дан стал капралом. Остальные ступеньки подставляла война. Заменяв раненого ротмистра, Айсель командовал прикрытием отступающих частей, за что был произведён в полевые лейтенанты. Участвуя в обороне столицы, он сумел убедить пару штабных офицеров в необходимости пересмотра плана действий обороняющихся. Это отметил старый командующий и в благодарность произвел Дана в полевые майоры. Ещё несколько месяцев — и Главный штаб был поставлен перед фактом, что единственная кандидатура на пост главнокомандующего — Дан Айсель, полевой генерал, в настоящее время воюющий где-то под Арлейном.

Генерал вышагивал из угла в угол и размышлял. Перед ним стояла нелёгкая задача. Боевые действия растянулись на много миль вдоль побережья и для полноценной обороны элементарно не хватало войск. Рекрутский лагерь в окрестностях города полноценной боевой единицей считаться, разумеется, не мог. Надежда была только на боевой дух, на слухи о снижении колдовской активности насадских магов и на чудо. Командующий вздохнул и, не вызывая ординарца, к которому так и не привык, начал собираться. По неизбывной привычке он решил руководить обороной непосредственно на позициях.

Там его, разумеется, не ждали. Более того, незначительный отряд регулярной королевской армии и кое-как организованные рекруты вовсе не готовились к обороне — они нападали! Немалых трудов стоило найти хоть кого-то, владеющего информацией, а когда удалось — новости заставили главнокомандующего озадаченно почесать затылок.

Атаку насадчан ждали поздним утром, успокоенные первыми успехами, те предпочитали воевать в комфортных условиях. Однако, уже на рассвете передовые дозоры доложили, что на фланге насадского войска слышен шум битвы. Самое удивительное, что битву не сопровождали звуки выстрелов, неведомый противник бился с их врагом его же средствами, не используя огнестрельного оружия. Вторая новость удивила всех ещё больше — бездействовали хваленые насадские маги! Ветераны, бывало, с суеверным страхом рассказывали сослуживцам о колдовских дымах, о магическом огне и прочих ужасах. Сейчас же ничего этого не было и в помине!

Как сообщили командующему, молодой капитан, руководивший рекрутским лагерем, не стал дожидаться приказов сверху и поднял своих подопечных в атаку. Чуть запоздав, к ним присоединились бойцы королевских войск. Миндцы, в отличие от своего врага, от использования пушек и мушкетов отказываться не собирались.

К тому времени, когда генерал Дан Айсель со своей немногочисленной свитой наконец добрался до поля боя, сражение уже практически закончилось. С минимальными потерями со своей стороны войска Минда наголову разбили противостоящие части Насада, численностью превышавшие их собственные в несколько раз. Главнокомандующему стоило немалых трудов уговорить разгорячённого капитана Орверо не продолжать преследование разбитого противника, а закрепиться на захваченных рубежах и провести глубокую разведку, дабы полученный успех не вышел случайным и единственным. Самым верным средством для охлаждения пыла молодого офицера оказалось представление его к новому званию. Слова и действия новоиспечённого полковника сразу приобрели подобающую чину солидность и значительность, не потеряв, впрочем, азарта и радости, принесённых победой. И первым

делом полковник представил командующему своих неожиданных помощников, которыми сам только-только успел познакомиться.

Пройдя полем, где недавно кипела битва, и ещё не были убраны трупы, группа офицеров вышла к импровизированной стоянке. Заметив незнакомого командира, там все встали, причём Айсель обратил внимание, что не видит перед собой ни одного военного.

— Господин главнокомандующий, представляю вам организаторов боя — партизанский отряд охотника Гунделя!

Стоявший впереди старик с перевязанной головой поклонился, не выпуская из рук крепкого охотничьего лука.

— Совместно с охотниками в разгроме врага принимала участие группа шатранских воинов, — продолжил Орверо, указывая на стоящих особняком людей в странных одеяниях.

От группы отделился юноша, он вытянулся перед Айселем и отрапортовал:

— Господин главнокомандующий! Летучая команда отдельного егерского полка армии Её Величества королевы Шатры. От имени Её Величества уполномочена вести боевые действия против Насада на территории дружественного королевства Минд. Полномочный представитель Её Величества — принц Циоан, третий наследник престола!

— Ваше Высочество... — растерянно поклонился было генерал, но принц перебил его:

— В составе летучей команды я — старший капрал. Командует группой полковник Эрг.

Барон вышел вперёд и обменялся с генералом воинскими приветствиями. А из-за спины барона выскочил кто-то пятнистый и с воплем: «Да-а-ан!!!..» повис на шее у Айселя.

— Сестрёнка!.. — только и смог вымолвить тот, когда София разомкнула свои объятия.

Капельки кристально-чистой воды играли с пузырьками воздуха. Вихрь их танца открывал взору Кошчи некое подобие портрета Старца. Хозяин улыбнулся и кивнул старому знакомому:

— Все-таки, здорово придумано! И очень удобно — говорящие рыбы.

— Не приписывай мне чужие заслуги, — поморщилось видение. — Рыбы заговорили только благодаря тебе... Точнее, твоей страстной охоте общения. С капелькой живой воды в тебе проснулась жажда жизни. Вот и раздаешь направо и налево дар человеческой речи... Хотя, по моему мнению, гораздо проще было бы поговорить с тем самым человеком, голос которого ты так хочешь услышать...

Кошчи сжал зубы. Старец с первой встречи с пугающей легкостью читал его сердце. Непривычное чувство незащищенности нервировало. Конечно, глупо прятать что-то от единственного существа, которое может его понять. Но одно дело поведать самому о переживаниях, а совсем другое — когда тебя читают, словно старую книгу, растрепанную на листы.

— Тебе неприятно, — удивился собеседник. — Ты же так стремился к жизни... так привыкай к простым человеческим эмоциям.

— Зачем? — Лицо Кошчи исказилось в гримасе. — Живая вода испаряется, я скоро снова стану бесчувственным камнем!

— Не уверен, — прошелестело в ушах.

Кошчи нахмурился: Старик всегда говорил загадками, пробуждая еще большее любопытство. В другое время Хозяин был бы только рад, но сейчас нестабильные силы внутри него влияли и на настроение, которое менялось чуть ли не каждую минуту.

— Я наблюдал за тобой, — видение исказилось, словно Старик на плато слегка

сдвинулся с места, а колдовство неохотно повторяло это движение. — И за той, что несет в себе частичку Смерти. Похоже, я ошибался. Вода не испаряется... Я так решил, почуяв, что воды в Источнике прибывает. Но оказалось, что это девушка... она будто освобождает Силу из тел насадчан, и она возвращается на Кудыкину гору...

— Как же ты мог так ошибиться, — разочарованно молвил Кошчи. — Жил столько столетий... скорее, даже тысячелетий, раз видел, как умирают многочисленные пленники мертвой воды до меня. И не узнал возможностей своей Силы...

— Мне не представлялась такая возможность, — Старик хитро ухмыльнулся в бороду. — До сих пор люди сторожили мертвую Силу, не пытаясь ею овладеть. А живая вода изначально призвана дарить Силу. Те, кто получал ее, постепенно слабели — год за годом. Вот я и предположил, что вода испаряется. Возможно, что использование Силы не бесконечно... Это еще предстоит выяснить. Но, в любом случае, тебя это не касается. Такое ощущение, что ты разделился на две части. В одной, большей, живет мертвая сила. В другой, мизерной, — но от этого не менее сильной, — живет та крошечная капелька, что проникла в тебя на моем плато. И ты потихоньку учишься взаимодействию этих сил. Это странно, но весьма увлекательно... со стороны.

— Да уж, — мрачно буркнул Кошчи. — То-то я себя ощущаю, словно червяк в руках мага-недоучки.

— Он недоволен, — расхохотался Старик: видение рассыпалось на множество крошечных пузырьков, а потом медленно сложилось вновь, словно искусная мозаика. — Радоваться надо! Ты так мечтал вновь стать живым... И, как ни странно, приняв капельку живой воды, стал им! Вопреки всему, тебя не разорвало на тысячу маленьких человечков, и даже мир остался цел...

— Вот именно! — воскликнул Хозяин. — Все, что ты говорил, все оказалось лишь пустыми угрозами... так, сотрясение воздуха! Может, если бы я выпил живой воды, то сейчас бы жил в свое удовольствие...

— Да, — Старик печально покачал головой. — Ты теперь почти человек. И даже, как большинство из них, помнишь лишь то, что тебе удобно помнить... А ты обрати свой внутренний взор в момент своего первого колдовства. И представь последствия, если бы Сила увеличилась... ну, хотя бы в десять раз! Тебе повезло! Но это не значит, что будет везти и дальше... Как и той девушке, что несет на себе груз капли мертвой воды... и твоей тяжелой страсти.

Хозяин вздрогнул и беспокойно огляделся. Видение лица исчезло. Неужели, разговор закончен? Что значит — не будет везти дальше? Страх за Софию сковал виска. Но в это же время робкая надежда скользнула в сердце, словно изгнанный на улицу кот — тихо и незаметно. Колющая боль мгновенно предательски выдала ее. Если живая вода останется при нем навсегда, то он сможет хотя бы попытаться ухватить счастье за хвостик. Да, девушке нельзя возвращаться, но они вместе найдут выход... ведь это действительно везение: он не потеряет способность любить.

И все же: что имел в виду Старец? Кошчи подождал еще немного, но тот больше не отзывался. Вынырнув на поверхность, Хозяин мрачно глянул на кота. Тот в страхе сжался.

— Сиди здесь, — приказал Кошчи тоном, не терпящим возражений. — Если какая рыба пикнет — сразу ко мне!

Черныш прижал уши. Лицо Хозяина было мрачнее тучи. И даже саркастичный кот сейчас не рискнул бы произнести хоть слово поперек воли Кошчи. Человек тяжелыми

шагами двинулся в Замок. Не обращая внимания на воду, щекошливыми ручейками стекающую по коже с мокрой одежды, толкнул каменную дверь. Замок вздрогнул, словно старый пес, почуявший гнев хозяина.

День перевалил за середину. Эйфория первой победы поутихла, пришло время военной рутины. Похоронные команды собрали и закопали трупы врагов, тела соотечественников были преданы торжественному захоронению с отдаением всех воинских почестей. Военные лекари с кучей добровольных помощников обиходили раненых, солдаты, получившие тяжёлые увечья были отправлены в тыл. Командующий лично проследил, чтобы все — от рекрута до офицера — получили достойный уход. Трофейные бригады уже прошлись по окрестностям и теперь сортировали добычу. Командиры без лишних напоминаний расставили караулы, выслали дозоры — сделали всё, что полагается в боевых условиях, ведь надеяться на то, что следующий бой будет столь же удачен — заранее его проиграть.

София, то сидела в палатке Айсея, то вновь сбегала к своим шатранцам. Такой возбуждённой девушку никто никогда не видел. Мрачная Белка неустанно следовала за ней, поскольку свой приказ барон пока ещё не отменил. Циоан потихоньку страдал. Хотя молодой генерал оказался всего-навсего двоюродным братом Софии, сердце влюблённого во всё находило повод для ревности. А сама София уже успела и оплакать бедного Ригу, и поведать брату о гибели тётушки, и рассказать о своих злоключениях. Только по её словам выходило, что во всё приключившемся виновата она одна, упомянуть о хозяине к слову не пришлось.

После полудня курьер главного штаба доставил Айселю депешу государственной важности и несколько частных донесений. Командующий прочитал все послания, задумчиво почесал переносицу и попросил адъютанта пригласить к нему принца Циоана. Тот пришёл в компании с бароном Эргом, но Айсель вежливо попросил полковника покинуть их, сославшись на вопросы королевской важности.

Оставшись наедине с принцем, генерал молча протянул ему послание главного штаба.

Принц читал, и брови его поднимались всё выше и выше. Речь шла, не менее как о международном договоре. Чиновники главного штаба сообщали о манифесте шатранской королевы. Её Величество открыто заявляла о поддержке дружественного королевства Минд и начале совместных боевых действий против Насада. Там же говорилось о назначении третьего наследника престола принца Циоана Верховным главнокомандующим подразделений Шатры, ведущих боевые действия.

Принц вздохнул и глянул на Айсея:

— Теперь мы равны, сударь, можете не беспокоиться оказанием мне королевских почестей. Мы на войне, и что приятно — по одну сторону.

— Так, сударь, — кивнул генерал, — Поэтому я имею полное право ознакомить вас ещё с некоторыми документами.

Циоан взял следующую бумагу. В ней говорилось, что с момента объявления королевского манифеста военный флот Шатры приступил к боевым действиям и, несмотря на численное превосходство противника, активно топит и сжигает насадские ладьи. Отдельным пунктом в донесении сообщалось, что со стороны насадчан практически отсутствует магическая поддержка. Эти слова Айсель отчеркнул ногтем и посмотрел на принца. Тот по-мальчишески ухмыльнулся и рассказал генералу историю Софии и своего с ней знакомства, не скрыв и того, о чём девушка брату ещё не поведала. По словам Циоана

выходило, что нейтрализация насадской магии на море, это тоже дело рук Софии.

Услышав это, генерал Айсель задумался надолго. Продолжительное молчание несколько удивило принца, но он терпеливо дожидался продолжения разговора, догадываясь, что на этом их диалог ещё не закончен. Наконец, Дан принял какое-то решение и придвинул к Циоану ещё одно послание. В нём неизвестный корреспондент сообщал о документах, найденных в святой святых — Секретном Архиве Тайной канцелярии королевского двора. Документы являлись донесениями секретных агентов канцелярии, не менее полутора десятков лет давности. В одном сообщалось, что некая Мирина, бывшая служанка при дворе короля Руиса, разрешилась от бремени девочкой и скончалась, не перенеся тяжести родов. Во втором — что младенец женского пола, оставшийся сиротой после смерти особы, известной получателю донесения, подброшен к дверям дома, где проживает семейство городского архивариуса, обнаружен хозяевами и оставлен в семье, так что дальнейшая жизнь упомянутого младенца беспокойства не вызывает.

Принц перечитал бумаги дважды, вернул их генералу и предположил:

— Если сложить два и два, то речь идёт о том, что у королевства Минд нашёлся наследник престола по крови?

— Именно, — кивнул Дан, — А если добавить ещё один, то станет ясно, что в семье городского архивариуса воспитывалась особа, хорошо вам известная — наша София. Ничего, что я говорю — наша? Мне кажется, моя сестра небезразлична Вашему Высочеству?

— Ничего себе!.. — только теперь Циоан сообразил о чём идёт речь, — А она сама об этом знает?

Генерал покачал головой.

— Об этом знают три человека — мой агент в Тайной канцелярии, вы и я. Пока продолжается война — многое зависит от нас с вами. А с этими новостями — многое будет зависеть и после войны. Давайте подумаем вместе — как можно распорядиться этим знанием?

Циоан некоторое время молчал, информация генерала Айселя требовала глубокого осмысления. А Дан, тем временем, продолжал ходить по палатке и прикидывать — как лучше воспользоваться сложившейся ситуацией. Нельзя сказать, что он искал личную выгоду для себя, генерал не грешил излишним честолюбием, гораздо важнее было то, что открывшаяся истина могла помочь ему в реализации своих непосредственных обязанностей, как главнокомандующего. И нужно было грамотно воспользоваться тем, что есть, чтобы потом, по окончании войны, не потерять достигнутого. Генерал прекрасно понимал, что стоит отгреть последнему залпу, как в том же Главном штабе выстроится очередь из желающих приписать все заслуги себе. Судьба давала шанс, и глупо было им не воспользоваться.

— Мне более чем небезразлична София, — Циоан нарушил тишину первым, — Я был готов связать наши судьбы раньше, готов и сейчас, генерал, просить у вас, как единственного родственника, её руки, но есть некоторая проблема. Боюсь, девушка не испытывает ко мне ответных чувств...

— Принц, — перебил его Айсель, — Я, как никто другой желаю счастья своей сестре. Но обстоятельства, открывшиеся нам сегодня, заставляют жертвовать многим. Я поговорю с Софией, надеюсь, она поймёт, что проблемы государства иногда встают выше личных. К тому же, простите мне эту грубую правду, третий наследник одного престола, не самая худшая партия для незаконнорожденной наследницы другого. Мы на войне, принц, и

позвольте мне называть вещи своими именами — вам не светит трон у себя на родине, мне предстоит приложить неимоверные усилия, чтобы доказать право моей сестры на королевство. Но, если вы, как сложившаяся пара, станете героями этой войны, ваше право на трон Минда осмелиться оспаривать только законченный самоубийца.

— Я согласен, — осторожно выговорил Циоан, — Но мне кажется, последнее должно остаться за Софией...

— Это я беру на себя! — Дан присел напротив принца, — Рад, что вы поняли меня. Разговор с сестрой мы оставим на вечер, а о манифесте Её Величества вашей матушки думаю, надо сообщить незамедлительно.

Айсель встал, подошёл к выходу из палатки:

— Адъютант! Велите трубить общий сбор и построение!

Генерал рассчитал правильно, не став вываливать на подчинённых полную бочку новостей. Сотрудничество с Шатрой и представление главнокомандующего союзной армией было и так принято «на ура». Уже после построения Циоан в частном порядке договорился с бароном Эргом о своём новом статусе, а так же, с разрешения Айселя, отрядил ему под командование охотников Гунделя, о чём те, говоря к слову, и сами просили. За несколько недель совместных боёв партизаны довольно близко сошлись с шатранскими егерями и не видели ничего зазорного в том, чтобы воевать под началом чужестранца. Софию Дан забрал к себе, поэтому Белка, наконец, освободилась от дополнительных обязанностей. Нельзя сказать, чтобы это сильно её обрадовало, ведь вслед за бывшей подопечной в ставку генерала ушёл и Циоан.

Серьёзный разговор состоялся вечером. Приняв меры, чтобы вокруг даже случайно не оказалось лишних ушей, Дан пригласил к себе сестру и принца.

Нельзя сказать, чтобы девушка не интересовалась своим происхождением, детство, проведённое в семействе архивариуса, убедило её в том, что старинные бумаги могут дать ответ на любой вопрос, главное — поставить его правильно, а всё остальное зависит от терпения, усидчивости и внимательности. К сожалению, доступа в городской архив у неё не было, работу на дом архивариус брал нечасто, а робкие попытки напроситься в помощницы, встретили мягкий, но решительный отказ. Старик Квалш был убеждён, что архивное дело никоим образом не подходит юным девицам.

Постепенно и детские мечты о том, что когда-нибудь её тайна раскроется, и чудесный принц увезёт девочку в волшебную страну, подёрнулись дымкой серых будней, а потом и вовсе забылись. Жизнь оказалось совсем не такой, как в детских сказках.

Так продолжалось до тех пор, пока девушка, в последнем романтическом порыве, не решила отдать себя в жертву Хозяину. С тех пор линия её судьбы круто повернула, в жизни появились и волшебство, и прекрасный... ну, скажем, не самый плохой, но зато самый настоящий принц! Более того, София вдруг осознала, что давно уже воспринимает все произошедшие с ней перемены как должное, совершенно не сравнивая себя нынешнюю с собой прошлой! Поэтому, на осторожное сообщение брата о том, что, похоже, раскрыта тайна её появления на свет и девушку ожидает огромный сюрприз, София отреагировала лишь поднятием одной брови, долженствующим изображать вежливое любопытство. Конечно, она знала — он хочет сообщить ей то, о чем Кошчи уже поведал девушке в сладком и одновременно мучительном сне.

Известие о своём происхождении она восприняла совершенно спокойно, поскольку понимала — никто не должен знать о ее тайных снах. Даже ее родной брат, пусть даже по

бумагам это уже не так. Дан же нетерпеливо ожидал реакции сестры. Та тяжело вздохнула и грустно промолвила:

— Бедная мама... Наверное, она очень любила нашего короля...

— София, — нерешительно прервал её брат, — Сейчас всё гораздо серьезнее, чем можно подумать. Мы хотели...

— Я понимаю, братец, — кивнула девушка и печально улыбнулась, вспоминая лицо Кошчи и холодное «Мне ты не нужна», — Идёт война, в стране нет короля, некому служить знаменем... Вы хотите, чтобы эту роль выполнила я? Но... боюсь, немногие захотят видеть во главе королевства незаконнорожденную сироту...

— Сестрёнка! — генерал вскочил и возбуждённо зашагал по палатке, — Мы хотим, чтобы нашим знаменем стала народная героиня королевской крови! Поверь — когда идёт война, это звание стоит куда как дороже прочих! Когда мы победим, а теперь я в этом не сомневаюсь, твой статус заткнёт рот любому, кто осмелится блять о чистоте крови! А уж вместе с принцем Циоаном!..

— Минуточку! — девушка остановила не в меру разошедшегося командующего, — А при чём тут принц?

— София... — тут генерал смутился и вмиг потерял горячность и пафос, — Мы подумали... Это очень удобный шанс восстановить королевскую династию Минда и породнить её с королевским домом Шатры.

— Ах, да, — девушка прикрыла рукой глаза.

Из-под век скользнула одинокая слезинка. Война правит родными землями, сокрушая Минд. Тот, кто бесконечно дорог, отталкивает ее. И нельзя возвращаться. Возможно, в замке ожидает смерть. Хозяин действует руками своей добровольной жертвы. Сила Кошчи течет через ее тело. Что ж, она согласна быть рядом с Циоаном, согласна стать принцессой... и даже королевой. Но стать женой нелюбимого... лучше она вернется в Замок. Пусть смерть! Пусть боль! Пусть в глазах Хозяина лишь пустота и ледяная стужа! Она умрет у его ног... но перед смертью вырвет свое страдающее сердце, скажет, наконец, все, что чувствует. И первое, что Кошчи услышит — она не игрушка, которую он может подарить другому!

— Ни за что!!! — София вскочила и, опрокинув походный столик, с вызовом посмотрела на мужчин.

Ясные глаза метали почти осязаемые молнии. В абсолютно чистом небе грянул гром. Палатку мгновенно сорвало порывом бури. Вихри воздуха играли с разметавшимися волосами девушки. Завораживающей пляске природы никто не удивился — сила девушки росла с каждым днем.

— Но, сестрёнка... — робко попытался возразить Айсель, с беспокойством поглядывая на чернеющее небо. Та не прореагировала, от Софии сейчас можно было спички зажигать.

— Ты в своём уме, Дан Айсель? Ты что, не заметил, что я уже не та девочка, которую ты видел в свой последний визит? Я взрослый человек, и жизнь свою давно уже устраиваю сама! И мужем мне будет тот, кого выберу себе я!

Хлынул дождь. Дан нахмурился и сурово посмотрел на сестру:

— Так выбери принца Циоана! — рявкнул он, отбросив родственные чувства, — В иное время я первый поддержал бы тебя, но сейчас война! Я тоже, если помнишь, не собирался служить в армии, но теперь, когда нет другого выхода, командую войсками целого королевства и не ропщу!

Как бы агрессивно не была настроена София, авторитет брата сыграл с ней недобрую

шутку. С самого детства действовало железное правило — Дан и Риго разрешали сестре всё, уступали ей во всех играх, но слово старшего брата никогда не обсуждалось. Если всегда добрый и уступчивый Дан говорил «нет» — это могло означать только «нет» и ничего другого. В своей непреклонности в эту минуту брат был так похож на Кошчи, что вся ярость мгновенно улетучилась. «Мне ты не нужна», — звучало в голове.

София беспомощно оглянулась. Растерянный Циоан переминался с ноги на ногу, пока не зная — что сказать. Глаза девушки наполнились слезами.

— Дан, — прошептала она, — Но так нельзя, это нечестно. Я... Циоан хороший правда... Но я... Я люблю другого...

— Принцесса София...

Все оглянулись на Циоана. Юноша был бледен, но голос его был твёрд, как у человека, принявшего важное решение. Не сразу Дан понял, что принц впервые обратился к его сестре, официально признавая высокое происхождение. А тот продолжал, хотя было видно, что решение далось ему нелегко:

— Ваше Высочество! Позвольте говорить с вами, как того требуют обстоятельства. Вокруг нас теперь не обычная жизнь, это война и политика. Августейшие особы вовсе не так вольны в своих действиях, как это может показаться со стороны. Я с уважением отношусь к вашему выбору, но поверьте, для вашего государства предложение командующего является спасительным. Мне ведома ваша сила, но только во взаимодействии её с армией можно разгромить врага. А армии необходимы и знамя, и герой, и помощники. Я не прошу вашей руки и не надеюсь на место в вашем сердце. Но для общего блага — дайте своё согласие представить меня вашим женихом. Это не наложит на вас никаких обязательств и, клянусь — вы никогда не обвините меня в злоупотреблении вашим доверием! Поверьте, что это сейчас необходимо и вашей и моей стране!

— Оставьте меня, — глухо проговорила София, закрыв лицо руками, — Я дам свой ответ... утром...

Ей хотелось убежать, спрятаться. А лучше — уткнуться личиком в жесткую ткань костюма Хозяина. Пожаловаться на несправедливость. Сердце неприятно саднило: Циоан был готов терпеть ее холодность, лишь бы быть рядом. Совсем как она... только она была готова даже умереть, лишь бы Кошчи разрешил ей сделать это у его ног. Боль в глазах юноши была так похожа на ту, что она каждый день видела в маленьком зеркальце. Нечто несказуемое соединило шатранского принца и незаконнорожденную наследницу миндской короны крепче, чем брачные узы. Как бы не рвалось ее измученное сердечко в горы, где возвышался замок Хозяина, она все равно останется рядом с Циоаном.

XXI

Круглая комната с зеркалом мира посередине встретила Хозяина привычной безразличной холодностью. Зарычав, Кошчи стукнул кулаком по стеклу, где при его приближении снова заструились потоки железных коробок, замигали разноцветные огни неизвестных слов...

— Повинуйся! — вскричал он, сам пугаясь дикой ярости, охватившей все тело. — Проклятая стекляшка! Покажи мне ее!

Но куб лишь подернулся тихой рябью. Зато под ногами ощутимо задрожал каменный пол. Это Замок радостно приветствует Хозяина. Да, древние пещеры помнят его гнев. Тот, прошлый, когда человек еще был жив...

— Вода, — сквозь зубы прошипел Кошчи, внимательно рассматривая свои ладони. —

Живая вода. Где ты? Почему ты даришь мне лишь осколки той жизни, которую могла бы дать? Острые, колючие, они разрывают меня на части, постоянно причиняют дикую боль. Сила буквально бурлит, не находя выхода. Эмоции... людские эмоции, словно дурно пахнувший сор, забивают протоки, превращаются в непроходимые плотины. И когда, наконец, Сила пробивает эти засоры, она сметает с пути все! Взаимодействие... я не ощущаю, что Силы мне подвластны!

Зеркало стало прозрачным, словно невыплаканные слезы отчаяния Кошчи. Оно как будто даже сочувствовало Хозяину в его боли, пыталось хоть как-то помочь... но не могло. В конце концов, это лишь стекло. А волшебство в него вдыхал сам Хозяин.

— Как быть? — Кошчи прислонился разгоряченным лбом к ледяному стеклу. — Отмести сомнения и лететь к ней? Призовут ли те, кто поместил меня сюда другого пленника... или этот удел навеки теперь мой? Смогу ли я навсегда покинуть Замок? Я слеп и глух... зря я корил Старика. Я вижу не дальше, чем он. И могу лишь предполагать последствия своих поступков... сейчас, когда во мне бурлит жизнь.

Хозяин горько улыбнулся:

— Жизнь... оказалось, что это лишь вихрь противоречивых эмоций, которые мутят воду бытия! Я ничего больше не вижу!

Он с ненавистью устремил взгляд на стекло, которое постепенно снова приобретало матовость. Еще миг, и оно отражает его лицо, искаженное слепой яростью. Кошчи закричал в гневе и ударил кулаком в свое отражение.

Кулак вошел в стекло так, словно Кошчи погрузил руку в вязкую субстанцию. В голове раздался множественный шепот, словно каждая крупинка песка, из которого некогда он и сотворил волшебное зеркало мира, пыталась что-то сообщить ему. Нечто важное, сокровенное, нужное, тайное...

По руке скользнуло легкое облачко, оседая на коже зеркальными пластинками. Постепенно они охватывали все большую поверхность. Кошчи дернулся, пытаясь вытащить увязший кулак, но тот даже не двинулся. Пластинки уже чуть царапали кожу лица.

На глаза легли прозрачные льдинки. Свет, исходящий от стен, постепенно мерк, уступая место полумраку ночи. Кошчи ощутил, что рука освободилась, хотя не осознал момент, когда зеркало отпустило его. Он шагнул, простер руки вперед. Странно, Хозяин всегда прекрасно видел в темноте, даже самый жуткий мрак ничего не мог скрыть от пытливого взгляда. И даже капля живой воды, скрывающее от него будущее, не могла замутить видимость настоящего. Сейчас же он ощущал себя, словно обычный человек, оказавшийся поздней ночью в темном помещении. На что-то натыкаясь, он шарил руками, пытаясь найти хоть что-то знакомое. Продвигаясь на ощупь, Кошчи осторожно продвигался вперед. Стол. Ага, свеча... значит, рядом должны быть спички.

Щелк. Шипение рассерженного трением огня, потрескивание чуть отсыревшего фитиля. Светлое пятно еще больше сгустило мрак ночи. Глазам доступен лишь стол и угол кровати. Хозяин взял свечу и сделал шаг. На постели сидела девушка. Мешковатая одежда не скрывала нежной хрупкости, распущенные волосы струились по плечам и падали на лицо. Незнакомка откинула водопад волос, сверкнувший золотом в неровном свете свечи. София! Под глазами залегли тени, поджатые губы отливали синевой. Она явно не рада его видеть. Хозяин вздрогнул: он никогда не виде девушку такой... враждебной.

— Это ты, — София устало вздохнула и протерла глаза. — Пойми... ты был мне другом. Возможно, самым близким и дорогим. И я благодарна, что ты поддержал меня в самые

тяжкие времена. Я многим тебе обязана. Но я не могу. Просто не могу! Я люблю другого.

Кошчи недоверчиво качнул головой и отступил на шаг. Он ошибался! Как же он мог так ошибиться! София вовсе не любит его. Она испытывает лишь дружеские чувства. Возможно, даже жалеет. Но любви в ней нет. К нему. И как он мог подумать, что такая светлая, чистая душа полюбит его — бесчувственный камень, который столетиями губил людские жизни, считая себя всемогущим властителем.

— Конечно... — София криво улыбнулась. — Конечно, я буду твоей женой... если так надо. В конце концов, это не первое безумство, которое я делаю для своей родины...

Хозяин кивнул. Да, он прекрасно помнил, как «жертва» впервые появилась на пороге Замка. Он горько улыбнулся. Кошчи хотел сказать, что никогда не будет принуждать девушку ни к чему. Но не смог и рта раскрыть. Тело не подчинялось.

Тогда он наклонился к Софии и прикоснулся кончиками пальцев к волосам, провел по щеке. Девушка вся сжалась, но смотрела прямо ему в глаза, не отрываясь. Кошчи потянулся к ней губами, чтобы хоть раз прикоснуться к ее устами в прощальном поцелуе... София решительно отодвинулась и добавила:

— Я согласна... но только если ты пообещаешь никогда не дотрагиваться до меня!

Звон разбившегося стекла громом обрушился на голову Кошчи. Что это? Разбилось его сердце? Или глупые мечты? Или идиотские надежды? Хозяин открыл глаза. В ярком свете круглой комнаты он увидел на полу осколки зеркала. Тонкие губы тронула усмешка: все гораздо прозаичнее.

В особо большом осколке он увидел встревоженное лицо молодого человека. Принц! Ну, конечно! А чего он ждал? Сам же оттолкнул Софию, сказал, что девушка ему не нужна. Хозяин глухо застонал, прикрыв глаза ладонями. Как же быстро она нашла утешение! Кошчи беспокойно мерил шагами комнату. Под ногами жалобно скрипело стекло. Да, она всего лишь человек. Им отмеряно не так много времени, чтобы растрчивать его на пустяки... вроде дружеских чувств к чудовищам... ведь Кошчи в народе называют именно так.

А он — принц. Молодой, красивый, богатый. Кошчи сам вложил в ладонь соперника руку любимой, подкинув в секретные архивы нужные бумаги. На простолюдинку шатранец и не взглянул бы. Но теперь, когда София единственная наследница трона Минда, пронырливый юноша не упустит своего. Любовь... Губы Кошчи вновь изогнулись в циничной усмешке. Ей нет места в покоях королевских особ. Возможно, добрая девушка действительно влюбилась. Но принц не сможет дать ей всего того, что София заслуживает... всего, что он положил бы к ее ногам.

Она готова принести себя в жертву... ну что за маниакальная тяга! Конечно, сбежать с ним в неизвестность, было бы весьма глупо. Он не ведал, как поведет себя Сила вдали от Источника. Может, покинет его насовсем, и он станет... никем, слабым, нищим... И София будет упрекать его, что отказалась от трона и красавца мужа, а взамен получила голод и холод. А может, восставшая Сила убьет непокорного Хозяина, и тогда девушка снова останется ни с чем.

Как же он мог так обмануться? Почему он решил, что София любит его? Тихий шепот в глубине сердца вещал, что в иные времена, пока в теле Кошчи не было живой воды, Хозяин насквозь видел людей. Но противоречивые эмоции почти оглушили Кошчи. Он не верил сам себе. Сомнения, сомнения, сомнения. Они пробудились, подпитываясь страхами и неуверенностью, и грызли душу, отравляли мысли, терзали сердце.

Кошчи закричал, не в силах больше терпеть эту жгучую боль, взметнул руки к небу.

Осколки зеркала поднялись в воздух и закрутились вокруг него в бешеном хороводе. Все быстрее и быстрее, вихрь кружился вокруг его тела. Острые грани стекла разрывали ткань одежды, резали кожу, царапали душу. Физическая боль немного притупила сердечную.

Хозяин хлопнул в ладоши, и крошечные осколки застыли в воздухе. Старик прав: управлять Силами становилось все легче. И чем меньше эмоций обуревало его, тем проще было колдовать. Многочисленные кровоточащие порезы затягивались на глазах. Ладони распирало изнутри. Кошчи чуть раздвинул их, освобождая небольшой шарик клубящегося черного тумана, который изредка бороздили синие стрелки молний. Это его гнев. Криво усмехнувшись, Хозяин перебросил шарик в левую руку, правой с легкостью собирая зеркало мира в куб. Тот послушно встал посередине круглой комнаты, словно его и не разрывало на мелкие частички. По поверхности струились ключья белесого тумана.

Кошчи махнул рукой, словно отгоняя муть. Та послушно рассеялась, открывая взору синюю океанскую даль, по поверхности которой были разбросаны корабли, будто куски хлеба на главной площади. Хозяин сузил глаза: насадчане! В следующий миг шар с заключенным в него гневом полетел в зеркало. В хлюпающем звуке сгусток вонзился в серебристую поверхность. Просочился внутрь куба и растворился в океанских глубинах.

Зеркало не дрогнуло, словно ничего не произошло. Лишь легкая дымка окутала видение насадского флота. А когда она рассеялась, взору предстали рваные куски дерева, раскачивающиеся на абсолютно черных волнах...

Утро началось с масштабной перегруппировки войск Минда. Главнокомандующий королевской армией генерал Дан Айсель начал наступление на войска Насада, никак не ожидавшие от обороняющихся такой активности. Весть о поддержке со стороны Шатры летела впереди армии, вызывая приливы восторга и громогласные дифирамбы в адрес союзников. Принц Циоан приобрёл бешеную популярность, не меньшую, чем сам Айсель. Но ещё ярче была слава его невесты Софии. «Знающие люди» поговаривали, что эта красавица не меньше, как тайная дочь покойного короля Руиса, и с каждым днём всё больше и больше народу верило этому. Не был обойдён слухами и тот факт, что именно усилиями девушки сошла «на нет» хваленая мощь насадских магов. Поговаривали, что она использует силу самого Хозяина и чуть ли не его ученица, но это, конечно, было уже чересчур и утверждающих это поднимали на смех.

А между тем, наступление Минда росло и ширилось. Довольно скоро стало известно, что насадчане заперты в «котёл» — шатранский флот наголову разбил насадский, и тот не мог более поддерживать свои сухопутные части. Впрочем, королева проявила милосердие — ладьи, избежавшие столкновения, могли беспрепятственно возвращаться восвояси, но таких было немного... Кроме того, Шатра не ограничилась поддержкой флотом. Сразу после снятия морской блокады, в Минд был переброшен знаменитый Отдельный Егерский полк. Участь насадского нашествия была предпринята.

Прошёл месяц со дня встречи Софии с братом — и вот уже по улицам столицы торжественным маршем прошли части Миндской армии и союзников. Несмотря на кислые физиономии некоторых чиновников главного штаба, главнокомандующий Дан Айсель был из полевых генералов произведён в действительные маршалы. Поговаривали о предстоящем назначении его военным министром, но подобное представление мог утвердить только король. Или королева.

Дану пришлось проделать огромную работу, чтобы найденные его агентами

свидетельства о происхождении сестры, приобрели законную силу. Не обошлось без крови, политика не всегда делается чистыми руками и бархатные перчатки на этих руках зачастую нужны, чтобы спрятать латные рукавицы. О таких подробностях Айсель честно сообщал Циоану, но, по их молчаливому обоюдному согласию, делалось всё, чтобы новообретённая принцесса королевства Минд не узнала о своём пути к трону ничего такого, что могло бы вызвать её неприятие, и разрушить таким трудом закрученную интригу.

Тающие лучи заката жадно, словно в последний раз, облизывали густеющий небосвод. Мелодичная песня горного ручья заполняла пустоту сумерек. Будто крадущийся змей, обследующий свои владения, ручеек лавировал среди каменных глыб скалы, возвышающейся близ славного города Арлейн. Струйка воды прорывалась вниз, к земле, таящей в себе древнее знание, скопление мертвой Силы, источник Мертвой воды...

Кошчи задумчиво любовался небольшим водопадиком, наполняющим пруд свежей водой. Сумерки сгущались, спешно поглощая последние искорки солнечных лучей, запутавшиеся в паутине тонких струй. Странно, но подвижный портрет Старика, образованный каплями водопада, с приближением темноты только обретал большую четкость. Сила Хозяина росла.

Единственный друг, приятный собеседник, вечный соратник и полная ему, Кошчи, противоположность, Хозяин Живой воды предпочитал облик пожилого человека. Это было странно. Теперь, когда силы уравнивались, умирал Старик гораздо реже и мог выбрать любой возраст. Кошчи же всегда оставался таким, каким был в момент первого принятия Мертвой воды. Время для него словно остановилось в тот момент. Тело перестало стареть... мертвые не дряхлеют.

— Тебе грустно, — констатировал Старик.

— Немного, — равнодушно ответил Кошчи.

Да, с момента последней встречи с Софией, он словно оцепенел. Получив частичку жизни, теперь не знал — что с ней делать. Живая вода, не получая подпитки из эмоций, словно затаилась где-то в глубине его тела. Привычная сила вернулась. Кошчи с легкостью создал облако мельчайших брызг вокруг водопада. Некая мряка очень понравилось молчаливой русалке, но Хозяин старался вовсе не для нежити. Это было очень удобно для общения с Хозяином Живой воды, поскольку позволяло не нырять под воду.

Теперь он все время проводил во дворе Замка по одной простой причине — Старик тоже всегда был рядом... какой-то своей частью. Сперва они успешно управляли возрастающей мощью миндских воск, потом постепенно приводили в порядок разрушенные города, тайно помогая стране встать с колен нищеты и упадка. Силы мертвой воды восстанавливали привычное течение жизни, силы живой — подчиняли умы людей, чтобы миндчане как можно скорее пропитались мирными настроениями, отбросив мысли о мести...

Кошчи уже давно понял, что Живая вода не дарует жизнь. Эта немислимая субстанция заставляет лишь ощутить то сокровенное, так отчаянно желаемое... Насадчане жаждали силы, и они ее ощущают... Вот только пользуясь новообретенной Силой, маги растрачивают те запасы живой воды, которые проникли в их тела. Он, Кошчи, хотел быть живым. Для него это означало снова почувствовать жизнь. И он ощутил ту бурю эмоций, которой был лишен многие столетия. Но это — не жизнь, а лишь ее иллюзия. Его тело по-прежнему мертво, его ум — остр и холоден. Стоило ему на время переключиться с мысли о Софии на

восстановление порядка во владениях, как отравляющие жизнь мысли унесло, словно порывом свежего ветерка.

И свобода от терзаний была бы благом... если бы Кошчи был жив. Но вместе с мучениями испарились и те нотки жизни, которых он так жаждал. Живую воду Хозяин с легкостью использовал в своих целях. Было гораздо легче сделать так, чтобы жертва сама захотела сделать то, что в иное время Хозяину пришлось бы вынудить ее совершить. Запасы Живой воды потихоньку таяли, Кошчи возвращался к самому себе, к вечной смерти и холодному равнодушию. Избавиться от жизни стало такой же навязчивой идеей, как некогда и вернуть ее...

София сидела у раскрытого окна. Огромный проем должен быть застеклен разноцветными витражами... во всяком случае, так ей рассказывали придворные дамы. Но сейчас на деревянных палках натянуты куски ткани. Отголоски разрушительной войны не способны спрятать ни яркие флаги, преувеличенно весело колыхающиеся на сильном ветру, ни натужные улыбки дворовых людей, что переносили из подвала какие-то тяжести.

Огромные зияющие дыры в стенах замка невозможно было не замечать. Как и оплавленные страшной силой магии камни, и кляксы крови, не поддающиеся ни дождю, ни тряпке прислуги. Все напоминало о кровавой бойне. Насадчане тогда всего за несколько дней захватили столицу Минда и жестоко расправились с членами королевской семьи и их приближенными. Чиновники главного штаба изо всех сил пытались придушить слухи о том, что самого Руйса тогда утопили с бочке с дерьмом. Но скрыть подробности падения королевской династии было не под силу даже им. Народ никогда особо не поддерживал погибшего короля.

Зато теперь новоявленную принцессу просто боготворили. И боялись. Может, потому восхищение незаконнорожденной наследницей и росло с каждым днем. Из-за страха. Все непонятное вызывает в простом люде панический страх. Иначе насадская армия не смогла бы так быстро поработить Минд. Магия сковывает волю, наполняя души ужасом не своей волшебной Силой, а лишь только сомнительными, а зачастую, и откровенно лживыми посулами тех людей, что гордо именуют себя волшебниками.

Одиночество. Горькая пилюля, которой жизнь лечит израненное сердце. В силе лекарства можно было бы усомниться, но время действительно слегка притупило жгучую боль, терзающую душу. Для Софии сейчас были благом те минуты полного уединения, которые дарил ей брат. Дан Айсель, как маршал и будущий министр, взял в руки управление предстоящей коронацией... и жизнью своей приемной сестры. Он геройски отвоевывал для нее малейшие возможности изменить жесткий придворный этикет. А для этого мужества требовалось не меньше, чем в самом кровавом бою. Девушке не нравилось быть неподвижной куклой, вокруг которой служанки устраивают раздражающую круговерть. Она привыкла сама вытирать рот после еды, а не ждать, пока специальный человек промокнет губы салфеткой, и наивно считала, что спуститься по лестнице — дело простое, и не требует двух пажей, удерживающих подол платья. Уж не говоря о том, чтобы послушно позволять умывать себя или облачать в роскошные наряды...

Но все это меркло на фоне предстоящего события. По щекам скользнули две непослушные капли. Циоан. Нескладный мальчик, отчаянно хорохорившийся во дворе Хозяина, некогда скрасил ей долгие дни ожидания Кошчи. За это время стал хорошим приятелем. Никогда не просил показать чудо, считая просто человеком... Со своими

чувствами и убеждениями. Никогда не спорил и не пытался разубедить, не навязывал своего авторитетного мнения. А ведь он рос и воспитывался принцем! Все это подкупило одинокую сироту, смягчило сердечко.

Далее, в трудном походе, полном крови и смертей, юноша показал себя отличным бойцом и настоящим мужчиной. Уважение к шатранцу росло с каждым днем. Прекрасный полководец, он раскрыл свои таланты именно в самые тяжелые и трудные времена. София даже не успела заметить, куда подевался любопытный мальчик, движимый жаждой славы в самое логово чудища. При всей своей Силе, дарованной Хозяином Мертвой воды, София никогда не ощущала себя всемогущей... и даже просто защищенной. Но рядом с Циоаном, она была словно за каменной стеной. Спокойная улыбка, твердый взгляд, и страхи отступали, страдания рассеивались, как кошмары с первым криком петуха.

Шатранский принц стал для Софии настоящим другом. И тем тяжелее сейчас было смотреть в глаза юноши. Она не просто обретала нелюбимого мужа, но и теряла самого дорогого друга. Слезы вновь заструились по лицу, размывая вид раскуроченного двора. Всхлипнув, София вытерла щеки тыльной стороной ладони. Пытаясь отвлечься от тяжких дум, заскользила взглядом по строящимся баракам. Именно в них были пока расквартированы знаменитый Отдельный Егерский полк. Именно здесь Дан, пользуясь разрешением шатранского принца, набрал новые отряды королевской стражи. В беспокойное время дополнительная предосторожность никогда не лишняя. А доверить охрану Циоана и своей любимой сестры, будущий министр не смог бы больше никому.

Наблюдая за егерями, София рассеянно обмахивалась огромным белоснежным веером. Шатранцы не знали слова «отдых». В то время, как миндские войска праздновали победу в уцелевших столичных кабаках, егеря проводили тренировочные бои, чистили одежду или выполняли комплексы загадочных упражнений. Используя любые подручные средства, будь то куски дерева, камни, или просто дубины, шатранцы отбивались от товарищей, вооруженных мечами. София воочию убедилась, что любой из специального отряда, оставшись в одиночестве, да с голыми руками, мог бы оказать сопротивление группе вооруженных до зубов солдат.

Маршал, ее брат, оценил военные способности Егерского отряда. Дан почему-то считал, что на жизнь Софии будут покушения. И особенно настаивал до коронации не общаться ни с единым представителем главного штаба. Циоан поддерживал его убеждения. Ведь даже магический дар не защитит Софию от подлого удара в спину. Трон целого государства был слишком лакомым кусочком для множества безумных проходимцев, коих в нестабильные послевоенные времена всегда находилось превеликое множество.

София вздрогнула, ощутив на себе пристальный взгляд. Как ей показалось, весьма недобрый. В иное время, София списала бы тревогу на нервы и постаралась поскорее забыть об этом, но война научила девушку доверять прежде всего себе... даже если это лишь смутные предчувствия. Она постаралась разглядеть, откуда на нее смотрели. Крайний, еще недостроенный барак, казалось, был совершенно пуст. Но девушка могла бы поклясться — там кто-то есть. И этот кто-то страстно ненавидит ее. Мурашки побежали по незащищенной коже: глубокое декольте открывало почти всю спину. София ощутила, что совершенно беспомощна. Если враг сумел пробраться в ряды Егерского полка, то ему не составит особого труда втереться и в изменчивые ряды придворных.

— София. — Тихий голос заставил вздрогнуть.

Циоан пристально смотрел на невесту с порога, словно не решаясь войти. Девушка

поежилась, ощущая неловкость. Обняла себя за плечи, то ли пытаясь укрыться от пытливого взгляда, то ли стараясь согреться. Утренняя свежесть уже наполнила королевские покои через распахнутое окно. Шатранец поспешно подошел и укрыл невесту своим плащом.

— Спасибо, — прошептала София и слабо улыбнулась, пытаясь скрыть облегчение оттого, что декольте надежно скрыто. Губы чуть дрогнули. — Уже пора?..

Циоан кивнул, пряча взгляд. После того, как девушка призналась, что любит другого, он ощущал себя по меньшей мере захватчиком... а порой, даже монстром, за то, что принуждает Софию стать его женой. Словно своими руками хоронит красну девицу в темной пещере. Но после того как открылось истинное происхождение девушки, выхода не оставалось ни у нее, ни у него. Ведь и сам Циоан четко осознавал, что, соглашаясь на условие, — никогда не притрагиваться к ней, — он самого себя обрекает на тяжкие муки. Быть мужем любимой, но не иметь возможности поцеловать, приласкать...

София искоса наблюдала за мрачнейшим юношей. Еще не так давно, когда они были хорошими друзьями, мысли Циоана всегда были открыты для нее. Теперь же оставалось только гадать, что его так расстроило. Судорожно вздохнув, девушка попыталась сдержать слезы. Она и так почти всю ночь оплакивала свои несбывшиеся надежды и безвременно ушедшую дружбу. Правильно говорят в народе — слезами горю не поможешь. Они даже облегчения не приносят. И оставляют после себя лишь сожаление о потраченном времени, да иссушающую жажду.

— Дан считает, что нам лучше отправиться чуть раньше намеченного, — глухо произнес Циоан. — Для безопасности...

София просто кивнула, не в силах произнести ни слова. Принц помрачнел еще больше, суетливо поклонился и развернулся к дверям. Девушка вскочила и, бросившись за ним, схватила за рукав. Циоан вздрогнул и обернулся. На лице его сияла надежда. Девушка медленно отпустила ткань рукава и отступила. Ей хотелось сказать, что Циоан всегда будет ей самым близким другом, что она безмерно благодарна ему за то, что он был рядом, за поддержку, за Егерский полк... Но слова комком застряли в горле. София поняла, что принц ждал совсем иного. Циоан вновь нахмурился, коротко кивнул и ушел, хлопнув дверью.

XXII

Кошчи медленно прохаживался по двору Замка. Этой ночью он совсем не спал. Легкая дремота в последнее время лишь изредка набрасывала на него свое мутное покрывало, сотканное из теней и шорохов. Все возвращалось на круги своя: крестьяне перестали ежедневно ломиться в ворота с глупыми просьбами, страх перед Хозяином вновь заполнял округу. Жизнь городка Арлейн тоже потихоньку возвращалась в свое русло. По разбитым дорогам потекли пока что легкие ручейки вчерашних воинов, а сегодня — мирных торговцев.

Конечно, товары еще не отличались разнообразием, а цены — скромностью. Но сам факт уже настраивал жителей на мирный лад. Лето принесет новый урожай, голод отступит, дети вырастут, заменив погибших родителей. Все это Кошчи уже наблюдал не раз. Жизнь всегда продолжается, везде: рядом, далеко, вокруг, в небе и в земле... но не внутри Замка. И так будет продолжаться вечность, ибо изменчиво все, а смерть — она навсегда. И все было бы так же, как раньше... если бы не жгучая боль, разрывающая грудь.

Мучительная, тупая, отравляющая видимость жизни, боль стала его существованием. Конечно, Кошчи убедил себя в том, что живая вода не воскресила его, и старательно использовал Силу, чтобы избавиться от нечаянного подарка Старца. Но боль уходила

слишком медленно. Живой мертвец! Кошчи усмехнулся: народ оказался совершенно прав. Впрочем, как всегда. Человек сам по себе недалек и ограничен, но люди в массе своей обладают некой таинственной силой, ничуть не уступающей его, Хозяина, могуществу. Когда они вместе, они видят без глаз и понимают без слов. Вот только объединяются они лишь в самых крайних случаях. Например, угрозе полного уничтожения целого королевства...

Хозяин вздохнул, привычным пинком прогнал вечно-бормочущего лешего. Это существо, безотчетно влюбленное в русалку, постоянно крутилось под ногами. Даже вездесущих Черныш не раздражал Кошчи так сильно. Но уничтожить лешего рука не поднималась. Кошчи словно стал ценить каждую капельку Живой воды, покинувшей его тело. Это было еще одно подтверждение, что страдания его не вечны... в отличие от него самого. Когда-нибудь, все закончится. И он уже не поддастся опасному порыву, не шагнет назад, в прошлое, не вдохнет жизнь в тело вечного стражника неведомой силы мертвой воды... Не растает под нежным взглядом голубых глаз!

Под утренними лучами солнышка воздушное облако над прудиком заиграло разноцветной пляской радуги. Многочисленные отражения небесного светила сверкали в каждой капельке, переливались в золотых боках проснувшихся рыбок, звенели заливистым смехом шумного водопада. Кошчи поморщился и недовольно щелкнул пальцами. Вмиг на небе заструились легкие облака, заслоняя не в меру радостное солнышко.

— Какой ты мрачный, — иронично хмыкнуло радужное отражение, которое, невзирая на отсутствие ярких лучей, продолжало играть в гуще водяных брызг. — Даже немного завидно... Именно так и должен выглядеть настоящий Хозяин! Вот только мне никогда не удавалось долго удерживать такое выражение лица. Может, поэтому, я и избегаю встреч с людьми...

— Жаль, что ты не избегаешь встреч со мной, — буркнул Кошчи, тщательно скрывая радость. — Ни днем от тебя покоя нет, ни ночью! Нет бы раньше приходил... когда я изнывал от скуки в темных пещерах.

— С тем существом у меня не нашлось бы ни одной общей темы для разговора, — мягко усмехнулся Старик. — Ну, скажи о чем можно говорить со смертным?..

— С тем, кто ни разу еще не умирал? — с сарказмом в голосе уточнил Кошчи. — И правда, о чем... — Шутливо хлопнул себя по лбу: — Ну вот, разве что, о жизни!

— Поражаешь ты меня, — проворчал Старик. — Сам уже сколько столетий как мертв, а все еще веришь в жизнь... и в людей.

— Можно подумать, что ты не веришь, — недоверчиво хмыкнул Кошчи.

Старик лишь устало вздохнул. Тучки на небе давно уже рассеялись, вместе с недовольством Хозяина мертвой воды, и теперь, рядом с колдовской, красовалась настоящая радуга.

— Странно, — наконец произнес Старик. — Ты утратил жизнь, но не потерял к ней интереса... А вот у меня все совсем наоборот. И это удручает. И одновременно подстегивает к изучению такого оригинального существа, как ты. Конечно, если бы ты не пришел ко мне, то мир не был бы на грани выживания... Но я невероятно счастлив, что ты все-таки отважился на такой шаг. Иначе, я так и остался бы навеки умирающим, ускользающим от жизни.

— Рад, что помог, — невесело ответил Кошчи. — Но сам я так и останусь навеки живым мертвецом. И жизнь для меня — лишь красивая картинка, сотканная солнечными

лучами и нитями дождя на небосводе. Любоваться ей можно сколько угодно... а вот ощутить — уже никогда.

— Разве капля живой воды уже покинула тебя? — удивленно спросил Старик.

— Нет, — скривился Кошчи. — Видишь ли, я понял, что Живая вода не дарует жизнь. А суррогат мне не нужен.

— Какой ты стал мудрый, — печально качнул головой собеседник. — Мне жаль...

— А я ни о чем не жалею, — тихо ответил Кошчи. — Я вообще никогда ни о чем не жалею, не в моих привычках. А об этом — и подавно. Пусть иллюзия, но на какое-то время я действительно поверил, что жизнь наполнила меня. А это дорогого стоит...

— Вот об этом я и говорю! — с энтузиазмом воскликнул Старик. — Ко мне приходили тысячи тысяч! Но мне казалось, что приходит один... в тысячный раз. Ничего нового, все дай, да дай! Жадность, сила, власть, удовольствия... И только ты был иным.

— Сила и власть быстро приедаются, — отмахнулся Кошчи. — А после смерти удовольствия тела стали мне недоступны. И удовлетворение приносило лишь наслаждение ума. Узнать что-то новое, увидеть необычное, разгадать скрытое...

— Я тебе почти завидую, — прошелестел голос Старика.

— Уже уходишь? — удивился Кошчи, наблюдая, как быстро тает разноцветный портрет.

— Силы Мертвой воды прогоняет часть духа. — Едва расслышал он ответ.

— Странно...

Хозяин огляделся. Черныш спал на ветке рядом с русалкой. Та печально смотрела в сторону дороги, видимо, ожидая возвращения нового поклонника. Замок, казалось, дремал. Во всяком случае, Кошчи не уловил ни единого движения Силы. Но беспокойство не отпускало. Нахмурившись, Кошчи прислушался к земле. Нет, дрожь давно утихомирилась: войны позади, кровь смыло дождями. Так что же так встревожило Силу?

Не в силах отмахнуться от дурного предчувствия, Хозяин вошел в Замок. Гул шагов суетливо множился под высокими сводами, отражался от зеркальных стен и разбивался о невозмутимость древних пещер. Круглая комната встретила Хозяина прохладой.словно легкий бриз пощекотал ноздри. Поверхность зеркала мира ярко сияла. Не в силах разглядеть причину странного поведения куба, Кошчи протянул руку, ожидая прикосновения к гладкому стеклу...

Огромный тронный зал, казалось, уменьшался с каждым мгновением. И дело было вовсе не в волшебстве. София с замиранием сердца наблюдала, как в распахнутые двери буквально течет река человеческих тел. Похоже, что поприветствовать новообетенную наследницу трона собралось все королевство. Шум стремительно нарастал, давил на виски. Пестрые наряды вызывали резь в глазах. Девушку уже давно тошнило. Как же хорошо, что она так и не смогла втолкнуть в себя ни кусочка из королевского завтрака.

Опустив голову, София попыталась незаметно посмотреть на юношу. Тот стоял от нее по правую руку. Циоан был бледен, но всем видом выражал решительность и благородство. Конечно! В тронном зале шатранский принц наверняка ощущал себя, как рыба в воде. Во всяком случае, уж точно более уверенно, чем в Замке бессмертного чудовища.

София зажмурилась, представляя себя далеко отсюда, под защитой прохладных стен. Ирония судьбы: принц так отчаянно искал заколдованную принцессу, которая принесет ему полцарства... А нашел колдунью и целое королевство! Как в сказке! И даже не пришлось бороться со злодеем. Девушка тяжело вздохнула: она бы с удовольствием отдала жизнь за

возможность вновь стать маленькой бедной сиротой, что некогда принесла себя в жертву колдуну...

Зазвучали фанфары. Барабанная дробь, казалось, раздавалась прямо в голове. Мощный рев толпы ворвался в распахнутые окна. София вздрогнула и растерянно огляделась. Призрак каменного замка медленно таял в свете огромного количества коптящих свечей. Зачем их зажигали, осталось загадкой. Солнце и так светило чересчур ярко, на небе — ни единого облачка. Пламя отражалось в украшениях придворных, возможно, сохраненных чудом во время войны. От сверкающих камней рябило в глазах... не меньше, чем от множества фальшивых улыбок. В глазах можно было видеть лишь зависть и страх.

София криво улыбнулась: она знала, за спиной ее кличут Ягой. Что это прозвище — от Ягодки, никто в народе уже не помнил. Теперь это было устрашающее имя для ведьмы. Чиновники славно постарались принизить ее заслуги в исходе войны. И лишь стараниями Дана и шатранского принца репутация незаконнорожденной принцессы не была погублена окончательно. Хотя... скорее всего, это просто страх. Обыкновенный человеческий страх перед неизвестным. София взглядом останавливала могучих насадских магов, движением руки снимала морок с солдат из насадской армии... Как бы ни старались тайные недоброжелатели, развеять слухи о великой силе ведьмы, они не смогли.

Сановники в роскошных нарядах торжественно ступили на красный ковер. Изящные завитки золота на багровых подушках вызывали лишь восхищение работой мастера. София никогда, даже в детстве, не мечтала быть принцессой. Поэтому, вид короны не вызвал трепета в душе. Человек в золотом плаще, который придерживал шагающий следом мальчонка, обошел молодых кругом. Их венчали прямо во время коронации. Так решил Дан. Будущий министр не хотел давать недовольным чиновникам ни малейшего шанса что-то изменить.

Роскошные наряды сановников резко контрастировали со щербатыми стенами тронной залы. Когда-то шикарно-отделанные лучшими ремесленниками, покрытые золотой пылью, стены, служили воплощением роскоши и высокого положения двора Минда. Под ногами скрипели еще пахнущие лесом доски. Циоан мрачно осматривался. Да, он помнил тот день, когда впервые попал сюда. И помнил свой гнев по поводу такой показной роскоши. Но вандалы явно перестарались. Даже огромные плиты из редкого камня, которыми ранее был уложен пол тронного зала, были разбиты и выкорчеваны. Одна из таких плит провалилась под его ногами в подкоп Всериила...

Целых два дня трудились солдаты Минда, освобождая зал от обломков. И еще неделя понадобилась на то, чтобы сделать временный настил из досок. Циоан работал все это время, не покладая рук. Принц трудился рука об руку с братом Софии, не уделяя должного времени еде, сну, отдыху... Он брался за любую, даже самую тяжелую работу. И лишь это избавило его от тяжелых дум о разрушенном счастье.

Казалось, что жизнь подарила ему все, о чем он мечтал... Но королевство разорено и не одно поколение будет поднимать пошатнувшееся величие. Множество свечей, по поводу которых так недоумевала София, были призваны отвлечь внимание присутствующих от жуткого состояния дворца.

Рядом с ним та самая: единственная, желанная... принцесса, которая вот-вот станет его королевой. Но на личике девушки такая скорбь, что сердце принца разрывалось на части от сострадания к ней и жалости к самому себе. Полюбит ли София его когда-нибудь? Или будет каждую ночь думать о том, другом? Очередную долгую ночь, когда он к ней снова не

прикоснется.

Циоан с тоской вспоминал те несколько чудных недель, когда они жили в замке мифического чудовища. Казалось, он никогда не был так счастлив, как тогда. И никогда уже не будет. И даже война оставила в душе лишь приятные воспоминания. О темных ночах, когда они весело болтали у походного костра. О холодных днях, когда он бережно укрывал хрупкие плечики девушки, а она благодарно улыбалась в ответ. Сколько искренней нежности было в ее глазах! А он замирал, затаивая дыхание, и лелеял мечту о сладком прикосновении губ, принимая дружеское расположение за нечто большее...

Будущий король предложил руку Софии. Она легонько, словно боялась обжечься, коснулась ее тонкими холодными пальцами. Несколько шагов по красному ковру. На голову лег холодный обруч короны. Изящный с виду, он оказался невероятно тяжел. Потребовалось усилие, чтобы не склонить головы. Но неизмеримо более тяжкий груз лег на душу. Все! Назад дороги нет.

Циоана во всеуслышание объявили как нового короля Руйса Эвана. Имя пришлось сменить на более привычное слуху миндчан. Династия возобновлена, тень грядущей гражданской войны растаяла в золотистом сиянии свечей. Гул толпы рос. Казалось, ударь сейчас с небес гром, его раскаты бы запросто потонули в шуме радостной толпы. Коронация поставила в разорительной войне жирную точку. Народ верил — теперь жизнь наладится и все потечет по-прежнему...

Королевскую семью окружили придворные, наперебой поздравляя новоиспеченных правителей. Дан, с помощью небольшого отряда, отчаянно пытался сдержать натиск толпы, призывая двор выстроиться в очередь. Софию толкали, дергали за платье, жали руки. Каждый пытался засвидетельствовать свое почтение раньше других, не жалея сил для того, чтобы пробиться к королевской чете одним из первых. Поскольку люди верили, что их запомнят и отблагодарят...

У Софии закружилась голова, перед глазами засияли разноцветные круги. Она уже не понимала, кто ей представляется, кто ее держит, да и кто она сама... Циоан заслонил королеву своим телом, пытаясь оградить от «доброжелателей». Маршал махнул рукой, и отряд королевской стражи принялся оттеснять всех к выходу. Чету окружили несколько человек из Егерского полка.

София покачнулась, ощутив боль в боку. Она слабо вскрикнула, покачнулась. Циоан обеспокоено оглянулся и, увидев, что девушка падает, бросился на помощь.

— Ей плохо, — отойдите все! — закричал он.

Стража оттеснила всех подальше, открывая доступ воздуха к королеве, упавшей в обморок. Юный король принял из чьей-то руки кинжал, быстро разрезал шнуровку корсета, пытаясь освободить дыхание. Хотел было отбросить оружие в сторону, но заметил на острие рубиновые капли... Удивленно поднял глаза. Рядом стояла бледная Белка. Глаза девушки горели мрачным огнем, рот приоткрыт в немом крике. Казалось, она была в ужасе... от собственного поступка. Руки ее были в крови.

Циоан медленно перевел растерянный взгляд на лежащую Софию. Он не сразу заметил на багровом шелке парадного платья медленно расплывающееся пятно чуть более темного оттенка.

— Белка, — растерянно, одними губами, шепнул Циоан. — Почему?..

Девушка отрицательно качала головой и медленно отступала. Судорожно оглядывалась в поисках поддержки, но в глазах вчерашних товарищей видела лишь презрение и ярость.

— Она же ведьма! — истерично выкрикнула шатранка. — Она околдовала принца! — Всхлипнула, посмотрела на дрожащие ладони и добавила плачущим голосом: — А меня... заставила убить!

Белка рассмеялась и стерла слезу, скользнувшую по щеке, оставляя на коже багровый след. Она не понимала, что произошло. Вот она стоит и смотрит, как на Циона надевают красивую золотую корону. Вспоминает, как дала горцу обещание выйти замуж за его сына. И злится на равнодушие принца, который даже не попытался отговорить ее... Как в ее руках оказался кинжал?

Белка, странно посмеиваясь, медленно отступала от трупа королевы. Двое стражников схватили ее и вывернули руки за спину, обездвигив. Девушка и не сопротивлялась, понимая, что уже ничего не исправить. Из примолкшей толпы вырвался обеспокоенный Дан и спешно бросился к неподвижно лежащей девушке. Упал на колени и склонил голову на грудь сестры.

— Не дышит, — хрипло прошептал он.

— Надо перевязать рану! — воскликнул Циоан и, судорожно скинув бордовый камзол, через голову стянул рубаху, да разорвал ее на две части.

Маршал положил ему руку на плечо, словно успокаивая:

— Не надо, брат... ей не помочь.

Циоан нетерпеливо стряхнул ладонь Дана и обмотал стан Софии рубахой. Тело подергивалось в такт его движениям, словно это была лишь тряпичная кукла. Маршал вздохнул, словно сдерживая рыдание, и порывисто обнял короля, с силой прижимая того к груди:

— София мертва, — сказал он Циоану. Схватил юношу за плечи, отнял от груди, встряхнул, и, добившись более-менее осмысленного взгляда Циоана, настойчиво повторил: — Она умерла!

— Нет, — тот покачал головой, освободился из объятий Дана и закричал: — Нет!

Оттолкнув маршала в сторону, кинулся к Софии, но тут в его глаза ударил яркий свет. Сияние было настолько нестерпимым, что юноша застонал и, прижав ладони к глазам, упал на колени. Дан неосознанно пополз в сторону: сияние исходило от мертвого тела сестры.

Свет тем временем немного подняла над телом, и клубился уже на некотором расстоянии от пола. Он постепенно принимал форму короба, по каждой стороне которого струились змейки колючих искр. Воздух наполнился жутким гудением, словно в зале внезапно оказались несколько тысяч осиных гнезд. В толпе придворных зрела паника. Люди вопили от ужаса, кричали про конец света. Кто-то застыл на месте, не в силах пошевелиться, кто-то бросился к выходу. Последовала давка у дверей. Обезумевшие от страха, люди пробирались по телам упавших, не давая им шанса выжить...

Циоан раскачивался из стороны в сторону, не отрывая окровавленных ладоней от лица. Дан, опомнившись, вскочил на ноги и бросился на помощь принцу. В это время куб словно взорвался. Вспышка ярчайшего света прокатилась по залу, опрокидывая мощной волной всех, кто попадался на пути. Дан упал, придавив нового короля Минда своим телом...

Циоан услышал хлопок, и все смолкло. Пошевелившись, шатранец понял, что не пострадал. Осторожно выбрался из-под обмякшего тела маршала. Открыл глаза, но тьма не рассеялась. Кажется, он лишился зрения из-за чудовищной вспышки света. Но глаза потихоньку привыкли к полутьме, различая скопище неподвижных тел. Он потряс друга, но Дан не отреагировал. Приложив палец к шее, уловил пульс. Он жив! Вздрогнул, услышав шорох, и медленно обернулся.

В том месте, где примерно лежало тело Софии, стояла высокая фигура. Циоан различил резкие черты лица, темный костюм. Незнакомец выглядел обычным человеком, но бешено-забившееся сердце шатранца отказывалось это признавать. От фигуры словно исходило темное свечение. Еще вчера Циоан сам бы заявил, что такое невозможно, но мужчина словно затмил солнце тьмой.

— Хозяин, — против воли вымолвил молодой король. Пальцы нащупали кинжал Белки. Циоан схватил его и крепко сжал, словно ожидая нападения.

Кошчи обернулся. Тонкие губы изогнулись в жесткой усмешке.

— Я отдал ее тебе, чтобы спасти от неминуемой смерти, — прошипел он. — Подарил вам королевство, чтобы она ни в чем не нуждалась. А ты убил ее даже быстрее, чем моя Сила! Достоин ли ты жить после этого?..

— Не достоин! — Циоан поднялся, стараясь не замечать дрожи в коленках, и упрямо качнул головой: — Я готов к смерти!

— Прыткий какой, — недовольно буркнул Кошчи. Потом отмахнулся: — Живи уж...

— Тогда я сам! — выкрикнул Циоан и, размахнувшись, ударил кинжалом... с ладонь Хозяина.

Когда тот оказался рядом, молодой король не заметил. Острие расколосось на множество мельчайших кусочков, словно Циоан изо всех сил ударил по камню. Хотя, возможно, так и было...

— Минду нужен король, — бесцветным голосом молвил Кошчи. — И жертва Софии не должна быть напрасной.

— Я не могу, — рыдая, с трудом произнес Циоан. — Не могу... жить без нее. Я согласен не прикасаться к ней хоть всю жизнь... Пусть она меня никогда не полюбит! Пусть даже останется с тем, другим, кого она так отчаянно желает... Лишь бы просто знать, что она жива, что она есть на этом свете!

Кошчи вздрогнул. Слова... Те жестокие слова, что некогда сорвались с губ девушки. Они предназначались не ему, а Циоану. Как он мог быть так слеп? София всегда любила его. И готова была на любую жертву, следовала любому его слову. Куб каким-то загадочным образом на время пометил его в тело шатранского принца. И при этом выполнял приказ Хозяина... он же хотел увидеть девушку. Сила живой воды непредсказуема. Как же слаб человек! Он добровольно убедил сам себя, что чувства Софии изменились, что она теперь любит принца. И очень легко поверил в придуманную сказку. Почему? Все просто — лишь бы ничего не менять. Но риск часть жизни. А жизнь никогда не стоит на месте. За многие столетия он это забыл. Невозможно что-то удержать...

— Она будет жить, — решительно сказал Кошчи.

Он воздел правую руку к небу, призывая Силу. В тот же миг по залу пронесся черный вихрь, сметая все со своего пути. Поравнявшись с Хозяином, застыл, словно верный пес. Кошчи требовательно протянул руку ладонью вверх. Вихрь стремительно растаял, превратившись в маленькую каплю вязкой жидкости. Она парила прямо в воздухе, в дюйме от ладони.

Кошчи опустил руку, направляя капельку Мертвой воды на тело Софии. Частичка Силы растворилась, окутав девушку тонким слоем серебристого тумана. Тело вздрогнуло и вытянулось в струнку. От кровавого пятна на боку словно пошел легкий пар. Личико девушки разгладилось, словно она просто спала.

Хозяин поднял к небу другую руку и, словно в печали, опустил голову. Тьма, скрывающая

даже свет солнца, постепенно рассеивалась, словно дым, движимый ветром. Вокруг тела Хозяина, то тут, то там, засверкали искры, так, если бы сверху посыпалась мельчайшая золотая пыль. Над ладонью засеребрилась маленькая, еле различимая, капелька вязкой субстанции. Кошчи опустил руку и с холодной улыбкой рассмотрел ее.

Внезапно по залу пронесся порыв ветра, в окна ворвался проливной дождь. Циоан протер глаза, но это не помогло: ливень возник посреди абсолютно ясного неба. Холодные струи не падали вниз, а летели прямо в окна, словно стаи сказочных птиц. Капли воды шмелями носились по залу, даже не думая падать на пол, будто каждая жила своей собственной жизнью. Рядом с фигурой колдуна появилось огромное лицо, сотканное из нитей дождя.

— Не делай этого, — закричал Старик. — Даже я не знаю, что может случиться...

— Ты и в моем случае не знал, — безразлично отмахнулся Кошчи.

— Тебе просто повезло, — не унимался тот. — Твое тело приняло именно ту дозу Живой воды, которая была почти безвредна. Но, подумай! Утратив эту каплю, ты снова станешь прежним. Ты не будешь помнить о своих чувствах. И лишь нечто потерянное будет отравлять твое существование.

— Я всегда могу прийти к тебе в гости, — возразил Кошчи.

— Рискнув существованием нашего мира, — нахмурилось лицо. — Да и неизвестно, повезет ли тебе в следующий раз. На толику больше, и тебя разорвут противоположные Силы! Эта капля — твой единственный шанс...

— Как и ее, — упрямо мотнул головой Кошчи.

— Ты же знаешь, что она не станет живой, — грустно отметил Старик. — Это будет уже кто-то другой...

— Пусть так, — решительно ответил Хозяин. — Пусть она будет другой. Она — будет. И мне этого достаточно.

— Как знаешь, — Старик пожал плечами и исчез. В тот же миг потоки воды, недовольно метающиеся по залу, обрушились вниз.

А Кошчи медленно опустил руку, позволяя капельке Живой воды соскользнуть на тело Софии. К серебристому сиянию, охватившему девушку с каплей мертвой воды, добавилось теплое свечение, словно дымка над горизонтом в краткий миг. Когда солнце проваливается в сумерки...

Циоан моргнул и оторопело осмотрелся. Мокрые люди поднимались с пола. На лицах растерянное выражение, так, словно каждый внезапно очнулся от глубокого сна и не понимал, где находится. Молодой король быстро обернулся: тела Софии не было. Губы тронула печальная улыбка. Вряд ли они когда-нибудь увидятся. Но она где-то есть, она жива. И ради этого он будет жить. Как приказал Кошчи.

— Славься, Руйс! — крикнул кто-то.

Его поддержали, и вскоре растерянный ропот перешел в восторженный рев. О Софии никто и не вспомнил, словно ее и не существовало. Даже доблестный маршал Дан Айсель не пытался искать мертвое тело своей сестры. Хозяин прав: Минду нужен король. И он, Эван Руйс, поведет свое королевство в эру процветания.

Эпилог

Последнее время ему стала отказывать память. Отказывать жестоко, лишая всего, что освещало его долгую жизнь, пусть даже этот свет продолжался всего несколько месяцев — каплю в океане вечности. Он ещё помнил, что было что-то яркое, тёплое и доброе, но оно,

как за каменной стеной скрывалось за тяжёлыми словами, обрушившимися на него из пространства: «Ты снова Кошчи, пленник. И теперь уже навсегда...навсегда!» Неведомый глас, как остро наточенной косой, отсек прошлое от настоящего, оставив Хозяина где-то далеко, там, откуда нет возврата. Неприкаянный Кошчи бродил по Замку, не понимая — что всё это такое и откуда взялось? Кажется, он что-то потерял. Нечто важное... Впрочем, и понимать с каждым днём хотелось всё меньше, вселенское равнодушие постепенно заполняло каждый уголок его души. Злая воля стоящего над ним Нечто оставила памяти только одну картину — мрачная пещера, чадящий негасимый факел и одинокий, грязный человек на каменном полу.

Изо дня в день Пленник обходил свою комфортабельную тюрьму. Тут было чему удивляться человеку, лишённому памяти, но вместе с прошлой жизнью его лишили и этой способности. Фонтан, изображающий человека, пронзённого копьями, и изливающийся вином, задержал внимание Кошчи лишь на минуту, после чего тот проследовал дальше. Огромный чёрный кот, пытавшийся с ним заговорить на человеческом языке, так же не вызвал ни малейшей реакции. Похоже, что кота такое отношение задело больше, Черныш явно обиделся и сделал то, чего не делал до сих пор ни он сам, ни вообще любой другой кот в мире — он напился. Благо, вино в фонтане не кончалось...

Алкоголизм — бич не только народов... Вскоре кот вошёл во вкус и посещения фонтана сделал регулярными. Единственное, что могло порадовать окружающих, если бы кому-то до этого было дело, во хмелю Черныш буен не бывал, но натура его оказалась весьма творческой, видимо сказывалось детство, проведённое среди цыган. Упившись до состояния, при котором лапы еле двигались, кот возвращался к дереву и начинал орать песни. Увы, пьяный энтузиазм и артистическая натура никак не окупали полного отсутствия музыкального слуха и голоса. К тому же, репертуар кота также оставлял желать лучшего, цыганских песен он не пел, предпочитая похабные куплеты, которых наслушался в своё время от всякого сброда, отирающегося рядом с бродячим племенем. Единственным существом, хоть как-то переживающим за Черныша, была его верная мышка. Чудом избежав опасной встречи с каменными змеями, она вновь вернулась к коту. Но именно перед ней он куражился пуще всего, с трудом балансируя на обвивающей дерево цепи. Цепь день за днем становилась изгаженной и заплеванной до такой степени, что теперь даже знающий ювелир не предположил бы, что она сделана из чистого золота...

Впрочем, Хозяина это не заинтересовало. Чуть больше любопытства он уделял другой паре. Странного вида существо пыталось оказывать знаки внимания другому, не менее странному, явно чего-то от него желая. Кошчи иногда задерживался около водопада, наблюдая, как леший домогается русалки, а та, раздавая многообещающие авансы, раз за разом отказывает ему. Интересы всё происходящее не вызвало, это были лишь чувства, то, чего Неведомое Нечто лишило Пленника раз и навсегда. Но что-то жгло в груди... там, где у живых находится сердце. Хозяину не было больно, но странное ощущение не давало окончательно сдаться забвению. Так что, в очередной раз, обходя свои владения, Кошчи не стал задерживаться у водопада. Леший и русалка проводили его недоумёнными взглядами, они успели привыкнуть к зрителям, пусть даже столь немногочисленным, и отсутствие внимания пришлось им не по нраву. Впрочем, жаловаться было некому, сам Пленник их просто не слушал...

Ворота Замка больше не открывались, даже дорога к ним постепенно заросла и превратилась в едва заметную тропинку. Крестьяне некоторое время продолжали привозить

продукты Хозяину, но, после того, как в течение нескольких недель он перестал отзываться на стук, перестали, и новая традиция сгинула, так и не успев оформиться окончательно. Хотя, иногда Кошчи подходил к воротам. Что его толкало на это, он не знал, но всегда выслушивал то, о чём спрашивали снаружи, что-то отвечал и возвращался к своей рутине, мгновенно забывая о разговоре. Молодой король Руйс, уже получивший прозвище «король-одиночка», говорил слова благодарности за полезный совет закрытым воротам и возвращался к своим королевским делам, не переставая удивляться изменениям, произошедшим с Хозяином. Всеобщее забвение не обошло и его...

Где-то в окрестных лесах прятался домик, обычная заброшенная избушка, то ли временный приют охотников, то ли бывшее обиталище лесника. О его существовании знали немногие, но знание то было секретным. Если кто и делился обретенной тайной, то шёпотом, да с оглядкой. Дева-Ягодка давно уже именовалась Бабой Ягой, кончина и воскрешение никого не красят. Бывшая София не помнила из своей прежней жизни совсем ничего, смерть не оставила ей ни единой лазейки в прошлое. От отчаянья усохло тело. От слёз и горя, безнадежных и необъяснимых, постарело лицо. Однако, непостижимая ей самой, превозмогшая саму смерть, жила в ней Сила. Не такая, что помогла Хозяину построить Замок, но достаточная, чтобы привести в жилой вид заброшенное строение. Первое время люди узнавали, вспоминали её и шли за помощью. Не в силах терпеть мучения оттого, что к тебе обращаются как к знакомой, называют ничего не говорящим именем, новоявленная старуха однажды пожелала исчезнуть из этих мест. Станным образом Сила реализовала высказанное, у домишки появились ноги, похожие на громадные птичьи лапы. Повинуясь желанию хозяйки, дом ушёл в неведомые места. Правда, потом и там её нашли, но несколько недель покоя Яга обрела. С тех пор и повелось — стоило охотникам до дармовых советов разыскать бродячий домик да известить бабку просьбами — глядишь, а его и нету. Только очень внимательные могли заметить, что встречается Яга не дальше определённого расстояния от некоей точки, и уж совсем пытливые заметили бы, что точка та — мрачная громада Замка, где некогда обитал великий и ужасный Хозяин, не боявшийся ни жизни, ни смерти, повелевавший и тем и другим. Только пытливых и внимательных не влекут бесплатные советы, а прочие могли легко заблудиться в окрестных лесах, ведь шагающая избушка не искала открытых дорог и гладких путей. А когда их, заблудившихся да сгинувших в чащобе набралось изрядно, тогда и родился слух, что чрезмерно настырными Яга удовлетворяет свой аппетит. Слухи, известное дело, как снежный ком с горы — чем дальше, тем больше, неудивительно, что скоро иной снеди бабке и не приписывали, кроме как молодых парней, за счастьем путь свой наладившими, да совета у страшной ведуньи спросить дерзнувших. А уж коли девица какая в деле замешана, так смерти лёгкой и быстрой тому охотнику точно не видать!

Казалось бы — послушай, да махни рукой — ну, мол, те Ягодкины советы, своя рубашка ближе телу, а голова ценнее на плечах, чем под кустами. Ан нет, находились удальцы — кто без ума в голове, кто в удачу верящий, да отправлялись бродячий домик искать. Чаще не находили, но, чтобы не позориться, горазды были выдумывать всякую всячину, что, дескать, и дом нашли, и совет от Яги получили, а иные, побойчее, так хвастались, что отбивались от бабки смертным боем, и надолго отваживали её молодыми удальцами закусывать. Иным люди и верили, отчего ж не поверить, коль врут складно да гладко.

Третьи, которых меньше всего было, после многодневных блужданий по лесам вдруг выходили на потаённую полянку, где стоял — переминался с ноги на ногу невиданный

домишко. Встречала тех охотников до удачи женщина — не женщина, бабка — не бабка, девица — не девица... Может и страшная на лицо, да разве беда кого красит? Принимала в доме, кормила да выслушивала. А выслушав — указывала путь, ничего не обещая и взамен не требуя. А уж кто как тем путём распорядится — кому ж ведомо? Может, кто и находил свою удачу, но молчал о том, приобщившись тайн, имя которым — Жизнь Вечная, Смерть Неодолимая и Пустое Забвение.

А вечером, изо дня в день, выходила старуха из дому и поднималась на взгорок, откуда простирался вид на заросшую гору с каменным замком на вершине. Яга не понимала, почему это делает, но редкие мгновения счастья посещали ее именно вечером, когда она, не отрываясь, смотрела на каменные стены. И если бы кто-то мог наблюдать со стороны, то он сильно бы удивился. Лицо старухи начинало светиться, кожа разглаживалась, а глаза наполнялись такой силой, что, казалось, могли бы смягчить и камень. Вот только каменного сердца Хозяина свет их так и не достигал...

Кошчи, слушая пьяные вопли Черныша, задумчиво перебирал осколки зеркала мира в круглой комнате. Русалка, не дождавшись сегодня визита единственного поклонника, тихо дулась на дереве. Золотые рыбки весело играли в прудике, с удовольствием подставляя золотые чешуйки последним лучикам заходящего солнца. А в легком облачке, окрашенном томной радугой, иронично щурились старческие глаза.

— Ну что же ты, коллега, — вздохнул Хозяин Живой воды. — Я же тебя предупреждал... Но, знаешь, что хорошо в нашем положении — все повторяется. Уж я то в этом великий знаток! — Старец усмехнулся в призрачную бороду. — Так что... жду тебя в гости!

И видение растаяло с последним бликом заката, освободив место сумеречной тьме. В тот же миг Кошчи вздрогнул и огляделся. В мертвом взгляде за последние месяцы впервые появилась некая осмысленность. Хозяин поднялся и стряхнул с ладоней осколки.

— Воцарился мир, — ухмыльнулся он. Властно щелкнул пальцами: зеркало мира мгновенно собралось в куб, вобрав в себя все осколки. По поверхности клубился сизый туман. Кошчи осторожно коснулся пальцами холодного стекла и тихо добавил: — Значит, быть войне!

Больше книг на сайте - Knigolub.net